

ISSN 2518-7236 (Print)
ISSN 2663-5100 (Online)

BULLETIN

OF THE KARAGANDA UNIVERSITY

HISTORY. PHILOSOPHY

Series

№ 4(100)/2020

ISSN 2518-7236 (Print)
ISSN 2663-5100 (Online)
Индексі 74621
Индекс 74621

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

BULLETIN
OF THE KARAGANDA
UNIVERSITY

ТАРИХ. ФИЛОСОФИЯ сериясы

Серия ИСТОРИЯ. ФИЛОСОФИЯ

HISTORY. PHILOSOPHY Series

№ 4(100)/2020

Қазан–қараша–желтоқсан
30 желтоқсан 2020 ж.

Октябрь–ноябрь–декабрь
30 декабря 2020 г.

October–November–December
December, 30th, 2020

1996 жылдан бастап шығады
Издается с 1996 года
Founded in 1996

Жылына 4 рет шығады
Выходит 4 раза в год
Published 4 times a year

Қарағанды, 2020
Караганда, 2020
Karaganda, 2020

Бас редакторы
тарих ғыл. д-ры
З.Г. Сактаганова

Жауапты хатшы
PhD
С.Б. Стамбулов

Редакция алқасы

Пол Верт,	PhD, Невада штаты университеті, Лас-Вегас (АҚШ);
Томасо Тревисани,	PhD, Неаполь ориенталистика университеті (Италия);
Хоуман Садри,	Ақпарат пен саясатты талдау орталығының директоры, Тайтусвилл, Флорида (АҚШ);
С.В. Любичанковский,	тарих ғыл. д-ры, Омбы мемлекеттік педагогикалық институты (Ресей);
Даниэль Анорве,	Саяси және мемлекеттік зерттеулер кафедрасының профессоры, Гуанахуато университеті (Мексика);
Д.А. Аманжолова,	тарих ғыл. д-ры, РҒА Ресей тарихы институтының жетекші ғылыми қызметкері, Москва (Ресей);
Н.Н. Аблажей,	тарих ғыл. д-ры, Новосибирск мемлекеттік университеті (Ресей);
Ж.С. Сыздыкова,	тарих ғыл. д-ры, М.В. Ломоносов атындағы ММУ ААЕИ, Москва (Ресей);
Б.И. Карипбаев,	филос. ғыл. д-ры, Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті (Қазақстан);
Э.Р. Усманова,	Сарыарқа археологиялық институтының ғылыми қызметкері, Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті (Қазақстан);
В.Г. Ломан,	тарих ғыл. канд., Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті (Қазақстан);
В.В. Варфоломеев,	тарих ғыл. канд., Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті (Қазақстан);
А.К. Камалов,	тарих ғыл. д-ры, «Тұран» университеті, Алматы (Қазақстан);
И.А. Кукушкин,	тарих ғыл. канд., Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университеті (Қазақстан);

Редакцияның мекенжайы: 100024, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28

Тел.: (7212) 77-04-38 (ішкі 1026); факс: (7212) 35-63-98.

E-mail: vestnikku@gmail.com. Сайт: history-philosophy-vestnik.ksu.kz

Редакторлары

Ж.Т. Нурмуханова, С.С. Балкеева, Т.А. Кохановер

Компьютерде беттеген

Г.Қ. Қалел

Қарағанды университетінің хабаршысы. «Тарих. Философия» сериясы.

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Меншік иесі: «Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті» КЕАҚ.

Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігімен тіркелген. 30.09.2020 ж. № KZ70VPY00027384 қайта есепке қою туралы куәлігі.

Басуға 29.12.2020 ж. қол қойылды. Пішімі 60×84 1/8. Қағазы офсеттік. Көлемі 15,75 б.т. Таралымы 200 дана. Бағасы келісім бойынша. Тапсырыс № 85.

«Акад. Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды ун-ті» КЕАҚ-ның баспасының баспаханасында басылып шықты. 100024, Қазақстан, Қарағанды қ., Университет к-сі, 28. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, 2020

Главный редактор

д-р ист. наук

З.Г. Сактаганова

Ответственный секретарь

PhD

С.Б. Стамбулов

Редакционная коллегия

Пол Верт,	PhD, Университет штата Невада, Лас-Вегас (США);
Томассо Тревисани,	PhD, Неапольский университет ориенталистики (Италия);
Хоуман Садри,	директор, Центр анализа информации и политики, Тайтусвилл, Флорида (США);
С.В. Любичанковский,	д-р ист. наук, Омский государственный педагогический институт (Россия);
Даниэль Анорве,	профессор кафедры политических и государственных исследований, Университет Гуанахуато (Мексика);
Д.А. Аманжолова,	д-р ист. наук в.н.с., Институт российской истории РАН, Москва (Россия);
Н.Н. Аблажей,	д-р ист. наук, Новосибирский государственный университет (Россия);
Ж.С. Сыздыкова,	д-р ист. наук, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
Б.И. Карипбаев,	д-р филос. наук, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан);
Э.Р. Усманова,	н. с., Сарыаркинский археологический институт, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан);
В.Г. Ломан,	канд. ист. наук, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан);
В.В. Варфоломеев,	канд. ист. наук, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан);
А.К. Камалов,	д-р ист. наук, Университет «Туран», Алматы (Казахстан);
И.А. Кукушкин,	канд. ист. наук, Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова (Казахстан)

Адрес редакции: 100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28

Тел.: (7212) 77-04-38 (внутр. 1026); факс: (7212) 35-63-98.

E-mail: vestnikku@gmail.com. Сайт: history-philosophy-vestnik.ksu.kz

Редакторы

Ж.Т. Нурмуханова, С.С. Балкеева, Т.А. Кохановер

Компьютерная верстка

Г.Қ. Қалел

Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия».

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Собственник: НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова».

Зарегистрировано Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан.

Свидетельство о постановке на переучет № KZ70VPY00027384 от 30.09.2020 г.

Подписано в печать 29.12.2020 г. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Объем 15,75 п.л. Тираж 200 экз.
Цена договорная. Заказ № 85.

Отпечатано в типографии издательства НАО «Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова».
100024, Казахстан, г. Караганда, ул. Университетская, 28. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Карагандинский университет им. акад. Е.А. Букетова, 2020

Main Editor

Doctor of Historical sciences

Z.G. Saktaganova

Responsible secretary

PhD

S.B. Stambulov

Editorial board

- Paul Werth.** PhD, University of Nevada, Las Vegas (USA);
Tommaso Trevisani, University of Naples «L'Orientale» (Italy);
Houman Sadri, IPAC Director Information and Policy Analysis Center, Titusville (USA);
S.V. Lubichankovsky, Doctor of history sciences, Omsk State Pedagogical University (Russia);
Daniel Añorve, Professor, Department of Political and Government Studies Universidad de Guanajuato, (Mexico);
D.A. Amangolova, Doctor of history sciences, Russian Academy of Sciences Moscow (Russia);
N.N. Ablazhey, Doctor of history sciences, Novosibirsk State University, (Russia);
Zh.S. Syzdykova, Doctor of history sciences, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
B.I. Karipbaev, Doctor of philosophical sciences, Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov (Kazakhstan);
E.R. Usmanova, Researcher of Saryarkin Archaeological Institute, Buketov University (Kazakhstan);
V.G. Loman, Candidate of historical sciences, Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov (Kazakhstan);
V.V. Varfolomeev, Candidate of historical sciences, Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov (Kazakhstan);
A.K. Kamalov, Doctor of history sciences, Turan University, Almaty (Kazakhstan);
I.A. Kukushkin, Candidate of historical sciences, Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov (Kazakhstan);

Postal address: 28, University Str., 100024, Karaganda, Kazakhstan

Tel.: (7212) 77-04-38 (add. 1026); fax: (7212) 35-63-98.

E-mail: vestnikku@gmail.com. Сайт: history-philosophy-vestnik.ksu.kz

Editors

Zh.T. Nurmukhanova, S.S. Balkeyeva, T.A. Kokhanover

Computer layout

G.K. Kalel

Bulletin of the Karaganda University. «History. Philosophy» series.

ISSN 2518-7236 (Print). ISSN 2663-5100 (Online).

Proprietary: NLC «Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov»

Registered by the Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan. Rediscount certificate No. KZ70VPY00027384 dated 30.09.2020.

Signed in print 29.12.2020. Format 60×84 1/8. Offset paper. Volume 15,75 p.sh. Circulation 200 copies. Price upon request. Order № 85.

Printed in the Publishing house of NLC «Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov». 28, University Str., Karaganda, 100024, Kazakhstan. E-mail: izd_kargu@mail.ru

© Karagandy University of the name of acad. E.A. Buketov, 2020

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

Сіздерге «Қарағанды университетінің хабаршысы» журналының 100-ші мерекелік санын ұсынып отырмыз. «Қарағанды университетінің хабаршысы» ғылыми мерзімді басылымы Қазақстан және басқа елдер ғалымдарының әр түрлі ғылым салаларындағы зерттеулерінің нәтижелерін ашық баспасөзде жариялауға бағытталған. Журналдың мақсаты — халықаралық ғылыми қауымдастықты жаңа әдістер және идеялармен таныстыра отырып, маңызды ғылыми және білім беру ақпараттарымен алмасуға тиімді жағдай жасау. Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БҒМ ғылым және білім саласындағы бақылау бойынша комитетпен ұсынылған басылымдар тізіміне енгізілген.

Журнал 1996 жылы алғашында екі серия («Гуманитарлық ғылымдар сериясы» және «Жаратылыстану ғылымдар сериясы») бойынша жарық көрді. 2004 жылдан бастап «Математика», «Физика», «Химия», «Биология. Медицина. География», «Экономика», «Педагогика», «Филология», «Тарих. Философия. Құқық» сияқты сегіз серия бойынша материалдар жарияласа, 2010 жылы «Құқық» өз алдына бөлек серия ретінде шығарылып, жалпы саны тоғызға жетті.

2015 жылдан бастап «Қарағанды университетінің хабаршысы» журналының «Химия», «Физика», «Математика» бағытындағы сериялары Web of Science Core Collection халықаралық базасының «Emerging Sources Citation Index (ESCI)» платформасына енді. Қазіргі уақытта «Қарағанды университетінің хабаршысы» журналында отандық ғалымдардың өзекті мәселелер бойынша ғылыми зерттеулерінен басқа, ТМД елдері және Германия, Польша, Қытай, Египет, Түркия Үндістан, Пәкістан секілді әлемдік ғылыми ортада 9 серия бойынша ғылыми жұмыс нәтижелерін жариялайтын беделді басылымға айналып отыр. Журналдың халықаралық талаптарға сәйкес келетін 3 тілдегі жеке сайтында редакциялық алқа саясаты, онлайн мақала жіберу мен онлайн рецензиялау талаптары көрсетілген. Журналда жарияланған барлық мақалаларға цифрлік объект идентификаторы беріледі. Журнал алдыңғы қатарлы отандық және шетелдік кітапханалық жүйелермен және дерекқорлармен ынтымақтастық жасап, қазақстандық дәйексөздер базасы бойынша импакт факторға ие. Бұл өз кезегінде жарияланған материалдарға жылдам және ашық қол жеткізуге мүмкіндік береді.

Тәуелсіз еліміздің ғылымы мен білімінің дамуында айшықты қолтаңбамыз қалыптасты. Осындай абырой биігіне көтерілу ұзақ жылғы қажыр-қайраттың, үздіксіз ізденудің, талмай алға ұмтылудың нәтижесі деп білемін. Адамзат алдында тұрған аса ділгір мәселелерді шешуді өзінің мәңгілік межесі, игі мақсатына айналдырған басылым әлі де соны ғылыми жаңалықтардың жаршысы бола беретініне бек сенімдімін. Журналдың ғылыми әлеуетінің артуына үлес қосқан барлық авторлар мен ғалым-зерттеушілерге ризашылығымызды білдіре отырып, 100-ші мерекелік басылымның шығуына орай баршаңызды шын жүректен құттықтаймын!

Тәуелсіз еліміздің ғылымы мен білімінің дамуында айшықты қолтаңбамыз қалыптасты. Осындай абырой биігіне көтерілу ұзақ жылғы қажыр-қайраттың, үздіксіз ізденудің, талмай алға ұмтылудың нәтижесі деп білемін. Адамзат алдында тұрған аса ділгір мәселелерді шешуді өзінің мәңгілік межесі, игі мақсатына айналдырған басылым әлі де соны ғылыми жаңалықтардың жаршысы бола беретініне бек сенімдімін. Журналдың ғылыми әлеуетінің артуына үлес қосқан барлық авторлар мен ғалым-зерттеушілерге ризашылығымызды білдіре отырып, 100-ші мерекелік басылымның шығуына орай баршаңызды шын жүректен құттықтаймын!

*Редакциялық кеңестің төрағасы
ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі,
заң ғылымдарының докторы,
профессор Н.О. Дулатбеков*

МАЗМУНЫ — СОДЕРЖАНИЕ — CONTENTS

ТАРИХ ИСТОРИЯ HISTORY

<i>Amirov E.Sh., Ikhsanova Zh.Y.</i> Historical and cultural monuments of the Karaganda region (experience of quantitative and typological characteristics comparison by national indicators).....	7
<i>Byuzheyeva B., Kaliakhmet A., Balaubayeva B., Alipbayev A.</i> Central Asia as Turkey's region of influence	15
<i>Shlyupikov M.V.</i> Archaeology of the Eurasian steppes in the historical concept of L.N. Gumilyov....	23
<i>Картова З.К., Абуов Н.А.</i> Применение дискурсивного анализа к актовым источникам Золотой орды и последующих средневековых государств XIV–XVI веков.....	30
<i>Кукеева Ф.Т., Жекенов Д.К., Ордабаев А.К., Әбдікамал А.М.</i> Проблемы реализации инициативы «Пояс и путь» в странах Центральной Азии.....	40
<i>Kuketova A.A.</i> Development of cattle breeding of the Kazakh steppe in the XVIII-XIX centuries in the works of Russian travelers: historiographic analysis (on the example of Semirechye).....	50
<i>Mondira Dutta</i> Role of Technology in Combatting Human Trafficking.....	57
<i>Мовкебаева Г., Тогузбайева А., Абдилова Г.</i> Development of cooperation of Kazakhstan and the European Union in the field of renewable energy	65
<i>Медеубаев Е.И.</i> Распад СССР как следствие разрушения однопартийной политической системы (опыт Актюбинского обкома Компартии Казахстана в 1989–1991 гг.).....	74
<i>Sagatova A.S.</i> Heritage of knowledge of history	83
<i>Калыш А.Б., Исаева А.И.</i> Көрнекті ғалым М.С.Мұқанов керей тайпасының этникалық тарихын және шежіресін ғылыми негіздеуші.....	91

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

<i>Donetskaya N.A.</i> Philosophical and historical aspect of the individual's role in social modernization as exemplified by «the era of great reforms»	99
<i>Карипбаев Б.И.</i> Философско-методологические аспекты религиоведения в контексте формирования мировоззренческой культуры казахстанской молодежи	108
<i>Дойков Й.С.</i> О некоторых основных структурных компонентах кантовского понимания о природе научного знания.....	119

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ — INFORMATION ABOUT AUTHORS	125
--	-----

E.Sh. Amirov*, Zh.Y. Ikhsanova

*Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan
(E-mail: amirov.ksu@mail.ru, Ihsanova.98@mail.ru)*

**Historical and cultural monuments of Karaganda region
(experience of quantitative and typological
characteristics comparison by national indicators)**

The article considers the quantitative and typological characteristics of the monuments of historical and cultural heritage included in the state lists of historical and cultural monuments of local significance of the Republic of Kazakhstan. Statistical processing of data at the regional level was carried out and their indicators were compared using cartographic and infographic methods. By the number of monuments in the regions in absolute terms, it can be noted that the monuments of history and culture are distributed in the territory of the republic extremely unevenly. Visibility allows the regions to be identified as leaders and outsiders by this indicator. The largest number of historical and cultural monuments is registered in the territory of West Kazakhstan region, the smallest in Kyzylorda region. Absolute quantitative data are not sufficiently representative, since the number of monuments can be determined by the area. For this reason, work was done to determine the density of monuments on the territory of the Republic of Kazakhstan based on the number of monuments per square kilometer. According to this indicator, the region is also the youngest from each other. The highest density of monuments in the republic is in West Kazakhstan region, the lowest — in Kostanay. As can be seen from the maps and diagrams, the gap in the number of monuments is simply colossal. This kind of imbalance demonstrates the difference in the approach to identifying monuments of history and culture and their inclusion in state lists. All this allows us to single out 2 factors that can affect the number of monuments of historical and cultural heritage. Objectively, no so many monuments have saved due to various factors. Such as natural and climatic conditions for this reason, some monuments could be lost (mudflows, floods, earthquakes, etc.). Subjectively, the number of historical and cultural monuments may depend on the activity of state bodies in the field of protection of monuments. The recognition of objects of historical and cultural heritage as monuments of history and culture is confirmed by their approval in the State List of Historical and Cultural Monuments of international, republican and local significance, subject to mandatory official publication.

Keywords: historical and cultural heritage, archaeological monuments, urban planning monuments, ensembles, sacred objects, preservation of monuments.

Introduction

The preservation of historical and cultural heritage is one of the priority tasks facing the state and the public today. Monuments provide a stable link between modern society and its historical past. This leads to a social demand for their preservation. Monuments of material culture are very vulnerable. Silent witnesses of antiquity, they are often the only sources of our country history for a number of chronological periods. However, time sometimes destroys them — temperature changes, river flooding, weathering, and many other fac-

*Corresponding author's e-mail: amirov.ksu@mail.ru (E.Sh. Amirov)

tors affect their condition. But the fact that some of them withstood the impact of natural factors for centuries, it turned out to be defenseless against the anthropogenic factor. Industrialization, the expansion of farmland, and the dynamic growth of the population demonstrate a threat to historical and cultural monuments.

The good example of this situation can be Karaganda region. On the one hand, this region is extremely rich in ancient monuments. There are archaeological sites left by the most ancient people of the stone and bronze ages, barrows of nomads of antiquity and the Middle Ages, medieval urban culture, monuments of folk Kazakh architecture, as well as objects of urban planning and architecture of the imperial and Soviet times. Rich lands of Sary-arka and favorable strategic location determined the richness of Karaganda region with historical and cultural monuments.

In the conditions of modern Kazakhstan, this region has become a platform for the implementation of numerous projects related to the development of agriculture, communications and the extractive industry. Irrigated agriculture, construction of infrastructure facilities, development of coal, ore and other mineral deposits are undoubtedly the most important basis for its socio-economic development. However, this type of activity, which is inextricably linked to significant amounts of earthworks, carries a potential danger to historical and cultural monuments. In addition to large land users, average residents of the region and small businesses in the course of their economic and other activities, also cause damage to cultural monuments.

Results and discussion

The source base is the Laws of the Republic of Kazakhstan. Various normative documents of regional significance and municipal level (state lists of historical and cultural monuments of local significance) are of great importance. It is worth mentioning the Internet resources involved in the work, which include official websites of ministries and departments containing information and scientific publications on the subject under study.

When writing the article were used General scientific (analysis; synthesis; mathematical-statistical method (collecting, processing, analyzing quantitative data, calculating averages, interest, group statistics on a specific basis, drawing tables)) and the special historical methods (historical-typological, historical, systematic, etc.).

Discussion

The legal status of historical and cultural monuments, as well as mechanisms for their protection, are regulated by the Law of the Kazakhstan Republic «The protection and usage of historical and cultural heritage objects» dated December 26, 2019 No. 288-VI [1].

According to article 5 of this law, «historical and cultural monuments in the Kazakhstan Republic are subject to mandatory protection and preservation in accordance with the procedure provided by this Law, have a special legal authority for their usage, change of ownership rights to them and deprivation of their status» [2].

Historical and cultural monuments are registered on the basis of State lists of national and local significance historical and cultural monuments, registration cards and passports of historical and cultural heritage objects.

An important component of the activities of local Executive bodies authorized to monitor the protection of historical and cultural heritage is the identification and registration of cultural monuments.

The Center for the preservation of historical and cultural heritage of the Department of culture, archives and documentation of the Karaganda region is actively working in this direction. The result of its activity is the inclusion of 1536 objects in the State list of historical and cultural monuments by local significance in the Karaganda region. According to this indicator, Karaganda region occupies the 2nd place in the Republic.

Historical and cultural monuments are objects of historical and cultural heritage included in the State list of historical and cultural monuments [3].

According to the Law of December 26, 2019, historical and cultural monuments are divided into 5 groups: monuments of archeology, monuments of urban planning and architecture, ensembles and complexes, sacred objects, structures of monumental art [2].

1) archaeological sites — Sites, settlements, remnants of ancient buildings, settlements, fortifications, industries, canals, roads, burial grounds, mounds, necropolises, megalithic structures, stone sculptures, petroglyphs, sections of the historical cultural layer of ancient settlements and other places that have traces of human life and activity [3];

2) monuments of urban planning and architecture — architectural ensembles and complexes, historical centers, blocks, squares, streets, structures of civil, residential, industrial, military, religious architecture, folk architecture, as well as related works of monumental, decorative, applied and landscape art, natural landscapes [3];

3) ensembles and complexes are groups of isolated or combined monuments, buildings and structures of fortification of the Palace, residential, public, administrative, commercial, industrial, scientific, educational, and religious purposes, including fragments of historical planning and settlement buildings that are localized on historically formed territories; [3];

4) religious objects — historical and memorable places, man-made and natural places of worship, landscapes, structures associated with outstanding historical events and personalities, as well as spiritual values of the people [3];

5) Buildings of monumental art — works of monumental art (monuments, steles, busts), established to perpetuate the memory of outstanding personalities, significant historical events [3].

The total number of monuments according to the state list of historical and cultural monuments of national significance on the territory of Kazakhstan is 218. The number of local significance monuments is 11,404, which are located in 14 regions and 2 cities of national significance. Seven of these monuments are designated as natural monuments and are located in the Almaty region. Also, 24 monuments were excluded by the decree of the local administrations.

Table 1

Distribution of historical and cultural monuments by region

Region\city	Total amount	Archeologies	Urban planning and architecture	Ensembles	Excluded	Natures
NKR [4]	593	436	156	0	0	0
Kostanay [5]	722	635	85	0	2	0
Pavlodar [6]	280	199	81	0	0	0
Akmola [7]	1032	976	56	0	0	0
Astana [8]	45	11	34	0	0	0
Atyrau [9]	313	172	84	57	0	0
WKR [10]	2009	1965	43	1	0	0
Aktobe [11]	650	545	98	7	0	0
Mangystau [12]	570	352	60	158	0	0
Karaganda [13]	1538	1079	429	29	1	0
EKR [14]	612	319	259	17	17	0
Almaty region [15]	1519	1251	261	0	0	7
Zhambyl [16]	713	603	108	2	0	0
Kyzylorda [17]	256	82	174	0	0	0
SKR [18]	434	378	55	1	0	0
Almaty [19]	118	11	101	1	4	0
Total	11404	9014	2084	273	24	7

The data shows the following situation in the country:

There are 9014 archaeological monuments, which is 79 % of the total number of monuments. Archaeological monuments take precedence under other types of monuments. This is due to the long period of archaeological material accumulation from the stone age to the middle ages. Archaeological sites are diverse and numerous. There are 2084 monuments of urban planning and architecture, which is 18 % of the total number of monuments. The smaller number of urban planning and architecture monuments is due to a shorter period of accumulation and narrow specifics. Monuments of this type are divided into monuments of local folk architecture, as well as Russian, Soviet and modern. Folk architecture is more widely represented in Southern, Central and Western Kazakhstan. Monuments of the colonial period are widely represented in the regions that were actively developed by the imperial administration — these are the territories along the Ural and Irtysh rivers, etc.

There are 283 ensembles in the Republic, which is 3 % of all types of monuments on the territory of Kazakhstan. This is the smallest group of monuments. It is very specific. On the one hand, ensembles are not

as widespread as other types of monuments. On the other hand, selecting an ensemble is a complex methodological task. It is possible that real ensembles are not always registered under this category, but are listed as monuments of archeology or urban planning and architecture.

After a General calculation of the number of historical and cultural monuments in the country, there was done statistical data processing at the regional level. We compared their indicators using cartographic and info graphic methods.

There are 30 ensembles, 1103 monuments of archeology and 403 monuments of urban planning and architecture in the Karaganda region.

Based on figure 2, by the number of monuments in the regions in absolute values, it can be noted that historical and cultural monuments are distributed very unequally on the territory of the Republic.

Visibility allows you to determine the regions that are leaders and outsiders by this indicator.

The largest number of historical and cultural monuments is registered in the territory of the West Kazakhstan region, the smallest in the Kyzylorda region.

Table 2

Density of historical and cultural monuments by region

Region/City	Area (sq. km)	Number of monuments	Density of monuments per square km
NKR	97993	593	0,006
Kostanay	196 001	722	0,0001
Pavlodar	124 755	280	0,0021
Akmola	146 219	1032	0,007
Astana	810	45	0,055
Atyrau	118 631	313	0,002
WKR	151 339	2009	0,013
Aktobe	300 629	650	0,002
Mangystau	165 642	570	0,003
Karaganda	427 982	1538	0,003
EKR	283 226	612	0,002
Almaty region	223 911	1519	0,007
Zhambyl	144 264	713	0,004
Kyzylorda	226 019	256	0,001
SKR	116 280	434	0,003
Almaty	682	118	0,17
Total	2724383	11404	0,004

Conclusions

Absolute quantitative data is not sufficiently representative, because the number of monuments can be determined by the area. For this reason, there has been done for determining the density of monuments on the territory of the Republic of Kazakhstan based on the number of monuments per square kilometer.

By this indicator, the regions also differ significantly from each other. The highest density of monuments in the Republic is in West Kazakhstan region, the lowest-in Kostanay region.

As you can see from the maps and diagrams, the gap in the number of monuments is simply huge. This kind of imbalance demonstrates the difference in the approach of identifying historical and cultural monuments and including them in state lists.

Figure 6 shows the difference in the density of monuments between West Kazakhstan and Kostanay regions. A comparison of districts was carried out. If the West Kazakhstan region is significantly outnumbered by the number of monuments, Karaganda region shows high indicators within the normal distribution. It based on the organizational capabilities of the local authorities responsible for identifying and taking measures for protection historical and cultural heritage sites that shows good results on the national background.

There are 2 factors that can affect the number of monuments of historical and cultural heritage. Objectively, not many monuments have been preserved due to various factors. For this reason, some monuments may have been lost (mudslides, floods, earthquakes, etc.).

Subjectively, the number of historical and cultural monuments may depend on the activity of state bodies in the field of monument protection. Thus, in the Law «The protection and use of objects of historical and cultural heritage», Objects of historical and cultural heritage acquire the status of historical and cultural monuments from the moment they are recognized as such in accordance to the procedure established by this Law [20]. For making a decision on the inclusion of historical and cultural heritage objects in the State list of historical and cultural monuments, documents are submitted in accordance with the procedure established by the Government of the Kazakhstan Republic. Recognition of historical and cultural heritage objects as historical and cultural monuments is secured by their approval in the State list of historical and cultural monuments of international, national and local significance, liable to mandatory official publication. Памятники археологии приобретают статус памятников истории и культуры с момента их выявления.

It can also be noted that regions with low density of monuments need to strengthen the work on identifying and including historical and cultural monuments in the state lists of the Kazakhstan Republic.

Recommendations

It should be noted that regions with a low density of monuments need to intensify efforts to identify and include them in state monuments of history and culture of the Republic of Kazakhstan. This work can be used in the future as a statistical database on the preservation of historical and cultural heritage, which operates in accordance with the data of the Ministry of Culture and Sports and local executive bodies, in the administrative bodies of culture, documentation and under the akimats of the region and cities of republican significance.

References

- 1 Закон Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года № 288-VI «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34894354.
- 2 Ст. 5 Закона Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34894354#sub_id=50000.
- 3 Ст. 3 Закона Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=34894354#sub_id=30000.
- 4 Постановление акимата Северо-Казахстанской области от 20 декабря 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Северо-Казахстанской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V20S0006296>.
- 5 Постановление акимата Павлодарской области от 29 июля 2013 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Павлодарской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs>.
- 6 Постановление акимата Костанайской области от 1 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Костанайской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=32103996.
- 7 Постановление акимата Акмолинской области от 1 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30780484.
- 8 Постановление акимата города Астаны от 3 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30777686.
- 9 Постановление Атырауского областного акимата от 23 ноября 2010 «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Атырауской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10T0002581>.
- 10 Постановление акимата Западно-Казахстанской области от 28 июля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Западно-Казахстанской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V05Z0002926>.
- 11 Постановление акимата Актюбинской области от 4 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Актюбинской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33828126.
- 12 Постановление Мангистауского областного акимата от 28 июля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35638438.
- 13 Постановление акимата Карагандинской области от 16 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Карагандинской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30763567.

14 Постановление Восточно-Казахстанского областного акимата от 25 апреля 2008 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Восточно-Казахстанской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/Document/? doc_id=31591259.

15 Постановление акимата Алматинской области от 27 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Алматинской области» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30777109.

16 Постановление акимата Жамбылской области от 14 апреля 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=38274845.

17 Постановление Кызылординского областного акимата от 25 мая 2015 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=32382083.

18 Постановление акимата Южно-Казахстанской области от 9 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения Южно-Казахстанской области» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30791301.

19 Постановление акимата города Алматы от 10 ноября 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Алматы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30906933&cong=30906933&status=0&excludeArcBuh=0#pos=54;-110&doclist_pos=664.

20 Ст. 4 Закона Республики Казахстан от 26 декабря 2019 года «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=34894354#sub_id.

Е.Ш. Әміров, Ж.Ү. Ихсанова

Қарағанды облысының тарихы мен мәдениетінің ескерткіштері (сандық және типологиялық сипаттамаларды жалпы-республикалық көрсеткіштермен салыстыру тәжірибесі)

Мақалада Қазақстан Республикасының жергілікті маңызы бар тарихи-мәдени ескерткіштердің мемлекеттік тізімдеріне енгізілген тарихи-мәдени мұра ескерткіштерінің сандық және типологиялық сипаттамалары қарастырылған. Аймақтық деңгейде мәліметтерді статистикалық өңдеу және олардың көрсеткіштерін картографиялық және инфографиялық әдістермен салыстыру жүргізілді. Аймақтардағы ескерткіштердің саны абсолюттік көрсеткіштер бойынша тарих пен мәдениет ескерткіштері республика аумағында біркелкі емес түрде таралған деп атап өтуге болады. Көрнекілік бұл көрсеткіш бойынша аймақтарды көшбасшы және аутсайдер ретінде анықтауға мүмкіндік береді. Тарихи-мәдени ескерткіштердің ең көп саны – Батыс Қазақстан облысының аумағында, ең азы Қызылордада тіркелген. Абсолюттік сандық мәліметтер жеткіліксіз, себебі ескерткіштердің санын ауданы бойынша анықтауға болады. Осы себептен, бір шаршы километрдегі ескерткіштер санына қарай Қазақстан Республикасы аумағындағы ескерткіштердің тығыздығын анықтау бойынша жұмыс жүргізілді. Бұл көрсеткішке сәйкес аймақтар да бір-бірінен айтарлықтай ерекшеленеді. Ескерткіштердің тығыздығы республика бойынша ең жоғары – Батыс Қазақстан облысында, ең төменгісі Қостанайда орналасқан. Карта мен сызбадан көріп отырғанымыздай, ескерткіштер арасындағы алшақтық өте үлкен. Мұндай теңгерімсіздік тарих пен мәдениет ескерткіштерін анықтау және оларды мемлекеттік тізімге енгізу тәсілдерінің айырмашылығын көрсетеді. Мұның бәрі тарихи-мәдени мұра ескерткіштерінің санына әсер етуі мүмкін, ол 2 факторды бөліп көрсетуге мүмкіндік береді. Объективті түрде көптеген ескерткіштер әр түрлі факторлардың әсерінен сақталмаған. Осы себептер бойынша табиғи-климаттық жағдайлар сияқты кейбір ескерткіштер жоғалуы мүмкін (сел, су тасқыны, жер сілкінісі және т.б.). Тарихи және мәдени ескерткіштердің саны субъективті жағынан мемлекеттік органдардың ескерткіштерді қорғау саласындағы қызметіне байланысты болуы мүмкін. Тарихи-мәдени мұра объектілерін тарих және мәдениет ескерткіштері деп тану міндетті түрде ресми жариялауға жататын халықаралық, республикалық және жергілікті маңызы бар тарих және мәдениет ескерткіштерінің Мемлекеттік тізімінде бекітілуімен расталады.

Кілт сөздер: тарихи-мәдени мұра, археология ескерткіштері, қала құрылысы және сәулет ескерткіштері, ансамбльдер, қасиетті нысандар, монументалды өнер құрылыстары, ескерткіштерді сақтау.

Е.Ш. Амиров, Ж.Ы. Ихсанова

Памятники истории и культуры Карагандинской области (опыт сравнения количественных и типологических характеристик с общереспубликанскими показателями)

В статье рассмотрены количественная и типологическая характеристики памятников историко-культурного наследия, включенных в Государственные списки памятников истории и культуры местного значения Республики Казахстан. Проведена статистическая обработка данных на областном уровне и сопоставлены их показатели методами картографии и инфографики. По количеству памятников в областях в абсолютных значениях можно отметить, что памятники истории и культуры распространены на территории республики крайне неравномерно. Наглядность позволяет определить регионы лидеров и аутсайдеров по этому показателю. Наибольшее количество памятников истории и культуры зарегистрировано на территории Западно-Казахстанской области, наименьшее – в Кызылординской. Абсолютные количественные данные не обладают достаточной репрезентативностью, так как количество памятников может быть детерминировано площадью. По этой причине была проделана работа по определению плотности памятников на территории Республики Казахстан из расчета количества памятников на квадратный километр. По этому показателю области также существенно отличаются друг от друга. Самая высокая плотность памятников по республике в Западно-Казахстанской области, самая низкая — в Костанайской. Как видно из карт и диаграмм, разрыв в количестве памятников просто колоссальный. Подобного рода дисбаланс демонстрирует разницу в подходе к выявлению памятников истории и культуры и включению их в государственные списки. Всё это позволяет выделить два фактора, которые могут влиять на количество памятников историко-культурного наследия. Объективно, памятников сохранилось не так много из-за различных факторов. А именно таких как природно-климатические условия, по этой причине некоторые памятники могли быть утрачены (сели, наводнения, землетрясения и т.д.). Субъективно, количество памятников истории и культуры может зависеть от активности государственных органов в сфере охраны памятников. Признание объектов историко-культурного наследия памятниками истории и культуры закрепляется утверждением их в Государственном списке памятников истории и культуры международного, республиканского и местного значения, подлежащем обязательному официальному опубликованию.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, памятники археологии, памятники градостроительства, ансамбли, сакральные объекты, сохранение памятников.

References

- 1 Zakon Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2019 hoda № 288-VI «Ob okhrane i ispolzovanii obektov istoriko-kulturnoho nasledii» [Law of the Kazakhstan Republic dated December 26, 2019 No. 288-VI «The protection and use of historical and cultural heritage objects»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=34894354 [in Russian].
- 2 Statia 5 Zakona Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2019 hoda «Ob okhrane i ispolzovanii obektov istoriko-kulturnoho nasledii». [Article 5 of the Kazakhstan Republic Law dated December 26, 2019 «The protection and use of historical and cultural heritage objects»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=34894354#sub_id=50000 [in Russian].
- 3 Statia 3 Zakona Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2019 hoda «Ob okhrane i ispolzovanii obektov istoriko-kulturnoho nasledii» [Article 3 of the Kazakhstan Republic Law dated December 26, 2019 «The protection and use of historical and cultural heritage objects»] *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=34894354#sub_id=30000 [in Russian].
- 4 Postanovlenie akimata Severo-Kazakhstanskoi oblasti ot 20 dekabria 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znachenii Severo-Kazakhstanskoi oblasti» [Resolution of the local administration of the North Kazakhstan region dated December 20, 2010 «On the historical and cultural monuments approval of local significance in the North Kazakhstan region to the State list»]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V20S0006296> [in Russian].
- 5 Postanovlenie akimata Pavlodarskoi oblasti ot 29 iulia 2013 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znachenii Pavlodarskoi oblasti» [Resolution of the local administration of the Pavlodar region dated July 29, 2013 «On the historical and cultural monuments approval of local significance in the Pavlodar region»] *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V20P0006840> [in Russian].
- 6 Postanovlenie akimata Kostanaiskoi oblasti ot 1 iunija 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znachenii Kostanaiskoi oblasti» [Resolution of the local administration of the Kostanay region dated June 1, 2010 «On the historical and cultural monuments approval of local significance in the Kostanay region»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=32103996 [in Russian].
- 7 Postanovlenie akimata Akmolinskoi oblasti ot 1 iunija 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znachenii» [Resolution of the local administration of the Kostanay region dated June 1, 2010 «On the historical and cultural monuments approval of local significance in the Kostanay region»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30780484 [in Russian].

8 Postanovlenie akimata horoda Astany ot 3 iyunia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia horoda Astany» [Resolution of Astana city local administrations dated June 3, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of Astana city to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30777686 [in Russian].

9 Postanovlenie Atyrauskoho oblastnogo akimata ot 23 noiabria 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Atyrauskoï oblasti» [Resolution of the Atyrau regional local administration dated November 23, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the Atyrau region to the State list»]. *adilet.zan.kz*. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V10T0002581> [in Russian].

10 Postanovlenie akimata Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti ot 28 iulija 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti» [Resolution of the West Kazakhstan region local administration dated July 28, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the West Kazakhstan region to the State list»]. *zakon.uchet.kz*. Retrieved from <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V05Z0002926> [in Russian].

11 Postanovlenie akimata Aktiubinskoi oblasti ot 4 iyunia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Aktiubinskoi oblasti» [Resolution of the Aktobe region local administration dated June 4, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the Aktobe region to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=33828126 [in Russian].

12 Postanovlenie Manhistauskoho oblastnogo akimata ot 28 iulija 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia» [Resolution of Mangystau regional local administrations dated July 28, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=35638438 [in Russian].

13 Postanovlenie akimata Karahandinskoi oblasti ot 16 apreliia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Karahandinskoi oblasti» [Resolution of the Governor's office of the Karaganda region dated April 16, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the Karaganda region to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30763567 [in Russian].

14 Postanovlenie Vostochno-Kazakhstanskoho oblastnogo akimata ot 25 apreliia 2008 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury znacheniiia Vostochno-Kazakhstanskoi oblasti» [Resolution of the Akimat of Almaty region dated April 27, 2010 «On approval of the State list of historical and cultural monuments of local significance of the East Kazakhstan region»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/Document/? doc_id=31591259 [in Russian].

15 Postanovlenie akimata Almatinskoi oblasti ot 27 apreliia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Almatinskoi oblasti» [Resolution of Almaty region local administrations dated April 27, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the Almaty region to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30777109 [in Russian].

16 Postanovlenie akimata Zhambylskoi oblasti ot 14 apreliia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia» [Resolution of the Zhambyl region local administration dated April 14, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=38274845 [in Russian].

17 Postanovlenie Kyzylordinskoho oblastnogo akimata ot 25 maia 2015 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia» [Resolution of the Kyzylordalocal administration dated may 25, 2015 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance to the state list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=32382083 [in Russian].

18 Postanovlenie akimata Yuzhno-Kazakhstanskoi oblasti ot 9 iyunia 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia Yuzhno-Kazakhstanskoi oblasti» [Resolution of the South Kazakhstan region local administration dated June 9, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of South Kazakhstan region to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30791301 [in Russian].

19 Postanovlenie akimata horoda Almaty ot 10 noiabria 2010 hoda «Ob utverzhdenii Hosudarstvennogo spiska pamiatnikov istorii i kultury mestnogo znacheniiia horoda Almaty» [Resolution of the Almaty local administration dated November 10, 2010 «On the approval of historical and cultural monuments of local significance of the Almaty city to the State list»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/? doc_id=30906933&corr=30906933&status=0&excludeArcBuh=0#pos=54;-110&doclist_pos=664 [in Russian].

20 Statia 4 Zakona Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2019 hoda «Ob okhrane i ispolzovanii obyektov istoriko-kulturnogo naslediiia». [Article 4 of the Kazakhstan Republic Law dated December 26, 2019 «The protection and usage of historical and cultural heritage objects»]. *online.zakon.kz*. Retrieved from https://online.zakon.kz/m/document/? doc_id=34894354#sub_id=40000 [in Russian].

B. Byuzheyeva, A. Kaliakhmet, B. Balaubayeva, A. Alipbayev*

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
(E-mail: bbuzeeva@gmail.com; aksaule10@inbox.ru; binur77@mail.ru, alipbayev19@gmail.com)

Central Asia as Turkey's region of influence

The article examines the influence of Turkey in Central Asia, its strategic and ideological foundations, main sectoral directions of relations with the region, dynamics of development of bilateral and regional relations, and mechanisms of institutional implementation. The activities of organizations and forums that contribute to relations with Central Asia, which are united and institutionally formed, are envisaged within the framework of the Cooperation Council of Turkic-speaking states. Trade, infrastructure, energy and communications have become areas that have deepened Turkey's economic ties with the Central Asian region with an aim of increasing integration and diversification of Turkish business interests. In addition, Turkey's actions on destabilizing factors such as extremist movements, drug and arms trafficking, and terrorist activities in the Central Asian republics were discussed. One of the factors shaping Turkey's influence is its policy in the military sphere, including the analysis of its work on providing military assistance to the countries of the region to strengthen defense and security. The foreign policy concept of Turkey in Central Asian region is also considered through the lens of different organizations such as The International Organization of Turkic Culture (TÜRKSÖY) and others.

Keywords: Central Asia, Turkey, Pan-Turkism, neo-Ottomanism, Energy, Military security.

Introduction

Turkey can be considered a second-tier rising power. Distant from the economic weight of China, India, or Brazil and without their global reach, Turkey is nonetheless increasingly present in conflict-affected regions of the world. This presence is manifested in commercial ties, official and non-governmental aid, security cooperation, and diplomatic efforts to mediate between conflict actors. Despite Ankara's attention to the region having waned since the early 1990s, the Central Asian states maintain a special place in Turkish foreign policy given ethno-linguistic Turkic ties. Over the last decade or so, Turkey has become a more visible international actor. With a population nearing 75 million, it saw GDP grow at an average rate of six per cent between 2002 and 2008, increasing to over eight per cent in 2011 following the financial crisis. Although slowing in 2012, the Turkish economy is currently the world's 18th largest, placing it within the ranks of the G20. With growing economic ties with the rest of the world, Ankara's diplomatic reach is progressing at an equally rapid pace — in 2009, Turkey's Foreign Minister announced the opening of 33 new embassies alongside an increase in budget and personnel for his ministry. Turkey's membership of a wide variety of multilateral forums and organizations is illustrative of a diplomatic reach that cuts across usual groupings.

The advent of five new independent states in Central Asia after the demise of the Soviet regime in 1990s raised the necessity of creating the stable basis for development in those countries. Consequently, Turkey, along with other major powers, embedded considerable efforts to support its fraternal Turkic countries to maintain political stability and become integrated into the international system. The foreign policy of Turkey is guided by the enduring objectives of «Good neighborliness» and «Peace at Home, Peace in the World. Ankara's systematic foreign policy is aimed at influencing Central Asian States through «soft power»

This paper explores Turkey's relations with Central Asia and the implications for its engagement on the region. It examines Turkey as a rising power, followed by an overview of past engagement with Central Asia and a broad examination of today's bilateral relations, multilateral forums, economic ties, aid provision, and security cooperation. It is based on a select number of interviews with experts in London, Istanbul, and Ankara, alongside a limited literature review. As such, it is not intended as a comprehensive study or an in-depth analysis. The paper concludes with some key questions for future research related to Turkey's role in Central Asian management.

*Corresponding author's e-mail: alipbayev19@gmail.com (A. Alipbayev)

Experimental

The methodological basis of the study is a set of general scientific approaches to the study of traditional and new concepts of Turkish Foreign policy and its dimension in Central Asia, the place of Central Asia in the main directions and paradigms of foreign policy, and scientific discourse on 'soft power' of regional leader countries. On this ideological and strategic basis, Turkey was the first to recognize the independence of all Central Asian countries. Ankara has sought to deepen relations by increasing the number of official and diplomatic exchanges, announcing potential trade agreements, creating free capital flows, and deepening economic cooperation.

An analysis of the evolution of the concept of 'soft power' of Turkey on Central Asian countries in the end of the 20th century — the beginning of the 21st century revealed that they had gone through a path of significant transformations, discovering their previously unknown features, and also incorporating additional dimensions. There has been a transition from an understanding of impact of Turkey on Central Asian region, in the core of which is the ideological, economical, security basis. Considering Turkey's major directions of impact there has been revealed main ideological basis of concept of Turkish foreign policy. The existence of a clear, coherent, and well-coordinated foreign policy towards Central Asia is open to question. Nonetheless, according to the analysis, the Turkish Government's current policy towards Central Asia contains five central components:

1. Developing bilateral and multilateral cooperation in the fields of energy, economy, commerce, culture, society, politics, etc.
2. Assisting them to find a peaceful solution to the frozen regional conflicts.
3. Serving as an energy terminal.
4. Providing assistance to the regional states in their nation- and state-building processes.
5. Helping them develop and maintain close relations with the other countries.

Relying on these components in this study we will make a focus, firstly, on bilateral relations of Turkey with each country of Central Asia, secondly, examine multilateral cooperation and cooperation of Turkey and Central Asian countries in special fields of relations, such as trade, infrastructure, energy and security.

Results and discussion

Historical elements of Turkey's influence concept in economic-energetic cooperation and military security.

The advent of five new independent states in Central Asia after the demise of the Soviet regime in 1990s raised the necessity of creating the stable basis for development in those countries. Consequently, Turkey, along with other major powers, embedded considerable efforts to support its fraternal Turkic countries to maintain political stability and become integrated into the international system. The idea has been put forward on the ground of sharing the common Turkic identity, which is reflected through similar ethnic, cultural, historical and language heritage. After an unfortunate attempt to join the European Union in 1989, Turkey intended to create (or form) a Turkic community under its leadership by establishing ties with the newly emerged states, the concept of which was proposed by Turgut Ozal, the President of Turkey at that time. The community, according to Turkey, was expected to bring economically and politically advantageous prospects for its member-states and serve as a bridge to the post-soviet space, therefore demonstrating the capacity of Ankara for Western powers. This ideology is interpreted to be aimed at showing the United States a new potential of Turkey as an ascending power in international relations after the end of cold war. Moreover, an Islamic ideology of Iran and its possible leverage in the region triggered cautious sentiment from Western countries, which in their turn, strived to instill «Turkish model» of strategic development based on a strong Islamic tradition with a secular political system, the main elements of western democracies and free market relations. The foreign policy of Turkey is guided by the enduring objectives of «Good neighborliness» and «Peace at Home, Peace in the World. Ankara's systematic foreign policy is aimed at influencing Central Asian States through «soft power» [1].

On this ideological and strategic basis, Turkey was the first to recognize the independence of all Central Asian countries. Ankara has sought to deepen relations by increasing the number of official and diplomatic exchanges, announcing potential trade agreements, creating free capital flows, and deepening economic cooperation. However, the influence of Turkey in the region could not withstand the economic crisis and political instability in Central Asia in the mid-1990s. Despite the significant support from Turkey, economic cooperation remained limited. Turkey's inability to exert strong influence over political regimes in Central Asia

is also reflected in the absence of any diplomatic assistance from Central Asia on the issue of Cyprus. For this reason, the Ministry of Foreign Affairs of Turkey abolished the concept of a «bridge» between Central Asian countries and Western civilizations, and replaced it with the concept of a «regional power», thus diverting its actions in the region from the interests of the West. The Ministry of Foreign Affairs of Turkey states that Turkey's desire for a «stable, independent and prosperous Central Asia has guided our policy priorities in the region towards building free market economies and functioning democracies» [2]. Furthermore, the Turkish foreign Minister advocated that a more functional and pragmatic policy is being pursued towards these countries, along with upholding neutral stance in conflicts between or within Central Asian countries and gave priority to strengthening their independence. The status of bilateral relations between Russia, China, the United States and, to a lesser extent, the EU will be another important factor in shaping the destiny of the region [3].

Turkey endeavored to keep balance of five components of its Central Asian policy, with the emphasis on economic, energy and military security cooperation, which has been strengthened through political (bilateral and regional (institutional)) relationships.

The first step upon deepening the ties was to build up bilateral relations. For this aim, Kazakhstan became to be Turkey's mainstay in the region. In 2009, two states signed a strategic partnership agreement that aimed at strengthening the rule of law. In 2012, the first meeting of the High-Level Strategic Cooperation Council (HLSCC) took place [4].

Turkey chaired the «Measures to strengthen cooperation and security in Asia» conference, initiated by Nursultan Nazarbayev from 2010 to 2014. Turkey strongly supports Kazakhstan's membership in international organizations such as the world trade organization (WTO) and the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE). It was noted that the creation of a transport corridor from Turkey through the Caucasus, Kazakhstan, and China might become a cornerstone of future relations.

When it refers to Kyrgyzstan, it has become an important economic point for Turkish trade and investments. However, despite the increase in the percentage of trade between the two countries, political relations remained at a low level. In 2010, after the mass upheavals in Kyrgyzstan, the situation between the two countries began to improve when Turkey provided 20 million US dollars of technical assistance and joint projects in the form of humanitarian aid. During an official visit in April 2013, Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan noted that democracy in Kyrgyzstan gives hope to Turkey, while his counterpart highlighted that Turkey is a buoyant model for Kyrgyzstan's development. Although such changes in bilateral relations have allowed Turkey to influence Kyrgyzstan's political institutions, it has maintained its status of a neutral player.

Uzbekistan was seen by Turkey as «the main model of a secular state in post-Soviet Central Asia that accentuate modernization and democracy,» but, according to experts, Uzbekistan's leadership displays distrustful attitude towards Ankara. The influence of Islamic non-governmental organizations (NGOs) in Turkey on Uzbek citizens and groups is also a matter of concern, as Uzbek dissidents have been living in Turkey since the early 1990s [5]. The Turkish government's refusal to hand them over often led to clashes with Tashkent. Bilateral relations, which began to improve in 2003, deteriorated significantly after the 2005 Andijan massacre and Turkey's support for the UN. Uzbekistan refused to attend meetings of leaders of Turkic-speaking states and postponed the visit of Turkish President Abdullah Gul. In 2011, Turkish companies were directly targeted by Uzbek security forces, and state television accused them of supporting Islamic extremists.

According to the Ministry of Foreign Affairs of Turkey, the relations with Tajikistan are based on kinship, shared history and cultural heritage. However, despite such rhetoric statements, experts believe that Tajikistan is not currently a priority for Ankara.

As for Turkmenistan, the Ministry of Foreign Affairs of Turkey proclaimed that a new impetus has been given to bilateral relations since 2012, noting that high-level meetings are held regularly. In addition to political agreements, Turkish businessmen play an important role in these relations. Even though there are many business issues, more than 600 are registered in the country.

The next step towards Turkey's influence was a multilateral partnership based on regional influence. In 1992, during his first visit to Central Asia, President Suleiman Demirel issued a loan for 1 billion US dollars. In 1993, 200 agreements were signed between the countries of the region and Turkey. After 1992, Turkey began to conduct its foreign policy through well-structured institutions. With the leadership of Erdogan, Turkish politics began to take on a neo-Ottoman, Islamic, and neo-Turkic tone in Central Asia. Given the shortcomings of the 1990s, completing the institutionalization of relations with Central Asia was a priority

for Turkey, especially the establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States (Turkic Council) as a tool for further formalizing meetings of Turkic-speaking leaders. The Cooperation Council of Turkic Speaking States consists of several bodies: The Council of heads of state, the Council of foreign Ministers, the Committee of senior officials, the Council of elders and the Secretariat in Turkey. As Turkmenistan did not participate in the Council on its neutrality, then in 2006 Uzbekistan stopped participating in the meeting of Turkic-speaking leaders, leaving only Azerbaijan, Kazakhstan and Kyrgyzstan in the Council. In 2010, the 10th summit of the heads of state of the Turkic Council was held, as a result of which conflicts and security issues were repeatedly mentioned, but it is not certain what practical results their cooperation initiatives have brought.

In 1992, The Turkish Cooperation and Development Agency (TIKA) and TRT Eurasia TV were created for Turkish-speaking countries. TIKA was originally created to deliver Turkish aid to the newly independent states of Central Asia. According to Turkish scholars, today it is aimed at supporting several areas: the emergence of stable states, regional stability, regional and global integration, economic and political reforms, bilateral relations, and efficient energy supply [6]. Turkey is also the only NATO country that participates in the Shanghai Cooperation Organization (SCO), although it is not a full member, and uses its role in the organization to monitor and affect on Central Asian forums.

If we review the nature of Turkic integration, the dates of the establishment of integration organizations do not go in chronological order, but at the moment there is a certain system and various organizations that gather around one central structure:

- International Turkic Academy, being created in Kazakhstan on the initiative of N. Nazarbayev, is fully engaged in the creation of a unified system for the study of Turkic history, Turkic science and the formation of a common Turkic historical consciousness;
- The Turkish Cultural Heritage Foundation was established in Baku in 2016 with the aim of preserving Turkish cultural heritage and developing cultural and humanitarian ties between the Turkic world;
- Turkish Business Council was established in 2011 to coordinate economic cooperation between members-states;
- The Parliamentary Assembly of the Turkic Speaking Countries (TURKPA), being established in 2008 on the initiative of Nursultan Nazarbayev, coordinates cooperation at the parliamentary level;
- The Organization of the Eurasian Law Enforcement Agencies with Military Status (TAKM), functions of which are directed to combat and eradicate organized crime, terrorism, smuggling, and the activities of radical groups of the participating countries. It has been established in 2013 with joint efforts of Turkey, Azerbaijan, Kyrgyzstan and Kazakhstan.
- The International Organization of Turkic Culture (TÜRKSÖY) was formed in 1993 in Almaty. Unlike UNESCO, TÜRKSÖY is not limited to the cultural and educational spheres and deals with political, trade and economic issues.

All these organizations are united in the Cooperation Council of Turkic Speaking Countries and function in coordination with the Council. The Council holds high-level summits every year where the issues of each summit are considered as a strategic goal of integration. Prior to this year, the summits were devoted to increase cooperative means in the fields of economy, science, education and culture, tourism, transport and communications [7]. Following the results of the Fifth Summit of the Council, where issues of cooperation in the fields of media and information technologies were discussed, the parties initiated the creation of a single Turkic-language news Agency and TV channel. This Council is pointed toward creating a unified political and socio-economic position of the Turkic world in the international arena. To this end, in 2014, following the IV Summit of the Council, the Declaration touched upon one of the major initiatives of the «Turkic Council-Modern Silk Road» based on the Silk Road Project initiated by Turkey in 2008. The sole purpose of this project is to economically integrate participating member states and use Turkey as a hub and bridge between Central Asia and Europe. Thus, the strategies and goals of Turkey were achieved as a result of institutionalized organizations and forums that accelerated relations with Central Asia.

Turkey, that was able to create and use such powerful mechanisms, an expanded range of opportunities appeared on Central Asian platform, and the ways of influence are grouped in several areas which can be divided into economic, military-technical and cultural fields.

Economic cooperation with other countries of the world contributed to Turkey's own economic growth: in 1980, the trade turnover constituted 17.1 percent of GDP, in 2008 — 52.3 percent. At the same time, the substantial domestic growth created a new class of entrepreneurs who, due to geographical proximity and

cultural factors, «began to study the economic and financial potential of neighboring countries and support the efforts of the state». Trade, infrastructure, energy, and communications have deepened Turkey's economic ties with Central Asia. Turkey's trade with the region accounted for 6.5 billion US dollars in 2010, and the total volume of foreign direct investment from Turkey amounted to 4.7 billion US dollars. Turkey's entry into the EU market is a unique opportunity for Central Asian countries. Business communities, such as Turkish Confederation of Businessmen and Industrialists (TUSKON), are looking to step up their initiatives and increase the activity of their members in the region. However, there is no evidence that Turkey's economic ties with Central Asia are deeper than with other parts of the world. In contrast, no Central Asian country is included in the list of Turkey's 20 largest trading partners. However, in this rating, Kazakhstan ranks 21st among Turkey's global trading partners in terms of exports and 20th in terms of imports. To date, Turkish contractors have implemented 402 projects worth 16.5 billion US dollars in Kazakhstan. At the end of 2011, the Foreign Direct Investment Fund of Kazakhstan reached up to 2 billion US dollars. In 2012, Kyrgyzstan ranked 72nd among Turkey's export destinations with a market value of 257 million US dollars. Imports of Turkish goods from Kyrgyzstan amounted to 45 million US dollars. Despite of the weak political bonds, economic relations with Uzbekistan are relatively good: 579 Turkish companies operate in the country, which ranked 49th among Turkey's exports in 2012. The total volume of foreign direct investment in Turkey accounts for about 1 billion US dollars. Since the country gained its independence, Turkish companies have signed contracts worth more than 34 billion US dollars in Turkmenistan. 90 % of all construction projects in Turkmenistan are carried out by Turkish contractors. Turkey's exports to the country in 2012 were estimated at 1.48 billion US dollars, while imports totaled to only 302 million US dollars, showing an increase of 1.1 billion US dollars. Tajikistan positioned 81st in 2012 with the value of export at 234 million US dollars, while imports in the same year totaled to 345 million US dollars [8].

The protection of deepened economic interests, especially with the participation of a good network business community with close ties to political parties, is an important factor in maintaining Ankara's influence in the region. On the one hand, targeted investments can force Turkey to focus and directly interfere in domestic politics and stability in the region. On the other hand, economic cooperation with Central Asia has clearly increased, although experts say Turkish officials have «increased Turkey's business activity in the region».

The area of integration of an utmost importance is energy. As its growing economy becomes too dependent on a certain number of Russian energy suppliers, Ankara was ready to diversify them by including Central Asian states to a list of its potential providers. Ankara is trying to resolve a dispute between Turkmenistan and Azerbaijan over oil and gas fields in the Caspian Sea, the latter of which is directly linked to Turkey via the 1,700-kilometer Baku-Tbilisi-Ceyhan oil pipeline and the parallel Baku-Tbilisi-Erzurum gas pipeline. Although the issue has been widely discussed, there has been no progress since the 1990s. Turkey aspires to build a Trans-Caspian gas pipeline that will supply this energy corridor from Turkmenistan and Kazakhstan. Establishing such links would make a significant contribution to Turkey's role as an energy center in the region and prove its global significance [9]. Indeed, in 2007, the Turkish government encountered considerable efforts to create an organization for regional gas suppliers between Turkey and Central Asia, in the example of organizations of oil exporter states, but there has been no progress. Hence, Turkey plans to create a single Turkic world with a common market of regional energy and transport system. However, the geopolitics of Central Asia's energy supply, in which Russia and China play such an important role, is ready to weaken and further complicate Turkey's position.

One of the factors contributing to Turkey's strong influence in Central Asia is military security. According to the analysis, Turkey is particularly concerned about destabilizing factors in Central Asian republics, such as extremist movements, terrorism, drug, and arms trafficking. Accordingly, the Turkish government provides these countries with financial assistance and military training to help them put their way to stable development. Military contacts began only in the early 2000s, when Kyrgyzstan and Uzbekistan were supplied with Turkish equipment and exercises to prepare the military for hostilities. Turkey also worked closely with the special forces of the two countries in training. Since 1999, Turkey has hosted a NATO «Partnership for Peace» training center in Ankara, where military personnel from various Central Asian countries have completed a range of courses. Another important part of Turkey's political paradigm for Central Asia is the active fight against Islamic radicalism, which was officially acknowledged and plays a key role in the fight against the penetration of radical Islamists into Central Asia. In 2012, Turkey agreed to provide military assistance to Kyrgyzstan in the fight against terrorism, drug trafficking, illegal migration and strengthen its defense and security. In 2013, Turkey announced it would help Kyrgyzstan transform NATO's Manas mili-

tary base into a commercial airport. Turkey's aid budget funded police training programs for Kyrgyzstan, Uzbekistan and Kazakhstan [10]. Judges and prosecutors were also trained in Kazakhstan. Although Turkey has implemented large-scale projects to develop its military industry, the lack of a developed scientific and technical base was a serious issue. It is clear that Turkey is interested in the implementation of joint programs with the countries of Central Asia to expand not only military-technical, but also political participation in the region.

Conclusion

Relative to the bold vision laid out after their independence in the early 1990s, the states of Central Asia appear to be of high priority for Turkish foreign policy. Steady efforts appear to have been made to deepen or at least maintain diplomatic relations with most of the countries and with the region as a whole through the CCTS. In parallel, but perhaps with more tangible consequences, levels of trade and investment have markedly increased, that this outstrips the growth of economic ties with other regions of the world. Turkey's total aid budget has grown significantly; available data suggests that Central Asia has featured highly in Ankara's calculations of where it should be allocated. Security cooperation appears to have become a main feature of its engagement over the past decade or so. Finally, it is clear that Turkey is a significant a player as larger powers that have more established interests in the region and greater capacity to protect them.

Turkey, which has focused its political and diplomatic efforts on the development of Central Asia, fulfilled its historic mission in the application of «soft power» and the philosophy of Pan-Turkism. Taking into account the domestic political and economic situation, it could provide humanitarian and financial assistance to develop its social and human potential. All of this was to ensure a possible future of a specific political mechanism, which can serve as a key instrument for the implementation of various projects between the countries of the region. Turkey's geopolitical position is determined by the intersection of the most important and most problematic regions of the world — Europe and Asia. Based on the main prerequisites, strategic and ideological reasons for Turkey's foreign policy, it pursues a strategy of ambitious impact on the main goals, proceeding from the spheres of economic, energy and military security through institutionally formed mechanisms with Central Asia.

Currently, Turkey attaches special importance to preventative diplomacy, pioneers a great deal of mediation attempts in a wide geography and endeavors actively for the peaceful settlement of disputes. Nonetheless, there is little evidence that such endeavors have featured prominently in relations with Central Asian countries. Taking into account the dynamics of its existing diplomatic, economic, development, and security cooperation in Central Asia. Of course, a number of contextual changes — such as a significant deepening of Turkish involvement in the energy sector, the targeting of Turkish businesses, escalating intra- and inter-state conflict or intense geopolitical competition — could force Turkey to take on a more proactive role. When Ankara has sought to engage on issues in other regions, it has legitimized its engagement with reference to shared histories and identities with the regions in question. In a similar vein, its Turkic links with Central Asia may be perceived by decision makers in Ankara to be a distinguishing asset for Turkey that guarantees it influence and a special role.

References

- 1 Migdalovitz C. (2011). 'AKP's Domestically-driven Foreign Policy' in Turkish Policy Quarterly Vol 9 No 4, p 38, World Bank.
- 2 Organisation for Economic Cooperation and Development (2012) Statistics on resource flows to developing countries, website, accessed on 25 October 2012.
- 3 Aras, B. & Fidan, H. (2009). 'Turkey and Eurasia: Frontiers of a new geographic imagination' in New Perspectives on Turkey no.40 p 200.
- 4 Balci, B. (2013). 'Turkey Lowers Its Sights on Central Asian Reform' World Politics Review Op-Ed 13 June 2013.
- 5 Efeğil, E. (2008). 'Turkish AK Party's Central Asia and Caucasus Policies: Critiques and suggestions' in Caucasian Review of International Affairs Vol 2 No 3, p 169.
- 6 Evin, A. et al. (2010). Getting to Zero: Turkey, its neighbors and the West Transatlantic Academy, p 23.
- 7 Kilic, G. (2011). 'Turkey's Foreign Aid Policy Towards Central Asia from a Comparative Perspective' Thesis Submission Middle East Technical University, Turkey.
- 8 Türkan Budak Söylemler ve Eylemler Bağlamında: Türkiye'nin Orta Asya Politikası \ BİLGESAM [Электронный режим]. -Режим доступа: <http://www.bilgesam.org/Images/Dokumanlar/0-69-20160929501345.pdf>

9 Россия и Ближний Восток. Турецкая «мягкая сила» и Центральная Азия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/blogs/ivan-starodubtsev/2517/>

10 Доклад МИД Турции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sam.gov.tr/tr/wp-content/uploads/2015/10/SAM-Report_-Fifth-Summit-ofthe-Turkic-Council.pdf

Б. Бюжеева, А. Қалиахмет, Б. Балаубаева, А. Әліпбаев

Орталық Азия Түркияның ықпал ету аймағы ретінде

Мақалада Түркияның Орталық Азия елдеріндегі ықпалы, оның стратегиялық, идеологиялық негіздері және аймақ елдерімен қатынастардағы негізгі салалық бағыттары мен екіжақты және аймақтық қатынастардың даму динамикасы қарастырылды. Түркітілдес мемлекеттердің ынтымақтастық кеңесі аясында біріктіріліп, институционалды түрде қалыптасқан Орталық Азиямен байланысқа ықпал ететін ұйымдар мен форумдар қызметі зерттелген. Сауда, инфрақұрылым, энергетика және байланыс Түркияның Орталық Азия аймағымен экономикалық байланыстарын тереңдеткен салаларға айналғаны зерттеліп, Түркияның аймақ елдеріне байланысты сауда айналымына статистикалық мәліметтері мен болжамдары келтірілген. Сонымен қатар Түркияның Орталық Азия республикаларындағы экстремистік қозғалыстар, есірткі және қару-жарақ саудасы және террористік әрекеттер сияқты тұрақсыздандырушы факторлар туралы іс-әрекеттері талқыланған. Түркияның ықпалын қалыптастырушы факторлардың бірі — әскери саладағы саясаты, оның ішінде қорғаныс және қауіпсіздік салаларын нығайту үшін аймақ елдеріне әскери көмек көрсетуге байланысты атқарған жұмыстарына талдау жасалынған. Сондай-ақ Түркияның Орталық Азия аймағындағы сыртқы саясатының тұжырымдамасы Халықаралық түркі мәдениеті ұйымы және басқалары сияқты түрлі ұйымдардың шеңбері негізінде қарастырылды.

Кілт сөздер: Орталық Азия, Түркия, пантүркілік, нео-османизм, энергетика, әскери қауіпсіздік.

Б. Бюжеева, А. Қалиахмет, Б. Балаубаева, А. Алипбаев

Центральная Азия как регион влияния Турции

В статье рассмотрено влияние Турции в Центральной Азии, ее стратегические и идеологические основы и основные отраслевые направления отношений с регионом, динамика развития двусторонних и региональных отношений, механизмы институциональной реализации. В рамках Совета сотрудничества тюркоязычных государств предусмотрена деятельность организаций и форумов, объединенных и институционально сформированных в Центральной Азии. Исследовано, что торговля, инфраструктура, энергетика и связь стали сферами углубления экономических связей Турции с Центрально-Азиатским регионом, приведены статистические данные и прогнозы торгового оборота Турции в связи со странами региона. Кроме того, были обсуждены действия Турции о дестабилизирующих факторах, таких как экстремистские движения, торговля наркотиками и оружием и террористическая деятельность в республиках Центральной Азии. Одним из факторов, формирующих влияние Турции, была работа, связанная с оказанием военной помощи странам региона для укрепления политики в военной области, в том числе обороноспособности и безопасности. Концепция внешней политики Турции в Центрально-Азиатском регионе также рассмотрена через различные организации, такие как Международная организация тюркской культуры и др.

Ключевые слова: Центральная Азия, Турция, пантюркизм, неоосманизм, энергетика, военная безопасность.

References

- 1 Migdalovitz, C (2011). 'AKP's Domestically-driven Foreign Policy' in Turkish Policy Quarterly Vol 9 No 4, p 38, World Bank.
- 2 Organisation for Economic Cooperation and Development (2012) Statistics on resource flows to developing countries, website, accessed on 25 October 2012.
- 3 Aras B. & Fidan, H. (2009). 'Turkey and Eurasia: Frontiers of a new geographic imagination' in New Perspectives on Turkey no.40 p 200.
- 4 Balci, B (2013). 'Turkey Lowers Its Sights on Central Asian Reform' World Politics Review Op-Ed 13 June 2013
- 5 Efeğil, E. (2008). 'Turkish AK Party's Central Asia and Caucasus Policies: Critiques and suggestions' in Caucasian Review of International Affairs Vol 2 No 3, p 169.
- 6 Evin, A. et. al. (2010). Getting to Zero: Turkey, its neighbors and the West Transatlantic Academy, p 23.

7 Kilic, G. (2011). 'Turkey's Foreign Aid Policy Towards Central Asia from a Comparative Perspective' Thesis Submission Middle East Technical University, Turkey

8 Türkan Budak Söylemler ve Eylemler Bağlamında: Türkiye'nin Orta Asya Politikası \\ BİLGESAM [Электронный режим]. -Режим доступа: <http://www.bilgesam.org/Images/Dokumanlar/0-69-20160929501345.pdf>

9 Rossiia i Blizhnii Vostok. Turetskaia «miahkaia sila» i Tsentralnaia Aziia [Russia and the Middle East Turkish soft power and Central Asia]. Retrieved from <http://russiancouncil.ru/blogs/ivan-starodubtsev/2517/> [in Russian].

10 Doklad MID Turtsii [Turkish Foreign Ministry report]. Retrieved from http://sam.gov.tr/tr/wp-content/uploads/2015/10/SAM-Report_-Fifth-Summit-ofthe-Turkic-Council.pdf [in Russian].

M.V. Shlyupikov*

*Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan
(E-mail: ShlyupikovM@mail.ru)*

Archaeology of the Eurasian steppes in the historical concept of L.N. Gumilyov

The scientific heritage of the famous Turkologist, the author of the original concept of passionarity L.N. Gumilyova continues to be in the sphere of historiographical interest. However, not all methods of his research have received an adequate assessment. The author considers Gumilyov's attitude to archeology and its data in the study of the ethnic history of the Eurasian steppes. The method of consideration of this issue corresponds to the basic principles of historiographic research: the identification of the author's content position by analyzing his works, the characteristics of the source study base and methods of criticism of the sources used. L.N. Gumilyov is a brilliant expert on written sources on the history of the peoples of the Eurasian steppes of Chinese, Iranian, Arab origin and scientific literature on this issue. Archaeological data, often borrowed, are also actively involved in the reconstruction of the ethnic history of Eurasia. We tried to match the attention of L.N. Gumilyov to these two groups of sources, to determine his scientific predilections and how this influenced the final conclusions and his historical concept. L.N. Gumilyov prefers written historical sources, in working with them he feels confident, trusts them more. As long as they are. The use of archaeological data is complementary, auxiliary, fragmented. In the absence of written sources, the scientist demonstrates the quick adaptation and qualitative analysis of analysis of archeology data. Ultimately, he advocates a synthesis of history and archeology.

Keywords: L.N. Gumilyov, ethnic history, Eurasian steppes, Huns, Turks, archaeological data, written sources.

Introduction

The contribution of the famous Soviet scientist-Turkologist L.N. Gumilyov's study of the problems of the history and ethnology of Eurasia is very significant and undeniable in modern science [1; 15–18]. In the 1950–1990s, a whole series of his original works saw the light, the author's concept of ethno-historical development of the steppe expanses of Eurasia was formed [2–14]. The brilliance of scientific thought, the boldness of posing problems, the breadth of geographical horizons and the depth of chronological sections, the kaleidoscopic nature of changing historical characters and ethnic groups, the encyclopedic nature of the use of diverse factual material, the reverent attitude to the natural factor, the anthem to the heroism of passionarity, the fear of the dullness of dry academism, the attempt to «revive» relics that disappeared past, faith in the constructiveness of historical imagination and the inexorability of logic, an almost holy admiration for the historical text and a free play of interpretations, the excessive fragmentation of regional events and the eschatological global nature of the final conclusions — this is how we see the historical credo and methodological tools of Lev Gumilyov. The master of intrigue and the king of outrageous got along with the dull pedantry of a provincial bibliophile and «philologist», source-guided crocheting, quiet excitement of a pathfinder combined with the inexorable logic of an investigator, professionally trained, tenacious to details, intelligent, prone to quick and accurate decisions.

One could deny his historical concepts, criticize research methods, possible dilettantism in the analysis of spheres of non-historical content, but one could not but recognize his creative enthusiasm for the subject of research, real love for the endless feather-grass steppes that go under the horizon, the smoky blue of distant mountains, humanized ghosts of the long gone into the non-existence of small and large nations.

The beauty of Gumilev's historical reconstruction is striking: the accuracy of geographical lines, an almost medical characteristic of anthropological types, the chronic accuracy of the periodicity of wet and dry ages, the biological sophistication of the quality and efficiency of various soils, the photographic nature of the change of natural landscapes, steppe, forest-steppe and forest zones, foothills, river valleys, endless deserts. And all this comes to life under the exquisite feather of a talented master: dried up rivers are filled with pure mountain water, a dry steppe drooping under the incinerating rays of the merciless sun breaks through with green sprouts of new grass, soil fertility, and the availability of rich meadows. The steppes are

*Corresponding author's e-mail: ShlyupikovM@mail.ru (M.V. Shlyupikov)

filled with the sounds of wildlife, the clatter of the hooves of swift horses, the hum of fat herds of domestic animals, the loud and distinct voices of ancient inhabitants.

It remains only to put everything in its place: each nation has its own name, area of residence, type of economy and dwelling, household clothing and military armor, household equipment and military weapons, weddings and burials, pagan rituals and philosophy of great religions, good or evil neighbors, their heroes and traitors, the dates of great victories and crushing defeats, the routes of long-distance travel, the time and place of disappearances, and, possibly, new rebirths from the ethnographic chaos.

A quite reasonable question arises: how accurate is such an arrangement, is it not self-deception, what is taken as a basis, what reliability does the author rely on, does he draw the reader into invisible networks of scientific hypotheses and fantasies, conjecturing the unsaid, completing the destroyed, recreating the decayed.

Methods

What is the source study base of the historical and ethnological research of L.N. Gumilyov? How accurate was he in the analysis of written sources and data of archeology, toponymy, onomastics, numismatics, sphragistics, heraldry? We are probably not the first to ask questions, the formulation of which is obvious for any professional historical research.

We are primarily interested in the methods of historiography by L.N. Gumilyov, the role and place of archeological data in them. Is archeology for the study of the ethnic history of the Eurasian steppes of the ancient and Middle Ages a «queen» or a «servant»? Or L.N. Gumilyov put all the points in one phrase: «written sources... deserve more trust than a few archaeological finds» [4; 73]. Perhaps for him archaeological data is only a spare, auxiliary version, filling in the missing gaps and gaps in written sources [4; 66, 69].

Results and discussion

An analysis of the use of archeological data by Gumilev in the construction of his historical and ethnological concept convinces us that the answer is not as unambiguous as it might seem at first glance. Let's consider this situation in more detail.

First, the fetish of a written source (Chinese, Iranian, Arabic) is immediately striking, for L.N. Gumilev in any form is a guiding thread in wandering through the mysterious nooks of antiquity. In the spirit of the French positivists S. Langlois and S. Senobos, Gumilev, by his actions, actually recognizes the classical formula: «there is a source — there is history, there is no source — there is no history!». He has, in fact, a sacred awe before a written source, paper or stone: «the events of history are known to us from the moment when written sources began to present events coherently throughout the Oycumene» [5; 57], or «we know nothing... about the fate of... unwritten peoples» [10; 106], «archaeological sites... provide too little material» [10; 121].

Secondly, according to L.N. Gumilyov, archeology is not enough «to describe the processes of ancient ethnogenesis» [10; 74], «where open-mindedness is required... minor differences do not matter» [10; 75]. «To judge by the survivor, — believes Gumilyov, — ... means to fall into error» [10; 37]. Archeological data, according to L.N. Gumilyov, give «approximate and by no means exhaustive... results» [11; 38].

At the same time, Gumilyov demonstrates condescending carelessness in relation to written sources, stating that despite the amorphousness and confusion of the text, it is possible to extract «valuable instructions» from it [10; 208]. There is a conviction that in the presence of literary historical evidence, L.N. Gumilev clearly gives preference to them, and not to archeological data. But the fact is that the problems that the scientist is trying to solve are not always provided with an adequate source base. Only in this case archeology comes to his aid. «History is silent, and then the word archeology» [10; 66–67]. Gumilyov, like a drowning man, grabs at a straw in the hope of escape from the stormy stream of elusive knowledge.

And again, with desperate zeal, he begins to study a variety of archaeological material, in the overwhelming majority of cases, open, collected, analyzed and published by specialists-archaeologists. He is frightened by the «fear of emptiness», the lapses of historical memory, which for some reason did not record the course of events or were lost in the fire of change. L.N. Gumilyov refers to the «waste of the past», artifacts, remnants of former luxury: animal bones, fragments of ceramics and handicrafts, ruins of architectural complexes, stone sculptures — balbals, steles with ancient inscriptions, tombstones, fasteners, plaques, jewelry, figurines of warriors, wedges, military armor. The scientist is trying to establish «the

relationship between dead art and history», when art objects «crystallized in stone or metal» [10; 86]. At the same time, Gumilyov complains that the steppe culture, which had ancient traditions, deep roots, but is less known than the settled one, since «the remnants of their material culture (felt, leather, wood, fur) are preserved worse than stone» [4; 5; 10; 38].

Nevertheless, archeology and its data are widely represented in the works of L.N. Gumilyov, especially in the books «Ancient Turks», «A Millennium Around the Caspian Sea». With youthful enthusiasm, not without a share of ironic boasting, the scientist enthusiastically acquaints readers with his own experience of field archaeological searches and the results obtained: «The archaeological work carried out by me in Altai in 1948 also showed that the monuments left by the Türküts are grouped into separate meadows and river valleys in such a way, which excludes any system of land use, except for ail» [4; 70].

Archaeological work, believes L.N. Gumilyov, refute the opinion that nomads are «drones of humanity» [4; 5]. The scientist uses the data of A.P. Okladnikov to characterize the social structure of the tribes of the Baikal region of the Neolithic and Bronze Age [4; 55], notes with satisfaction that archaeological prospecting discovered monuments of the Turkut metallurgy of the VI-IXth centuries in Altai, Tuva, and Southern Siberia [4; 65–66], but regrets that «the mining operations of the nomads of the early Middle Ages have not yet been systematically studied» [4; 66].

In his hands are the clay figurines of the Turkut guards, the figures of the Turkut warriors in the rock carvings of Sulek (upper Yenisei), the image of a warrior on a bronze plaque found by S.V. Kiselyov in 1939 during excavations near the village of Kopeny [4; 68, 69].

The second most important group of sources for L.N. Gumilyov — Turkic gravestone inscriptions [4; 89]. The discovery of the Orkhon inscriptions at the beginning of the twentieth century increased, according to the scientist, scientific interest in Turkic studies [4; 95].

Archaeological data allowed L.N. Gumilev draw conclusions about the Mongoloid Turkic peoples («racial features... are confirmed by the type of Turkic stone statues and statuettes») and the Caucasianoidness of the Uyghur ethnic group («excavations of the Uyghur burials finally confirmed the Caucasianoidness of this ethnic group») [4; 181]. «Archeology establishes the connection of ancestors and descendants». Small people, L.N. Gumilyov would be lost for history if he had not left the monuments that survived it. Burial grounds of Turkuts, stone fences and statues (balbals) cover all the steppe slopes of the valleys of Eastern Altai [4; 260–261].

True, an apologetic tone is present in every line of the text of L.N. Gumilev. «Historical records... the Türks have not been preserved, and tombstones do not replace them» [4; 87]. Since we do not have historical information about the Türküts of the VIIIth-Xth centuries, in the opinion of L.N. Gumilyov, present even the meager information that dumb stones can give [4; 261].

According to previously invisible grains, archaeological chips L.N. Gumilev patiently builds the ethnic history of the region. «In the Siberian taiga, fragments of tribes continued to exist, for 2000 years before which stood on the path of intensive development» [4; 263]. Here, a footnote is made to the work of A.P. Okladnikov «The Neolithic and the Bronze Age of the Baikal Region» (M. -L., 1955). «Archaeological work in Siberia made it possible to establish that the archaeological» Kurumchinskaya culture «corresponds to the distribution area of the Kurykans» [4; 264]. «In addition to the above information, the Orkhon inscription informs about the Kengeres people» [4; 266]. «One phrase from the inscription» Selenginsky stone «contains a clue to this... population growth» [4; 267].

Ethnic diversity with differences in economic systems and forms of material culture contributed, according to Gumilev, to the creation of original local cultures. Since ancient times, «in the entire steppe zone, various variants of intertribal archaeological cultures have recorded certain ethnic relationships» [11; 13].

In the historical concept of ethnogenesis of the ancient Turks L.N. Gumilyov actively and fruitfully uses the information gleaned from the texts of the Onginsky, Orkhon inscriptions: «this contradicts as the texts of the inscriptions...» [4; 269], «a similar understanding of the course of events contains the Onginsky monument...» [4; 270], «the inscription directly indicates that the Türks...», «the inscription clearly notes...» [4; 271], «A large Turkic inscription narrates...» [4; 272], «judging by the inscription, Kutlug made 47 campaigns...» [4; 281], «some explanations... we will find in the inscription compiled by Yoltyg-tegin...» [4; 282], «the inscription of Yoltyg-tegin indicates that...» [4; 283], «The whole seriousness of the situation is reflected in the Onga inscription...», «We find a deeper understanding of the issue in the Orkhon inscriptions...» [4; 311].

The inscriptions represent, according to L.N. Gumilyova, «double interest, being not only a historical document, but also a cultural monument» [4; 320]. The scientist gave a deep analysis of the Orkhon texts, the time of their compilation and publication, genre, composition, inscriptions as a source, based on the works of N.M. Yadrintseva, V.V. Radlov, Czech archaeologist L. Jisla [4; 328–336]. In Gumilyov's interpretation, all three inscriptions are appeals, inscriptions, agitation, and historical material is presented selectively in them [4; 331]. The inscriptions were made, according to L.N. Gumilev, by biased people and therefore the estimates can not be fair, the course of events is presented incompletely [4; 335].

But at the same time, on the basis of the inscriptions, considers L.N. Gumilyov, you can give an essay on the culture and ideology of the Turks. «Their religion, historical and geographical knowledge, their ideals, tastes... military tactics and organization systems are reflected in inscriptions with a complete superiority to Chinese information» [4; 335]. Despite the poor preservation, the inscription «Selenginsky stone», according to L. Gumilyov, «is a source of great importance» [4; 362]. The inscription, emanated by time, disfigured by enemies and defective, but in its fragmentary words, «like silhouettes through the steppe haze, riders appear everywhere from the horizon...» [4; 363].

According to L. Gumilyov, the Orkhon Chinese-language inscription «gives valuable information» on the adoption by the Uigur tribes of a new religion — Manichaeism, while the information of Chinese and Arab authors regrets Gumilyov, «too fragmentary» [4; 379]. Four lines on the Orkhon monument of 795 are, according to L.N. Gumileva, «the earliest text of the Uyghur alphabet, dating back» [4; 382].

Left without reliable literary sources, feeling the vulnerability of these lacunae, L.N. Gumilev collects the «scattered» stones, steles, gravestones through the fragments. The stele from Tuva, located in the Minusinsk Museum, is a tetrahedral sandstone pillar 3.4 meters high, on one of the wide sides of which there is a runic inscription in three vertical lines telling about past battles [4; 410–411], the Tibetan-Chinese peace treaty of 821, preserved on a stele in Lhasa [4; 416]. At the same time, the constitution of the Uyghur Khanate was formulated; the text of the inscription, according to L.N. Gumilyov, is extremely important, since it marked the limitation of the khan's power [4; 422]. The two-line gravestone inscription, known as the «Yenisei Monument», tells about the victory of the Kyrgyz over the Uighurs [4; 428].

L.N. Gumilev seems to be struggling with himself, the inner tension of creative search, a kind of research duality brings together through all his works. Which one to give preference to: a text, or an archaeological monument? «There is almost no information about Siberia in the IIIrd-Vth centuries in the Chinese geographical literature, writes L.N. Gumilyov, — and therefore it is necessary to restore its history according to archeological data» [11; 38. Highlighted by us — M.Sh.]. In another book, almost the same regret: «we have to limit ourselves to archeology» [10; 74. Highlighted by us — M.Sh.]. And almost immediately the recognition that the presence of the Xiongnu culture in Transbaikalia was established by archaeological excavations (burial ground in Ilmovaya pad, Derestuysky burial ground and Nizhne-Ivolginskoye settlement) [11; 38, 39].

For Gumilev, archeology is a codification of phenomena that lie on the surface, i.e. cultural monuments, which, moreover, are easily detected [10; 32]. Ethnic history, in the understanding of L. Gumilyov, the science of loss, «the history of culture — the codification of items that survived» [10; 36; 5, p.57]. The historian, according to L. Gumilyov, is tempted to replace the study of ethnic groups with a «description of monuments» [10; 32]. Sounds like something shameful, i.e. it turns out that an archaeologist is a historian, tempted by the ease of describing monuments «lying on the surface». But even this is not enough for Gumilyov! «An insignificant part of the legacy of past eras has come down to us. Judging by the survivor, not taking into account the missing, — concludes L.N. Gumilev — means to fall into a mistake!» [10; 37]. It is said beautifully and aphoristically, but at the wrong address. Judging by the missing person, not taking into account the survivor, means falling, in our opinion, into an even deeper mistake!

With enviable persistence, L. Gumilyov continues his attacks on archeology: «A simple study of material culture... leads to a distorted vision of the past», especially since, in his opinion, only «random hints of them» came from several large cultures of the Eurasian steppes [10, from. 38]. «The direct path of research leads to nowhere» [10; 66–67], the scientist is oppressing his line, especially since «any creation of human hands is doomed either to death or to deformation» [10; 38, 60].

Archaeological monuments appear to «provide too little material for judging the economy of the tribes» [10; 121]. To add the lack of weight and solidity to his archaeological conclusions, L. Gumilyov accentively and solemnly informs readers that «the author managed to visit one of the expeditions...» [10; 130]. But professional archaeologists spend most of their scientific life on such expeditions, in the field, where they clear historical eras buried in deep oblivion. To be fair, we note that Gumilyov took part in 13 archaeological

expeditions (1935 — Manych archaeological; 1936 — Sarkel archaeological; 1946–1947 — two seasons of the Yugo-Podolsk archaeological expedition; 1948 — Gorno-Altai archaeological; 1949 — Volgodonsk (Sarkel) archaeological; 1957 — Angara archaeological; 1959–1963 — five seasons of the Astrakhan archaeological expedition; 1967 — Caucasian ethno-archaeological).

The only reasonable explanation for these anti-archaeological passages of L. Gumilyov is the desire to actualize his occupation with the ethnopolitical history of the Eurasian steppes, which «was tense, but did not leave traces in the form of monuments» [10; 67], but the absence of information about the events does not mean the absence of the events themselves.

In this endeavor, L. Gumilyov reaches the grotesque: in the invented dialogue between the archaeologist and the author (in the Apocrypha, «The End and the Beginning Again»), the scientist puts words into the mouth of the archaeologist that he himself does not seem to believe, but who wants to hear — «yes, I have to admit that my science is not suitable for solving your problems. Your science is not humanitarian. It is rather the geography of the anthroposphere for the historical period» [5; 415].

However, scientific «jealousy» passes, the exaltation of the opposition of history (the science of events in their connection and sequence) and archeology (the science of monuments) cools and smoothes, and Gumilev makes the correct final conclusion that «the science that solves the described problem, will be not just history, ethnography or archeology, but a synthesis of these sciences with geography», and that the noted combination of history and archeology with paleogeography requires new approaches and methods of research [5; 442].

Conclusions

Thus, L.N. Gumilev prefers written historical sources, he feels confident in working with them, he trusts them more. As long as they are. The use of archaeological data is complementary, auxiliary, fragmented. In the absence of written sources, the scientist demonstrates rapid adaptation and qualitative analysis of archeological data. Ultimately, he advocates a synthesis of history and archeology.

More evidence of the assertion that many start out as radicals and end up as conservatives. Healthy conservatism in this case is the lesser of evils. Routine, seemingly mundane work of an archaeologist in the field and the same, in general, the work of a historian in an archive, library and at a writing desk — these are the components of classical historical knowledge, the time in which an extraordinary person and a restless scientist lived and worked with enthusiasm — Lev Nikolaevich Gumilyov. The time of scientific innovation, interdisciplinarity, quantitiveness will come quickly, new theories and concepts will appear, but troublemakers, in love with the subject of research, sometimes alone in their scientific rightness, «invincible heretics» will always, be appreciated!

References

- 1 Беляков С.С. Гумилёв сын Гумилёва [биография Льва Гумилёва] / С.С. Беляков. — М.: АСТ, 2013. — 797 с.
- 2 Гумилёв Л.Н. География этноса в исторический период / Л.Н. Гумилёв. — Л.: Наука, 1990. — 253 с.
- 3 Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилёв. — М.: Мысль, 1993. — 784 с.
- 4 Гумилёв Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилёв. — М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К», 1993. — 526 с.
- 5 Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилёв. — М.: Изд-во «Институт ДИ-ДИК», 1997. — 544 с.
- 6 Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990) / Л.Н. Гумилев. — СПб.: Кристалл; М.: Оникс, 2005. — 976 с.
- 7 Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии / Л.Н. Гумилёв. — М.: Айрис-пресс, 2007. — 416 с.
- 8 Гумилёв Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории / Л.Н. Гумилёв. — М.: Экопрос, 1994. — 336 с.
- 9 Гумилёв Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л.Н. Гумилёв. — М.: Экопрос, 1993. — 576 с.
- 10 Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л.Н. Гумилёв. — М.: ТОО «Мишель и К», 1993. — 336 с.
- 11 Гумилёв Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III–VI вв. / Л.Н. Гумилёв. — СПб.: Абрис, 1994. — 272 с.
- 12 Гумилёв Л.Н. Хунну: Срединная Азия в древние времена / АН СССР. Ин-т вост. лит-ры / Л.Н. Гумилёв. — М., 1960. — 292 с.
- 13 Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв. — 2-е изд., испр. и доп. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 496 с.
- 14 Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилёв. — М.: АСТ, 2004. — 576 с.
- 15 Жарников А.Е. Теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева. (Опыт системного изложения) / А.Е. Жарников. — М.: Готика, 2002. — 128 с.

16 Лавров С.Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи / С.Б. Лавров. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 608 с.

17 Л.Н. Гумилёв. Pro et contra: Личность и творчество Л.Н. Гумилёва в оценках российских мыслителей и исследователей. Антология / Сост.: Н.М. Дорошенко, И.Ф. Кефели. — СПб.: Изд. Рус. христ. гуманист. ин-та, 2012. — 1007 с.

18 Шабалов А.С. Об этнической принадлежности хунну. По материалам книг Иностранцева К. А. «Хунну и гунны» и Гумилева Л.Н. «История народа хунну». Критический разбор / А.С. Шабалов. — Иркутск: Папирус, 2009. — 136 с.

М.В. Шлюпиков

Л.Н. Гумилевтің тарихи тұжырымдамасындағы еуразия даласының археологиясы

Белгілі түркітанушы, пассионарлықтың түпнұсқа тұжырымдамасының авторы Л.Н. Гумилевтің ғылыми мұрасы тарихнамалық қызығушылық саласында жалғасуда. Алайда, оны зерттеудің барлық әдістері барабар баға алған жоқ. Автор Гумилевтің археологияға қатысын және оның еуразия даласының этникалық тарихын зерттеудегі деректерін қарастырған. Бұл мәселені қарастыру әдісі тарихнамалық зерттеудің негізгі принциптеріне сәйкес келеді: оның еңбектерін талдау арқылы авторлық мазмұнды ұстанымды анықтау, деректану базасының сипаттамасы және пайдаланылатын дереккөздерді сынау әдістемесі. Л.Н. Гумилев қытай, иран, арабтан шыққан Еуразия даласы халықтарының тарихы бойынша жазба дереккөздерінің және ғылыми әдебиеттің тамаша білгірі. Археологиялық деректерге Еуразияның этникалық тарихын қайта құру кезінде ғалымдар да белсенді түрде тартылды. Мақала авторы осы екі топтағы дереккөздердің Гумилевке сәйкестігін, оның ғылыми бейімділігін және қорытынды түйіндері оның тарихи тұжырымдамасына қалай әсер еткенін анықтауға тырысқан. Л.Н. Гумилев жазбаша тарихи дереккөздерге артықшылық береді, олармен жұмыста ол өзін сенімді сезінеді, оларға көп сенеді. Археологиялық деректерді пайдалану қосымша, қосалқы, фрагменттік сипатқа ие, әрине әзірге дереккөздер бар. Жазбаша деректер болмаған жағдайда, ғалым археология деректеріне тез бейімделіп және сапалы талдауын көрсеткен. Ақыр соңында, ол тарих пен археология синтезін қолдайды.

Кілт сөздер: Л.Н. Гумилев, этникалық тарих, еуразиялық дала, хунналар, түркілер, археологиялық деректер, жазба деректер.

М.В. Шлюпиков

Археология евразийских степей в исторической концепции Л.Н. Гумилёва

Научное наследие известного тюрколога, автора оригинальной концепции пассионарности Л.Н. Гумилёва продолжает находиться в сфере историографического интереса. Однако не все методы его исследований получили адекватную оценку. Автор рассматривает отношение Гумилёва к археологии и её данным в изучении этнической истории евразийских степей. Метод рассмотрения данного вопроса соответствует основным принципам историографического исследования: выявление авторской содержательной позиции путём анализа его трудов, характеристика источниковедческой базы и методики критики используемых источников. Л.Н. Гумилёв — блестящий знаток письменных источников по истории народов евразийских степей китайского, иранского, арабского происхождения и научной литературы по данному вопросу. Археологические данные, чаще заимствованные, также активно привлекаются учёным при реконструкции этнической истории Евразии. Мы постарались привлечь внимание Л.Н. Гумилёва к этим двум группам источников, определить его научные пристрастия и как это повлияло на итоговые выводы и его историческую концепцию. Л.Н. Гумилёв отдаёт предпочтение письменным историческим источникам, в работе с ними он чувствует себя уверенно, больше им доверяет. До тех пор пока они есть, использование археологических данных носит дополняющий, вспомогательный, фрагментарный характер. В случае отсутствия письменных источников, учёный демонстрирует быструю адаптацию и качественный анализ данных археологии. В конечном итоге, он выступает за синтез истории и археологии.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилёв, этническая история, евразийские степи, хунны, тюрки, археологические данные, письменные источники.

References

1 Belyakov, S.S. (2013). *Humilyov syn Humilyova: [biohraftia Lva Humilyova] [Gumilyov son of Gumilyov: (biography of Lev Gumilyov)]*. Moscow: AST [in Russian].

- 2 Gumilyov, L.N. (1990). *Geografiia etnosa v istoricheskii period [The geography of the ethnic group in the historical period]*. Leningrad: Nauka [in Russian].
- 3 Gumilyov, L.N. (1992). *Drevniaia Rus i Velikaia step [Ancient Russia and the Great Steppe]*. Moscow: Mysl [in Russian].
- 4 Gumilyov, L.N. (1993). *Drevnie tiurki [Ancient Turks]*. Moscow: Tovarishchestvo «Klyshnikov-Komarov i K» [in Russian].
- 5 Gumilyov, L.N. (1997). *Konets i vnov nachalo [The end and the beginning again]*. Moscow: Publishing house «Institute DI-DIK» [in Russian].
- 6 Gumilyov, L.N. (2005). *Landshaft i etnos [Landscape and ethnos. Articles and works (1949–1990)]*. Saint Petersburg: Kristal; Moscow: Onix [in Russian].
- 7 Gumilyov, L.N. (2007). *Otkrytie Khazarii [Discovery of the Khazaria]*. Moscow: Iris Press [in Russian].
- 8 Gumilyov, L.N. (1994). *Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii [From Russia to Russia. Essays on ethnic history]*. Moscow: Ekopros [in Russian].
- 9 Gumilyov, L.N. (1993). *Ritmy Yevrasii: epokhi i tsivilizatsii [The rhythms of Eurasia: era and civilization]*. Moscow: Ekopros [in Russian].
- 10 Gumilyov, L.N. (1993). *Tysiacheletie vokruh Kaspiia [Millennium around the Caspian]*. Moscow: Michel & K LLP [in Russian].
- 11 Gumilyov, L.N. (1994). *Khunny v Kitae: Tri veka voiny Kitaia so stepnymi narodami III–VI vv. [Huns in China: Three centuries of the war of China with the steppe peoples of the III–VI centuries]*. Saint Petersburg: Abris [in Russian].
- 12 Gumilyov, L.N. (1960). *Khunny: Sredinnaia Aziia v drevniie vremena [Hunnu: Central Asia in ancient times]*. Moscow: AN SSSR [in Russian].
- 13 Gumilyov, L.N. (1989). *Etnohenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]*. (2nd ed.). Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta [in Russian].
- 14 Gumilyov, L.N. (2004). *Etnosfera: istoriia liudei i istoriia prirody [Ethnosphere: the history of people and the history of nature]*. Moscow: AST [in Russian].
- 15 Zharnikov, A.E. (2002). *Teoriia etnogeneza Lva Nikolaevicha Gumilyova (Opyt sistemnogo izlozheniia) [The theory of ethnogenesis of Lev Nicolaevich Gumilyov (Experience in systemic exposition)]*. Moscow: Hotika [in Russian].
- 16 Lavrov, S.B. (2003). *Lev Gumilyov: Sudba i idei [Lev Gumilyov: Fate and ideas]*. Moscow: Airis Press [in Russian].
- 17 L.N. Gumilov *Pro et contra. Lichnost` i tvorchestvo L.N. Gumilyova v otsenkakh rossiiskikh myslitelei i issledovatelei. Antologhiia / Sostaviteli N.M. Doroshenko, I.F. Kefeli [L.N. Gumilyov. Pro et contra. Personality and creativity of L.N. Gumilyova in the assessments of Russian thinkers and reseachers. Anthology]*. Saint Petersburg: Publ. Russian Christian Humanitarian Institute [in Russian].
- 18 Shabalov, A.S. (2009). *Ob etnicheskoi prinaldzhnosti khunnu. Po materialam knih Inostrantseva K.A. «Khunnu i hunny» i Gumilyova L.N. «Istoriia naroda khunnu». Kriticheskii razbor [On the ethnicity of the Huns. Based on the materials of K. Inostrantsev`s books «Huns and Huns» and L.N. Gumilyov «History of the Hunnu people». Critical analysis]*. Irkutsk: Papirus [in Russian].

З.К. Картова*, Н.А. Абуов

*Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан
(E-mail: kartov_m@mail.ru; abuovnur@mail.ru)*

Применение дискурсивного анализа к актовым источникам Золотой орды и последующих средневековых государств XIV-XVI веков

Применение исследовательских процедур лингвистического анализа актуализируется в связи с введением в научный оборот огромного комплекса автохтонных и аутентичных письменных источников. Извлечение из них необходимой исторической информации невозможно без привлечения новых исследовательских методов. В статье рассмотрено использование методов междисциплинарных исследований при изучении письменных источников кочевой цивилизации. В частности, дискурс-анализ применен к комплексу средневековых письменных источников, именуемых в современной историологии «ярлыками». Данный подход является новым и позволит детально изучить составные части абстрактных формуляров, используемые в тексте речевые обороты и термины. В результате сравнения текста ярлыков и речевых концептов будут выделены общие и частные фрагменты текстов. Анализируемый дискурс необходим для выявления социокультурных, материальных, коммуникативных особенностей кочевого общества. Взаимопроникновение в историческую науку методов таких смежных наук, как палеография, дипломатика, сфрагистика, археография отражает устойчивые междисциплинарные связи. Междисциплинарная кооперация как практика взаимодействия смежных социальных и гуманитарных наук становится как никогда востребованной. Объясняется это не только интегративным потенциалом исследовательского поля, но и количественным и качественным увеличением методов работы с историческими источниками. В статье широко известный в лингвистических исследованиях дискурсивный анализ использован при изучении актовых источников и последовательной реконструкции их абстрактного формуляра. Вместе с тем тщательный источниковедческий анализ позволит извлечь из средневековых источников, принадлежащих золотоордынским и послезолотоордынским государствам, ряд ценных сведений о социальном устройстве и земельных отношениях изучаемого периода.

Ключевые слова: ярлыки, абстрактный формуляр, дискурс-анализ, устная историология, автохтонные источники, дипломатика, источники Золотой орды, реконструкция формуляра, тарханство, союргал, вакуфный ярлык.

Введение

В современной историологии методы источниковедческого анализа с применением реконструкции формуляра достигли высокого уровня междисциплинарной интеграции. Методы исследования смежных дисциплин лингвистики и филологии также применимы к источниковедческим изысканиям. Дискурсивный анализ — самая новая часть лингвистики, находящаяся в периоде развития и роста, дальнейший прогресс этой науки связан с междисциплинарными исследованиями со смежными гуманитарными науками. При изучении кочевой цивилизации исследователи сталкиваются с проблемой источниковедческого характера, которая заключается в отсутствии материала для контрольной критики. Решение ее требует усовершенствования методических и методологических приемов исследования, активизации изучения различных видов автохтонных письменных источников.

В системе функционирования кочевой цивилизации существуют официальные документы, написанные по определенным канонам, в отношении которых употребляется общий термин «ярлык» [1]. Появление ярлыков происходило на местном этническом пласте, предшественниками их были древнетюркские рунические памятники, древнетюркские письменные источники, генеалогические предания — шежире. Но, в отличие от шежире, в ярлыках можно выявить объективное ядро и определить хронологические слои. Эти автохтонные и аутентичные источники мало изучены. Трудно переоценить значение ярлыков, освещающих исторические факты изучаемой эпохи как бы изнутри и достоверно отражающих те или иные события.

В современной источниковедческой науке ярлыки редко становились объектом научных изысканий. Вопросы перевода ярлыков на казахский язык с небольшими историческими комментариями

*Корреспондент-автор. E-mail: kartov_m@mail.ru (З.К. Картова)

нашли отражение в трудах А. Ибатова. Он переводит на казахский язык 8 битиков и ярлыков и текст нескольких печатей на ярлыках [2]. Его исследования о письменной культуре и делопроизводственных традициях Золотой орды — это единственное в своем роде исследование по рассматриваемому комплексу источников.

Публикацией актовых источников плодотворно занимался турецкий ученый Н.А. Курат. Он изучал ярлыки и битики ханов Золотой орды, Крыма к турецким ханам, хранящиеся в музее Топкапы [3]. О.А. Мелек публикует переводы значительного количества ярлыков Золотой орды, Крымского и Казанского ханства [4].

Изучение ярлыков в трудах ученых Татарстана, России и Узбекистана продвигается намного успешней. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. были комплексно изучены в трудах М.А. Усманава [5]. В результате многолетних поисков в архивах, рукописных хранилищах и музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Киева, Одессы и Симферополя он находит целый комплекс ярлыков. Автор подвергает анализу тюркские оригиналы 61 жалованного ярлыка, впервые вводит в научный оборот 53 источника.

Специальное исследование ярлыков, их формулярный анализ были осуществлены в многочисленных трудах А.П. Григорьева. Автор проводит формулярный анализ сохранившихся документов XIII–XV веков, принадлежащих правителям Монголии, Китая, Средней Азии и Ирана и написанных на монгольском, китайском, тюркском, персидском и арабском языках [6].

Необходимо отметить новые исследовательские подходы в изучении ярлыков Р.Ю. Почекаева. Он рассматривает ярлыки как источник права и источник познания права Золотой орды. Сравнивая ярлыки с аналогичными актами других народов (институции и эдикты римских императоров, капитулярии, указы, буллы монархов Европы), автор в процессе реконструкции норм права прослеживает определенные тенденции в государственно-правовом развитии Золотой Орды, эволюцию статуса ханской власти и данные по истории оригинальной правовой системы Золотой орды XIV–XVII вв. [7].

Первичные исследования большего комплекса исторических источников были проведены при изучении комплекса исторических документов мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави А.К. Муминовым, Б.Е. Кумековым, У.А. Султоновым. Изучены и введены в научный оборот исторические документы, хранящиеся в частных и государственных собраниях Алматы, Туркестана, Ташкента и Санкт-Петербурга. Они напрямую связаны со святым местом (мавзолеем) Ходжа Ахмеда Ясави в г. Туркестане [8].

При изучении письменных текстов все большую популярность приобретает дискурсивный подход, подробно описанный в трудах Х. Уайта. В «Метаистории» ученый стремится концептуализировать лингвистический аспект исторического сочинения, рассматривает постоянные речевые обороты и стилистические нюансы в качестве субъектов дискурса. Как констатирует автор, объект исследования трансформируется в субъект дискурса [9]. Следовательно, встречающиеся в аналогичных письменных текстах постоянные речевые константы, как определенный способ языкового использования, могут выступать объектами специального исследования с применением дискурсивного анализа.

Е.Г. Трубина отмечает, слово «поэтический», использованное Х.Уайтом для подчеркивания литературного характера работы историка, понимается им через призму первоначального смысла слова *poiesis* (создание, сотворение или изготовление) [10]. Метаистория в его понимании представлена поэтикой исторического текста, риторическим анализом исторического письма, теорией историографического стиля [10].

Дискурсивный анализ в констатации М. Фуко — это метод интерпретации текстов исторических источников, позволяющей выделение дискурсов внутри одного источника [11]. Таким образом, в историческом исследовании дискурс-анализ может быть использован как метод интерпретации текстов источников, при котором будут выделены общие термины или группы высказываний (дискурсы). Это поможет выявить интерпретацию взаимосвязей на основе изучения конкретных символов в текстах, их эволюции в течении определенного исторического периода.

В работах основоположника этого направления Э. Бенвениста прослеживается разделение языка и речи при попытке соединения их с теорией речевых актов, лингвистикой устной речи, когнитивной прагматикой текста и т.д. [12]. Это позволило бы выявить, согласно каким схемам или закономерностям высказывания, могут быть взаимосвязаны друг с другом в определенном типе дискурса. Устойчивость использования и применения в актовых источниках одних и тех же речевых оборотов, заимствований и высказываний позволяет описать историческую необходимость их возникновения, при-

чинно-следственные связи и устойчивость тех или иных общественных институтов. Соответственно, изменения в абстрактном формуляре текста ярлыков, происходящие за период функционирования источника, должны быть рассмотрены последовательно и системно.

Дискурс-анализ в последнее десятилетие всё чаще относят к числу самых популярных методов исследования в общественных и гуманитарных науках. Дискурс-анализ — это междисциплинарная область знания, в которой, наряду с лингвистами, участвуют социологи, историки, этнографы, литературоведы, философы. Нет определённой школы, которая бы занималась методикой дискурс-анализа. Но есть ряд исследований, посвящённых методам дискурс-анализа. Например, работа двух ведущих специалистов Дании и Швеции в области исследования коммуникации Луизы Филлипс и Марианне Йоргенсен «Дискурс-анализ. Теория и метод». В книге авторы собрали из разных научных областей — лингвистики, социологии, психологии и других наук — всё то интересное и полезное, что можно применить на практике [13].

Несомненно, метод дискурсивного анализа использовался большей частью в сфере филологических и лингвистических исследований. Вместе с этим, при изучении источников по кочевой цивилизации всегда преобладали лингвистические студии, а тюркология как наука начиналась с изучения, интерпретации и комментирования текста источников. Применение данного метода актуализируется тем, что большей частью от кочевой цивилизации сохранены устные источники, передаваемые из поколения в поколения. «Устная историология», как феномен номадной цивилизации, неразрывно связана с психологическими и социокультурными факторами. Длительность функционирования источника, наслоения на основное «ядро» текста новых речевых оборотов помогут решить вопрос о достоверности исторического источника. Решения этого круга вопросов с помощью применения новых междисциплинарных методов вполне оправданы.

Таким образом, цель исследования заключается в применении метода дискурсивного анализа к письменным источникам, именуемым в тюркологии и современной медиевистике «ярлыками». В этот комплекс источников входят вложенные ярлыки (мульк-наме), шертные грамоты, вакуфные ярлыки, тарханские ярлыки, дипломатические письма (битики) и т.д. Вместе с тем в текстах самих грамот есть различия в использовании речевых концептов и формулярах. Задачи исследования будут связаны со сравнением текстов ярлыков и речевых концептов и выделения общего и частного в них.

Методы исследования

В ходе исследования авторами определены следующие этапы работ с целью достижения поставленных результатов. Первый этап работы предусматривает изучение сформировавшейся историографии в контексте историологии письменных источников кочевой цивилизации, подбор источников исследования. Авторы на данном этапе определяют и специфику методов, применяемых в ходе анализа намеченных средневековых источников. Определение арсенала научных методов для анализа источников, обзор историографии данной темы делают возможным переход к следующему этапу исследования.

На втором этапе проводится источниковедческий анализ комплекса источников, который позволяет сформировать особенности, научную новизну данной работы, закладывает основы для формирования конкретных результатов исследования. В ходе анализа содержания текстов «ярлыков» авторы определяют как специфику этих источников, так и их научную ценность в историологии кочевой цивилизации.

На третьем этапе проводится синтезирование всего круга доступных авторам источников и выдвигаются для обсуждения (для дискурса) их научная новизна и достоверность. Данный этап завершается формированием конкретных результатов исследования, к которым авторы пришли в ходе решения исследовательских задач.

На четвертом этапе формируются итоги исследования, представленные авторами в виде заключения. С расширением круга письменных артефактов, введенных в науку, специфика отдельных категорий источников порождает в отношении их специальную методику, диктует применение междисциплинарных методов. Современный уровень развития дипломатики, сфрагистики, текстологии, источниковедения выдвигает перед исследователями ряд новых актуальных задач исследовательского плана. Одна из них — реконструкция конкретного формуляра текста документов с целью доказательства их групповой принадлежности.

С. Лархер представляет «дискурс как социальный процесс понимания о том, как интерпретировать и формировать мир» [14; 42]. Соответственно дискурс не только фиксирует историческое явление

ние, но и позволяет проследить его в эволюции и развитии. Так, С. Лархер выделяет шесть критериев сбора корпуса текстов для дискурс-анализа. Это — тема (*thema*), территориальное расположение (*geografischer Raum*), временные границы (*zeitpanne*), носители текстов (*medium*), участники (*akteure*) и типы текстов (*textsorte*) [14; 43].

Исходя из этих положений, тема дискурса охватывает корпус ярлыков, имеющих общую социально-экономическую направленность. Тематическое единство обуславливает семантическую и стилистическую однородность дискурсивных текстов. Концепт охватывает широкий спектр земельных и социальных отношений, касающихся получения податно-земельного иммунитета. Можно утверждать, что существовал традиционно сложившийся порядок составления и выдачи ярлыков. Этот институт специфично нормировался в общественных институтах. Внутренняя иерархия концепта определяет такие подтемы, как владение землей, освобождение от налогов, обеспечение определенными привилегиями и льготами. Так, например, в тарханных ярлыках речь идет о девяти привилегиях, которыми награждался тархан. Эти подтемы определяют тематические уровни дискурса.

В аспекте территориального распространения дискурс развивается и текстуально фиксируется. После распада Золотой орды в делопроизводственной практике данных ханств ярлыки были основным видом официальных актов источников. Кроме того, наблюдается широкое распространение ярлыков в XV–XVI вв., возникли отдельные государственные образования — Большая орда, Ногайская орда, Казанское, Астраханское ханства, Узбекское, Казахское ханства и др. На этом этапе в эволюции ярлыковедения произошли незначительные изменения, были разработаны новые устойчивые редакции формул адресата оповещения, диспозиций и санкции. Но механизм выдачи ярлыков не потерял своего первоначального значения. Более того, на данном этапе ярлыки превращаются в официальную делопроизводственную документацию и разрабатываются новые типы и виды данного комплекса источников.

В аспекте временных границ дискурса «ярлык» очевидно, что тексты, репрезентирующие дискурс, появляются в определенный промежуток времени и устойчиво функционируют в кочевых обществах, военных демократиях, позднее адаптируясь к оседлым обществам. Эволюцию возникновения и распространения в делопроизводственной практике государств XIII–XVI вв. отдельного вида официальных актов источников, именуемых «ярлыками», можно представить следующим образом.

Носители текстов — это достаточно узкий специфический круг людей, именуемых писцами (*битикчи*), которые специально обучались для выполнения этих задач. Термин «битикчи» был заимствован из уйгурского языка. Параллельно использовалось значение «бахши» — делопроизводитель, и «келемечи» — переводчики [15]. Несомненно, все они имели достаточно высокий социальный статус. Носители текстов опосредованно влияли на текст ярлыка, но не изменяли в целом форму и содержание источников.

Участники дискурса — это адресаты и адресанты. Занимающие активные позиции в изучаемом дискурсе административные чины, социальные категории лиц также достаточно многочисленны. Сведения о примерной численности, персональном составе, сословной принадлежности, возможно, и биографические данные отдельных представителей помогут расширить фактологический материал об институте тарханства как одного из компонентов кочевого социума. Проблемы социальной мобильности, статусные роли и статусные отношения в обществе станут дополнительной информацией, извлекаемой из ярлыков, в результате расширения исследовательских процедур.

Приведем фрагмент одного из самых ранних ярлыков Менгу-Тимура (1267 г.): «Предвечного бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ даругам-князьям городов и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам, сокольникам и звериным ловцам» [16; 251]. И для сравнения — более поздний ярлык Тимур-Кутлуга 1398 г.: «Огланам правого и левого крыла... Тысячникам, сотникам, десятникам, кадиям, муфтиям, шейхам, суфиям, писцам палаты, сборщикам дани, таможникам, дорожникам, букаулам, туткаулам, ямщикам, базарным надзирателям...» [5; 11]. В исследуемых грамотах перечень адресатов несколько шире, например, в ярлыке Абу-л-гази Убайдаллах-хан-бахадурсултана от 1044 г.х. (1634–1635 гг.): «Да будет известно и ведомо сейидам, великим ученым-богословам, доблестным ученым мужьям, высокопоставленным эмирам, почтенным казиям, шейхам и мудрецам, а также благородным арабам, всем великим (и) малым кедхуда и раййатам (принадлежащим к категориям) ходжа и шарик» [17; 124]. Упоминание в более позднем ярлыке представителей мусульманского духовенства (кадии, шейхи, муфтии) отражало принятие ислама и включение мусульманских институтов в систему ордынского права.

Помимо духовенства, представители военно-феодалной знати, а также гражданской администрации были важным компонентом социальной структуры средневекового общества. Таковыми являлись упоминающиеся в жалованных грамотах и ярлыках юзбеги и минбеги. В числе представителей центральной и местной администрации и чиновников названы различные должностные лица, правители районов и отдельных областей, чиновники по сбору налогов. В ярлыке Абу-л-гази Абдаллах-хан-бахадур-султана (1597–1598 гг.) это звучит следующим образом: «...почтенным эмирам, великим арабам, мингбегиям, юзбегиям, мирхазарам, раййатам и (всему) обществу (местных) жителей и всем проживающим (в этой местности)...» [17; 128]. Все они имели значительные земельные участки на правах условного пожалования или получали содержание за счет собранных с населения налогов. В Грамоте 1598 года ряд питьевых источников и несколько оросительных каналов названы «мульком жителей Сыгнака» [17; 129].

Специфические типы текстов определяют границы дискурса. В письменной речи дискурс развивался в важнейших для государства и общества сферах. Это помогает выявить как менялись общественные представления о формах собственности в средневековых обществах и структурная стабильность социальных институтов. Подобные пересечения позволяют использовать социологический инструментарий в исторических исследованиях, во-первых, как средство для переосмысления исторических событий в концепциях социологии, во-вторых, как инструмент для интерпретации исторических источников.

Результаты и обсуждение

Основные методы дискурсивного анализа были применены к комплексу автохтонных и аутентичных источников, называемых ярлыками. Как и любой дискурс, они имеют свою устойчивую внутреннюю структуру, можно назвать его абстрактным формуляром. В отношении дискурсивной таксономии они являются письменным дискурсом. Если бы они излагались устно как «повеление» или «указ», то, возможно, речевые обороты имели другую структуру и расположение составных частей формуляра. По жанровой классификации это актовъый правовой источник. Это означает, что большая часть источников относится дескриптивному типу изложения.

Методика анализа конкретного дискурса включает в себя сбор или формирование репрезентивного корпуса текстов и разработку критериев его анализа. Как сбор, так и анализ зависят, с одной стороны, от специфики анализируемого дискурса, и от научного интереса, от конкретных нерешенных вопросов — с другой.

Для полноценного дискурсивного анализа необходимо иметь ввиду, что данные источники возникают на фоне определенных социальных и когнитивных феноменов кочевого социума. Изучение текстов ярлыков дает нам основание полагать, что в них отражались реальные потребности общественной жизни. Форму и содержание ярлыков следует квалифицировать не только как результат развития делопроизводства или канцелярской культуры (такой подход в настоящее время преобладает при изучении ярлыков), но и как следствие социальных сдвигов в области аграрно-правовых и других отношений. Происхождение письменных источников связано с целевым характером деятельности людей в различных сферах.

Как свидетельствует из ярлыков, у кочевых племен в XIV в. было распространено право наследования как тарханства, так и сойюргала. По ярлыкам можно судить о том, что пределы феодальных земельных владений, уделов, особенно зимних пастбищ, определялись уже границами, не говоря о том, что эти земли строго охранялись их собственниками. Об этом ярко свидетельствует следующее указание Абу-л-гази: «Зимовье Шах-Бехт-хана (внука Абулхайр-хана) было выше по реке от Берке-султана (сын Ядигер-хана) на один оазис» [17]. Этот пример свидетельствует, во-первых, о том, что пастбища Шах-Бехт-хана граничили с пастбищами султана Берке, во-вторых, что они представляли собой самостоятельные владения. Таким образом, одним из доказательств существования феодальной собственности на землю является передача земельных владений по наследству. Неоспоримое доказательство этому мы находим в сойюргальных ярлыках.

До сих пор о сойюргальной системе землевладения ученые судили в основном по данным тарханных ярлыков или же нарративных источников внешнего происхождения. Хотя сойюргальные ярлыки давно известны по переводам, на их природу и своеобразие не обращено должного внимания. Необходимо изучение и осмысление одной из самых значительных и ценных групп золотоордынских актов — сойюргальных ярлыков, выданных на земельные владения.

Источниковедческая практика показывает, что дополнительная информация содержится в стилистических нюансах и терминологических особенностях текстов актовых источников. Например, использование таких речевых оборотов в адресанте «Сөзүм» — «Слово мое». Ярлыки, как правило, начинались с адресанта, основную смысловую нагрузку которого нес компонент «Сөзүм». Все дошедшие до нас ярлыки, без исключения, содержали этот компонент, который в контексте всегда означал высочайшее повеление, указ, приказ. Всем ярлыкам, содержащим в интитуляциях термин «сөзүм», в корроборации соответствовала формула типа «дан ярлык с такой-то тамгой». До середины XVI в. жалованные ярлыки иначе не именовались. Со второй половины XVI в. все жалования в корроборациях величались «ярлыками», хотя, наряду с этим, в основной части текста употреблялись термины «мульк-наме», «берат», «мааф», как уточняющие названия.

Ярлыки составлялись в полном соответствии с нормами того языка, на основе которого эти штампы создавались. В золотоордынских тарханных ярлыках каждая часть документа имеет принципиальное значение. Наличие или отсутствие того или иного структурного элемента характеризует цельность и подлинность документа. Комплексно рассмотрев уровни дискурса, в целом, и тематическую иерархию, в частности, мы можем использовать метод дискурс-анализа для классификации ярлыков. Второй немаловажный аспект, позволяющий с помощью данного метода выявить глубинные процессы, эволюцию и закономерности феодальных и специфических институтов кочевого общества, значительно расширяет научный инструментарий изучения.

В пределах данного исследования использование дискурс-анализа к ярлыкам позволяет сделать следующие выводы и заключения:

1. Для ярлыков присуща определенная лексика, или так называемый «дискурсивный репертуар», отражающий его содержание. Это помогает определить актуальное значение слов и терминов. Использование в диспозиции ярлыка уточняющих названий «мааф-наме», «мульк-наме», «берат», «битик» и т.д. позволяет произвести классификацию внутри самого комплекса аутентичных источников.

2. Особого внимания заслуживают термины или «ключевые слова», повторяющиеся из ярлыка в ярлык. Они маркируют актуальные проблемы и в них раскрываются как характерные для времени представления и стереотипы, так и основные экономико-социальные приоритеты. По ярлыкам можно проследить эволюцию степени восприимчивости номадного образа жизни к традиционному для земледельческих районов способу производства, проблему экзогенных и эндогенных факторов развития общества в период становления ее государственности, приходящегося на период XIV–XVI вв. Таким образом, взаимовлияние оседлого и кочевого компонентов нашло отражение в официальных актовых источниках (ярлыках), так как «у всех восточных народов можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» [15].

Существующие традиции в кочевой культуре вносили в тексты ярлыков свои специфические особенности. В них закреплялись многие институты кочевой цивилизации, такие как свобода передвижения, закрепление земель за определенными родами и племенами и др. В тарханных ярлыках одной из важнейших привилегий было предоставление права беспрепятственного передвижения. Другой привилегией, скорее всего порожденной кочевым образом жизни, было встречающееся во владенных ярлыках освобождение кочующих племен от различных налогов. В целом, освобождение целых районов от налогов и податей, по словам В.В. Бартольда, было одним из проявлений «норм кочевого права» [17]. Следовательно, закрепленные в ярлыках права и обязанности вытекали из самой сути кочевой формы жизнеобеспечения. Правители и ханы заботились не только о заселении безлюдных и пустынных районов, но и о поддержании традиционной системы жизнеобеспечения, — ее кочевой формы. Таким образом, гармоничное взаимовлияние оседлого и кочевого компонента нашло отражение в официальных актовых источниках (ярлыках).

3. Формы аргументации, которые закреплены в определенных речевых оборотах, важны для реконструкции абстрактного формуляра. А.П. Григорьев реконструировал тексты шести ярлыков, которые были достаточно хорошо изучены в источниковедческом плане. Но проведенная автором «постановка оборотов и формул из основного текста, дошедших до нас в форме оригинала, на место соответствующих им фрагментов текстов русских переводов выявила интерполяции, перестановки и другие искажения» [16]. Таким образом, новая исследовательская процедура позволит установить подлинность ряда документов, именуемых «ярлыками».

Ханские ярлыки объективно и оперативно отражали те изменения в статусе Золотой орды и последующих ханств, которые были вызваны социально-экономическим развитием общества

в течение всей истории существования этих государств. Отдельные факты и события можно установить только на основании данных, полученных из ярлыков, так как в других аутентичных источниках не содержится сведений о многих социально-экономических явлениях, имевших место в данное время. И в таких условиях ярлыки становятся поистине бесценным источником по средневековой истории XIII–XVI вв.

Выводы

Полученные данные по результатам применения дискурс-анализа к текстам ярлыков не противоречат выводам М. Фуко о дискурсивных закономерностях: «Возьмём, например, случай естественной истории: в классическую эпоху она характеризовалась концептами, отличными от тех, что использовались в XVI в.; некоторые из прежних концептов (род, вид, знак) уже изменили порядок применения, другие (например, структура) только зарождаются, третьи же (например, организм и т.д.) ещё только появятся впоследствии. Но что действительно изменилось в течение VIII в. и предопределило тем самым появление и взаимодействие концептов естественной истории в целом, так это общее расположение высказываний и последовательности их рядов, в свою очередь, выстраивающихся в те или иные совокупности; это самый способ описывать наблюдаемое и восстанавливаемое в цепочке высказываний перцептивное пространство; это связи и взаимодействия между артикуляцией, характеристикой и классификацией; это взаимообусловленность позиций обычного наблюдения и общих принципов, система зависимости между исследуемым и наблюдаемым, между постулатом, выводом и допущением» [11]. Соответственно, исследуемый дискурс не только фиксирует историческое явление, но и позволяет проследить его в эволюции и развитии. Сравнивая аналогичные тексты в эволюции временного пространства, можно осветить многие явления, характерные для средневекового общества, исследовать эволюцию различных феодальных институтов, начиная с момента их возникновения вплоть до исчезновения. Постепенно, по мере накопления материала, вопрос о выявлении специфики развития кочевых обществ, определении общего и особенного в оседлой и кочевой культуре станет более дискуссионным. Будут выявлены уникальные концепты номадной цивилизации.

Высказывание М. Фуко о том, что «живая речь» и созданный на основе ее функционирования письменный или устный дискурс, есть «способ, который и сам связан с приближением и развитием высказываний, различных видов критики, комментирования, интерпретации уже встроенных высказываний и т.д. Этот пучок связей и конституирует систему концептуальной формации» позволяет рассматривать созданные тексты не только как объекты письменной культуры, но и как концепты «застывшей» и сохраненной в них исторической памяти» [11]. Такой методологический подход значительно расширяет пути извлечения информации из устных и письменных источников кочевой цивилизации.

Применив методику дискурс-анализа С. Лархера, мы рассмотрели ярлыки не через призму регионального подхода, а как единый комплекс документов. Были проанализированы основные концепты дискурса: тема (*thema*), территориальное расположение (*geografischer Raum*), временные границы (*zeitranne*), носители текстов (*medium*), участники (*akteure*) и типы текстов (*textsorte*) [17]. Отмечается, что со временем утрачивается не только внешняя форма, но и искажается внутреннее содержание источника. Что связано не только с существенными изменениями развития самой внутренней логики исторической науки и концептуальных подходов в плане методологии, но и с изменением текстов как официальных документов на протяжении их многовекового функционирования.

Дискурс-анализ рассматривается как совокупность аналитических методов интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемая в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Одним из перспективных направлений современной исторической науки является проблема сущности функционирования кочевого сообщества как основы жизнедеятельности средневековых государств. В этом плане ярлыки интересны содержащимися в них сведениями об особенностях организации производственной деятельности кочевников. Источники дают значительные сведения об этнополитической истории, хозяйстве и духовной культуре кочевого общества. Специфика ярлыков, прежде всего, заключается в том, что они являются основным источником при разработке социально-экономических вопросов в плане земельных отношений и соотношения кочевничества и оседлости народов, населявших Золотую орду в XIV–XVI вв.

Вместе с тем появилась возможность осветить и историко-культурную значимость ярлыков как одного из важнейших компонентов культурной жизни тюркоязычных народов. Появление ярлыков

происходило на местном этническом пласте, предшественниками автохтонных источников (ярлыков) являются древнетюркские рунические памятники, древнетюркские письменные источники, генеалогические предания — шежиры. Причем анализ письменности, языка, внешней формы, отдельных статей формуляра доказывает, что в истоках появления ярлыков лежали традиции тюркоязычных народов Евразии. Выражаем полное согласие с М.А. Усмановым в части того, что «духовно-письменная культура, породившая появление актовых источников, являлась первоначально следствием своеобразного симбиоза нескольких культур, из которых роль ассимилирующих компонентов сыграли родственные тюркские культуры — уйгуров Центральной Азии и кыпчаков Восточной Европы, а также оседлого тюркоязычного населения Булгара и Хорезма» [5]. Актовые источники, возникшие на местной этнической основе и кипчакских письменных и культурных традициях, в дальнейшем претерпели ряд изменений и были доведены до завершенной по форме и структуре разновидности документации.

Статья публикуется в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Выявление (эвристика) и классификация ханских ярлыков и жалованных грамот золотоордынских и послезолотоордынских государств». (ИРН гранта АРО8956286.

Список литературы

- 1 Mazhitova Z. Polemic in Russian Pro-Revolution Historiography about the Future of the Kazakh Court of BIYS (The Latter Half of the 19th Century) ISSN (Print): 0974–6846 ISSN (Online): 0974–5645 / Z. Mazhitova, A. Ibrayeva, Z. Kartova and etc. // Indian Journal of Science and Technology, Vol 9(44), DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i44/97055, November 2016
- 2 Ибатов А. Хан жарлықтары / А. Ибатов // Замана және заң. № 2. — Алматы, 2001. — С. 33–38.
- 3 Kurat N. Akdes. Topkapı Sarayı Müzesi arşivindeki Altın Orda, Kırım ve Turkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. /N. Kurat — İstanbul, 2001.
- 4 Melek Özyetgin A. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp incelemesi. / A. Melek Özyetgin — Ankara, 2016.
- 5 Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. / М.А. Усманов. — Казань, 1979. — 318 с.
- 6 Григорьев А.П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация / А.П. Григорьев // Тюрколог. сб. — СПб., 2006. — С. 74–145.
- 7 Pochekaev R. Pretended Suzerainty: Moscow Tsars and Kazakh Khans (According to Russian-Language Diplomatic Documents of the End of 16th — Beginning of 18th Centuries) / R. Pochekaev — СПб, 2019.
- 8 Муминов А.К. Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави / А.К. Муминов, Б.Е. Кумек, У.А. Султонов и др. — Астана, 2017. — 216 с.
- 9 Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 527 с.
- 10 Трубина Е.Г. Междисциплинарный подход в историографическом исследовании: современный российский опыт. / Е.Г. Трубина // Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. — М., 2012. — С. 251–258.
- 11 Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. С. Митина и Д. Стасова; под общ. ред. Бр. Левченко // [Электронный ресурс] / М. Фуко // Центр гуманитарных исследований. — 2015. — Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6850/6852>.
- 12 Gerard Dessons. Emile Benveniste : L'invention du discours / Gerard Dessons — French, 2006.
- 13 Marianne Iorqenson, Luise I. Phillips. Discourse Analysis Theory and Method / Marianne Iorqenson, Luise I. Phillips — London, 2016.
- 14 Larcher S.B. Linguistische Diskursanalyse Ein Lehr- und Arbeitsbuch Tübingen: Narrfranke Attempto Verlag. / S.B. Larcher — Mannheim, 2015.
- 15 Vasary I. Golden Horde Khanate / Vasary I. // The Encyclopedia of Empire, 3–10. — Hungary, 2016.
- 16 Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам / А.П. Григорьев. — СПб., 2004. — 270 с.
- 17 Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / под ред. В.П. Юдина. — Алма-Ата, 1969. — 560 с.

З.К. Картова, Н.А. Абуов

Алтын Орда және одан кейінгі XIV-XVI ғасырлардағы ортағасырлық мемлекеттердің дереккөздеріне дискурстық талдауды қолдану

Мақалада көшпелілер өркениетінің жазбаша дереккөздерін зерттеуде пәнаралық зерттеу әдістерін қолдану туралы баяндалды. Автохтонды және түпнұсқалық жазбаша дереккөздердің орасан зор кешенінің ғылыми айналымға енгізілуіне байланысты лингвистикалық талдаудың зерттеу әдістерін қолдану жаңартылуда. Жаңа зерттеу әдістерін қолданбай жарлықтардан қажетті тарихи ақпаратты алу мүмкін емес. Атап айтқанда, дискурстық талдау қазіргі заманғы тарихнамада «жарлықтар» деп аталатын ортағасырлық жазба дереккөздер кешеніне қолданылады. Бұл тәсіл мәтінде қолданылатын сөз тіркестері мен терминдердің құрамдас бөліктерін егжей-тегжейлі зерттеуге мүмкіндік береді. Хан жарлықтарындағы сөйлем айналымдары мен сөз тіркестіктерін салыстыру нәтижесінде мәтіндердің жалпы және арнайы бөлшектері анықталады. Талданған дискурс көшпелі қоғамның әлеуметтік-мәдени, материалдық, коммуникативтік сипаттамаларын анықтау үшін қажет. Палеография, дипломатика, сфрагистика, археография әдістерінің тарих ғылымына енгізілуі пәнаралық тұрақты байланысты дәлелдейді. Пәнаралық ынтымақтастық қоғамдық-гуманитарлық ғылымдардың өзара байланыс тәжірибесі ретінде бұрынғыдан да сұранысқа ие болып келеді. Бұл тек ғылыми-зерттеу саласының интегративті әлеуетімен ғана емес, сонымен қатар тарихи дереккөздермен жұмыс әдістерінің сандық және сапалық зерттеулердің дамуымен түсіндіріледі. Мақалада лингвистикалық зерттеулерде кеңінен қолданылатын дискурстық талдауы акт дереккөздерін зерттеуге және олардың абстракты формулярын қайта құруға қолданылған. Сонымен қатар, егжей-тегжейлі деректік талдау ортағасырлық дереккөздерден Алтын Орда мен Алтын Ордан кейінгі мемлекеттердің әлеуметтік құрылымы мен жер қатынастары туралы бірқатар құнды мәліметтерді алуға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: жарлық, абстракты формуляр, дискурстық талдау, ауызша тарихнама, автохтонды дереккөздер, дипломатика, Алтын Орданың дереккөздері, формулярды қалпына келтіру, тархандық, сойургал, вакуфтық жарлық.

Z.K. Kartova, N.A. Abuov

Application of discursive analysis to the act sources of the Golden Horde and subsequent medieval States of the XIV-XVI centuries

The use of research procedures for linguistic analysis is being updated in connection with the introduction of a huge complex of autochthonous and authentic written sources into scientific circulation. It is impossible to extract the necessary historical information from them without using new research methods. The article considers the application of interdisciplinary research methods in the study of written sources of nomadic civilization. In particular, the discourse analysis is applied to a complex of medieval written sources called «labels» in modern historiography. This approach will allow to study in detail the components of abstract forms, speech phrases and terms used in the text. As a result of comparing the text of labels and speech concepts, General and specific text fragments will be highlighted. The analyzed discourse is necessary to identify the socio-cultural, material, and communicative features of nomadic society. The interpenetration of methods of such related sciences as paleography, diplomacy, sphragistics, and archeography into historical science reflects stable interdisciplinary connections. Interdisciplinary cooperation as a practice of interaction between related social sciences and humanities is becoming more popular than ever. This is explained not only by the integrative potential of the research field, but also by the quantitative and qualitative increase in methods of working with historical sources. In this article, the discursive analysis, which is widely used in linguistic research, is applied to the study of act sources and the sequential reconstruction of their abstract form. At the same time, a thorough source analysis will allow us to extract a number of valuable information about the social structure and land relations of the studied period from medieval sources belonging to the Golden Horde and post-Golden Horde States.

Keywords: labels, abstract form, discourse analysis, oral historiography, autochthonous sources, diplomacy, sources of the Golden Horde, reconstruction of the form, tarkhanism, soyurgical, Waqf label.

References

- 1 Mazhitova, Z., Ibrayeva, A., & Kartova, Z., and et. al. (2016). Polemic in Russian Pro-Revolution Historiography about the Future of the Kazakh Court of BIYS (The Latter Half of the 19th Century) ISSN (Print): 0974–6846 ISSN (Online): 0974–5645 *Indian Journal of Science and Technology*, Vol 9(44), DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i44/97055.
- 2 Ibatov, A. (2001). Khan zharlyktary [Khan's decrees]. *Zamana zhane zan — Time and law*, Vol. 2, 20, 33–38 [in Kazakh].

- 3 Kurat, N. Akdes. (2001). Topkapı Sarayı Müzesi arşivindeki Altın Orda, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler [Yarlık and bitiks belonging to the Golden Horde, Crimea and Turkistan Khans in the archive of the Topkapı Palace Museum]. Istanbul.
- 4 Melek, Özyetgin A. (2016). Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait Yarlık ve Bitiklerin Dil ve Üslûp incelemesi. [Golden Army, Crimea and Kazan field of Yarlık and Bitiks language and style analysis]. Ankara.
- 5 Usmanov, M.A. (1979). Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XV vv. [Chartered acts of the Juchi ulus of the XIV-XV centuries]. Kazan, 318 [in Russian].
- 6 Grigoryev, A.P. (2006). Zolotoordynskie yarlyki: poisk i interpretatsiia [Zolotoordynsky labels: search and interpretation]. TS. Saint-Petersburg, 74–145 [in Russian].
- 7 Pochekaev, R. (2019). Pretended Suzerainty: Moscow Tsars and Kazakh Khans (According to Russian-Language Diplomatic Documents of the End of 16th — Beginning of 18th Centuries).
- 8 Muminov, A.K., Kumekov, B.Ye., & Sul'tonov, U.A., et. al. (2017). Istoricheskie dokumenty mavzoleia Khodzha Akhmada Yasavi [Historical documents of the mausoleum of Khoja Ahmad Yasawi]. Astana, 216 [in Russian].
- 9 White, H. (2002). Metaistoriia: Istoricheskoe vobrazhenie v Yevrope XIX veka [Metahistory: historical representation in nineteenth-century Europe]. Yekaterinburg, 527 [in Russian].
- 10 Trubina, E.G. (2012). Mezhdistsiplinarnyi podkhod v istoriograficheskom issledovanii: sovremennyi rossiiskii opyt [International approach in historiographical research: modern Russian experience]. Moscow, 251–258 [in Russian].
- 11 Fuko, M. (2015). Arkheolohiia znaniia [Archaeology of knowledge] Translated by S. Mitina and D. Stasova. Br.Levchenko (Ed.). Tsentr humanitarnykh tekhnolohii. Retrieved from <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6850/6852> [in Russian].
- 12 Dessons, G. (2006). Emile Benveniste: L'invention du discours, In Press. [in French].
- 13 Marianne Iorqenson, Luise I. Pillips (2016). Discourse Analysis as Theory and Method. London.
- 14 Larcher, S.B. (2015). Linguistische Diskurs analyse Ein Lehr-und Arbeitsbuch Tubingen: Narrfranke AttemptoVerlag.
- 15 Vasary, I. (2016). Golden Horde Khanate /The Encyclopedia of Empire P. 3–10. Hungary.
- 16 Grigoryev, A.P. (2004). Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam [Collection of Khan's labels to Russian metropolitans]. Saint-Petersburg, 270 [in Russian].
- 17 Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniia iz persidskikh i tiurkskikh sochinenii) (1969). [Material on the history of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries (sayings from Persian and Turkic works)]. Alma-Ata, 560 [in Russian].

Ф.Т. Кукеева*, Д.К. Жекенов, А.К. Ордабаев, А.М. Әбдікамал

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан
(E-mail: fturar@mail.ru; duman.zhekenov@kaznu.kz; aorda@mail.ru; abdikamal.azat@gmail.com)*

Проблемы реализации инициативы «Пояс и путь» в странах Центральной Азии

Статья посвящена изучению проблем сотрудничества в сфере транспортной инфраструктуры между КНР и странами Центральной Азии. Реализация китайской инициативы «Пояс и путь» может укрепить роль Центральной Азии как основного транспортного узла Евразии и привести к формированию новой архитектуры мировой экономики на этом пространстве. Авторы статьи ставят своей целью выявить риски и проанализировать текущие проблемы, решение которых необходимо для эффективной реализации задач Инициативы. Важность комплексного изучения развития транспортных коридоров в Центральной Азии, а также интересов региональных и внерегиональных держав в их развитии обуславливается возможностью влияния этих процессов на баланс международных отношений в будущем. Проблематика статьи рассмотрена через призму теории устойчивого развития и «нового регионализма». Эти теории позволяют объяснить традиционные формы эффективного сотрудничества как между странами Центрально-Азиатского региона, так и с их соседями (географическое положение, общие интересы, формирование механизмов взаимодействия и др.). Кроме того, авторами изложены собственные выводы об анализируемой проблематике и возможных путях ее решения.

Ключевые слова: Центральная Азия, инициатива «Пояс и путь», транспорт, инфраструктура, транзит, коридор, перевозки, проблемы, КНР.

Введение

Шестнадцатого сентября 2013 г., выступая в Назарбаев Университете в Астане (Нур-Султан), Председатель КНР Си Цзиньпин представил всеобъемлющую и амбициозную инициативу создания «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) на пространстве всего Евразийского континента. Выдвинутая инициатива за весьма короткий отрезок времени превратилась не просто в концепцию, а в международный мегапроект, представляющий огромный экономический интерес для всех стран, расположенных вдоль Великого Шелкового пути.

Практическая реализация китайской инициативы может привести к формированию новой архитектуры мировой экономики на пространстве Евразии, где главным связующим звеном становится Центральная Азия. Поэтому ЭПШП получил безоговорочную поддержку в странах Центральной Азии, в особенности в Казахстане, для которого жизненно важным является поиск эффективных экономических коридоров, расширение рынков сбыта продукции, установление равного доступа к общей инфраструктуре и привлечение инвестиций для своей экономики.

Однако существуют и риски в процессе реализации инициативы. «Один пояс, один путь» (ИПП). Они связаны со степенью включенности задач и целей инициативы «Пояс и путь» в конкретные стратегические потребности регионов. В связи с этим важным аспектом научно-исследовательской задачи является развитие теоретических и практических положений по оценке места и роли транспортной инфраструктуры в развитии региона — Центральная Азия.

Для определения эффективности процесса «Пояс и путь» необходимо выявить и проанализировать сложности и риски реализации транспортных коридоров в Центрально-Азиатском регионе.

Авторы статьи ставят своей целью выявить инфраструктурные проблемы для реализации инициативы «Пояс и путь», что позволит проанализировать текущие проблемы, решение которых необходимо для эффективной имплементации задач проекта.

Дискуссия. В экспертной среде анализируются различные аспекты инициативы «Пояс и путь». В рамках заданной в статье проблематики большой интерес представляют работы центрально-азиатских авторов. Так, киргизские [1, 2] и таджикские эксперты рассматривают возможности участия Кыргызстана и Таджикистана в проекте, которые «нуждаются в модернизации и развитии транспорт-

*Корреспондент автор. E-mail: fturar@mail.ru (Ф.Т. Кукеева)

ной системы, поскольку транспорт — это основа развития любой страны в современном мире», но и указывают на проблемы. В работах туркменских авторов показано перспективное использование транспортного коридора Север–Юг, который проходит по территории Туркменистана и Казахстана. Большое внимание уделяется преимуществам, которыми могут воспользоваться страны Центральной Азии при эксплуатации этого маршрута [3, 4]. Узбекские авторы рассматривают участие Ташкента в Инициативе через укрепление регионального аспекта внешней политики государства.

Аналитики также рассматривают риски для реализации задач Инициативы: проблемы географического характера (горы), которые являются сдерживающим фактором реализации Инициативы [5]. Анализируются и геополитические угрозы, и внутренние проблемы региона [6]. Кроме того, возникают вопросы о преимуществах эксплуатации международных маршрутов. Это также ограничивающий фактор в развитии автомобильных дорог.

При написании исследования авторы статьи также использовали работы казахстанских политиков, политологов, историков и аналитиков. Казахстанская историография имеет большое значение при изучении вопросов развития транспортных коридоров и региональной транспортной инфраструктуры, так как концептуализация проблемы впервые произошла в Государственной программе развития инфраструктуры «Нұрлы жол» на 2015–2019 годы, о которой объявил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в Послании народу Казахстана в ноябре 2014 года [7]. Первым пунктом Программы являлось развитие транспортно-логистического комплекса в стране, поскольку, по условиям стратегии, на основе транспортного комплекса будет базироваться экономическое развитие Казахстана. Таким образом, проблема транспорта была обозначена как актуальная и требующая особого внимания.

Концептуализация вопроса развития транспорта и транспортной инфраструктуры также внесена в Программу Президента Республики Казахстан «План нации: 100 конкретных шагов, 5 институциональных реформ» [8]. Данная программа является результатом аналитической работы, направленной на изучение основных перспективных направлений развития государства, и представляет собой комплекс конкретных преобразований различных сфер деятельности. Развитие транспорта и коммуникаций — один из наиболее перспективных и необходимых шагов для индустриализации и экономического роста всей страны.

Казахстанские политологи и аналитики также часто обращаются к проблеме развития транспортной сети региона и Казахстана, в частности, как к важнейшим вопросам внешней политики, требующим внимательного рассмотрения. Например, интересны работы известного эксперта С. Акимбекова, в работах которого определяется необходимость развития транспорта и коммуникаций Республики Казахстан. Особого внимания заслуживают работы А. Ордабаева, где представлен тщательный и подробный анализ текущего состояния транспортной инфраструктуры Центральной Азии.

Работы казахстанских аналитиков позволяют выявить возможности и проблемы реализации китайской инициативы «Пояс и путь» в Центральной Азии. Однако Инициатива находится в процессе становления, как и аналитическая среда вокруг его изучения. Это объясняет необходимость дальнейшего изучения различных аспектов ИПП.

Теоретико-методологическая база исследования

Заявленная в статье проблематика анализировалась через призму теории устойчивого развития. Участие стран Центральной Азии в китайской инициативе следует рассматривать как часть программы устойчивого развития региона. Теория регионализма / нового регионализма объясняют традиционные формы эффективного сотрудничества стран региона, как между собой, так и с соседями (географическое положение, общие интересы, формирование механизмов взаимодействия и др.).

Однако реалии современного мира породили новые возможности и новые формы интеграции, как-то: «новый регионализм», который объясняет политику участников интеграционных процессов. Суть китайского «нового регионализма» заключается в формировании новых точек экономического роста путем активного участия в наднациональных и транснациональных интеграционных объединениях, следуя принципам многополярности, мирного развития, координации и политического диалога. «Новый регионализм» центрально-азиатских государств предполагает реализацию идеи «открытого регионализма», совместимого с экономической взаимозависимостью; формируется «снизу» в том смысле, что процесс современной регионализации содержит элементы спонтанности и автономии его

акторов; более многомерен, так как параллельно включает в себя торгово-финансовое, экологическое, политическое и иные измерения.

Данный подход позволит выявить не только возможности, но и риски участия стран Центральной Азии в китайской инициативе, которые связаны с целым рядом социально-экономических и политических факторов. Для их решения правительственным структурам необходимо коррелировать свое участие в Инициативе в соответствии с экономическими и природными закономерностями на длительном временном интервале. Для получения эффективного результата проекты должны оцениваться государством не столько по их прибыльности, сколько соответственно стандартам устойчивого развития. Экономические проекты, приносящие быстрые и значительные выгоды, но осуществляемые без учета долгосрочных экономических, социальных и экологических последствий, в перспективе могут оказаться убыточными.

Результаты и дискуссия

В настоящее время, в условиях глобализации, Центральная Азия стоит перед необходимостью открыться мировому сообществу. Несмотря на то, что количество участников в регионе растет, главным катализатором процесса реинтеграции в Центральной Азии стало возрождение «Великого Шелкового пути». Процесс открытия региона значительно активизировался в 2013 г. после того, как президент Китая Си Цзиньпин представил Экономический пояс Шелкового пути [9], который является частью инициативы «Один пояс, один путь» (ИПП). Эта масштабная инвестиционная программа поможет странам, участвующим в ней, получить инвестиции для развития своей инфраструктуры, особенно в транспортном секторе. Сегодня, спустя почти семь лет после первоначальной декларации, вопрос о превращении Центральной Азии в транспортный узел все еще остается открытым.

На первый взгляд кажется, что Центральная Азия — идеальный континентальный транспортный узел в Евразии. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, это география: регион расположен в самом сердце Евразийского континента, на полпути между Европой и развивающимися странами Азии. Во-вторых, это экономика: движимая готовностью Китайской Народной Республики инвестировать и кредитовать инфраструктурные проекты в сочетании с желанием стран Центральной Азии интегрироваться в существующие международные геоэкономические структуры, устраняя внутрорегиональные барьеры для сотрудничества и поддерживая стабильность. Несмотря на политическую волю к созданию совместной региональной инфраструктуры, помимо железной дороги Казахстан — Туркменистан — Иран, другие проекты остаются только на бумаге. Однако в нефтегазовом секторе газопровод Центральная Азия — Китай свел вместе Туркменистан, Узбекистан и Казахстан [10].

В ответ на ИПП Китая Индия, Иран, Япония, Европейский союз (ЕС) и Соединенные Штаты Америки (США), среди прочих, также заинтересованы в развитии транспортных коридоров через Центральную Азию. Противостояния между этими державами в регионе параллельны существующему геополитическому соперничеству и его проявлению на глобальном и региональном уровнях. В глобальном масштабе это включает в себя столкновение между Западом и Россией, а также соперничество между США и Китаем. На региональном уровне сюда можно отнести разногласия между Индией и Пакистаном, амбиции Ирана в Центральной Азии, нестабильность в Афганистане, а также степень успеха политики России поворота на Восток. Какие риски связаны с открытием Центральной Азии в этих условиях? Насколько осуществима реализация заявленных проектов? Могут ли эти проекты способствовать экономическому развитию региона?

Чтобы реализовать потенциал Центральной Азии как континентального узла, необходимо модернизировать системы транспортной инфраструктуры и создать логистические услуги для снижения скорости наземных перевозок грузов. Это позволит ей конкурировать с морским транспортом. На море высокий уровень конкуренции между портами постоянно увеличивает скорость обслуживания, а развитие крупнотоннажных судов снижает стоимость перевозки грузов. Хотя наземный транспорт не может сравниться с морским по стоимости или объемам перевозок, его конкурентным преимуществом остается скорость доставки.

В настоящее время автомобильные и железнодорожные перевозки сталкиваются с рядом общих проблем в странах Центральной Азии, независимо от их географического положения, социально-политического или экономического развития. Первое — это низкое качество проезжей части и мостов. Почти половина дорог международных коридоров покрыта гравийно-битумным слоем и только 30 % вымощены асфальтом [11]. В Таджикистане нет дорог первой категории, которые являются всепогодными [12]. В других странах ситуация немного лучше. Во-вторых, это статус стран региона как

чистых импортеров автотранспортных услуг. Их внутренний парк не может удовлетворить растущий спрос на транспортные услуги. В-третьих, дальнейшее ухудшение состояния дорог и оборудования, что приводит к авариям и нехватке транспортных средств [13]. Эти факторы способствуют низкой скорости движения автомобильного транспорта и сокращают срок службы транспортных средств.

Последнее, необходимое для больших расстояний и имеющее стратегическое значение, также сталкивается с рядом серьезных проблем. Во-первых, разница в ширине шкалы по регионам. В то время как страны Центральной Азии используют колею 1520 мм, другие страны Азии и Европы — 1435 мм. Следовательно, необходимо построить дополнительную инфраструктуру в виде перегрузочных центров, где контейнеры переносятся на разные поезда [14]. В Казахстане сухой порт Хоргос имеет более чем достаточную пропускную способность для удовлетворения текущих требований [15]. Однако большинство других стран Центральной Азии испытывают простои и потери груза, поскольку у них недостаточно возможностей для обработки, отправки, загрузки и перераспределения груза [16].

Различия в размерах также усложняют многосторонние проекты со странами региона. Так, по проекту строительства железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан три страны расходятся во мнениях относительно ширины колеи. Кыргызстан выступает против колеи 1435 мм. Китай, который раньше был готов работать с колеей 1520 мм, теперь хочет убедить Ташкент и Бишкек принять колею 1435 мм. В то время как Бишкек до сих пор, в основном, подрывал этот процесс, Узбекистан стремился быть более гибким из-за возможности альтернативных проектов, исключая его [17]. Сюда входит железнодорожный коридор «Ляпис-лазурь» и железная дорога, соединяющая Китай с Ираном через Кыргызстан, Таджикистан и Афганистан [18].

Вторая проблема — это география. В Казахстане трудно содержать дороги на огромных расстояниях из-за сурового климата в этом районе. В Кыргызстане и Таджикистане гористая местность создает трудности для строительства, в результате чего железнодорожное сообщение практически отсутствует в большинстве регионов. В-третьих, дороговизна аренды вагона, так как в стоимость доставки товаров входят также расходы на обратный путь поезда, что, в свою очередь, влияет на конечную стоимость товара. В то время как товары доставляются по железной дороге из Китая в Европу, чему способствуют щедрые субсидии китайского правительства, европейский спрос на наземный транспорт в Китай практически отсутствует. В результате поезда возвращаются в Китай полупустыми [19].

В-четвертых, нехватка современных вагонов, локомотивов, инфраструктуры и технологий, соответствующих международным стандартам качества [20]. Это приводит к пятой проблеме — низкой скорости транспортировки. Необходимо увеличить среднюю скорость движения с сегодняшних 60–75 км / час примерно до 80–90 км / час. Это обеспечит стабильную доставку товаров в короткие сроки с учетом задержек на границе, если таковые имеются [21].

Помимо дефицита инфраструктуры, на скорость движения товаров также влияют институциональные и политические проблемы, которые региону необходимо преодолеть. Сюда входят различия в процедурах таможенного оформления товаров, перемещаемых через границу. В частности, время, необходимое для таможенных процедур и досмотра товаров, а также такие проблемы, как коррупция. На политическом уровне к вызовам относятся споры по трансграничным вопросам, а также сложные отношения между странами региона. Иногда это оказывает побочное влияние на транзит товаров на границах, когда государства применяют более сложные таможенные процедуры, что приводит к длительным задержкам. Например, ранее в этом году Кыргызстан обвинил Казахстан во введении скрытого таможенного контроля посредством обременительных процедур, которые нарушают правила Евразийского экономического союза, членами которого являются обе страны [22]. В то же время есть и положительные тренды, например, недавние действия Узбекистана, которые позволили улучшить отношения с соседями [23].

С 2015 г. контейнерные перевозки из Китая в Европу через Казахстан ежегодно удваиваются и организованы через два пограничных перехода в Хоргосе и Достыке соответственно. В 2017 г. этот показатель составлял примерно 201.000 TEU [24]. Данный показатель будет продолжать расти по мере роста внешнего интереса и инвестиций. Чтобы реализовать этот транзитный потенциал, странам Центральной Азии необходимо устранить барьеры, развить инфраструктуру и продолжить модернизацию транспортного сектора.

Помимо региональных проблем, геополитическая конкуренция может также создать новые возможности для региона или помешать достижению этой цели, оставив Центральную Азию «закрытой».

Евразийский континент включает в себя экономически развитые фланги — Западную Европу, Восточную и Юго-Восточную Азию — и провисающий центр — Центральную и Юго-Западную Азию. Хотя этот центр может напрямую соединить два фланга, он также является местом столкновения интересов крупных держав. Это соперничество имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, это открывает ряд возможностей для стран региона; с другой — создает риски для безопасности.

Китайско-российские отношения в Центральной Азии являются ключом к пониманию региональной динамики. Москва всегда стремится сохранить свою монополию на доступ в регион, чтобы обеспечить безопасность России и сохранить свой международный статус. Растущая экономическая зависимость Центральной Азии от Китая вызывает беспокойство. Таджикистан и Кыргызстан, например, подвергаются высокому риску долгового кризиса из-за высокой кредитной задолженности перед КНР [25]. В ответ Россия продвигает альтернативные китайским транспортные коридоры, в частности, Международному транспортному коридору Север–Юг (МТКСЮ). Одновременно с этим РФ улучшает свое конкурентное преимущество как транзитная страна, чтобы снизить экономическую привлекательность проектов через Центральную Азию. Это в перспективе соединит Ближний Восток, российский и европейский рынки через железную дорогу Иран–Туркменистан–Казахстан.

Однако Китай и Россия выработали понимание того, как работать вместе в регионе. Обе стороны имеют общие интересы в обеспечении региональной стабильности и безопасности. Кроме того, их потребность поддерживать дружеские отношения друг с другом и со странами региона также вызвана их конфронтацией с Западом. Стратегическая важность их связей друг с другом указывает на то, что обе стороны будут стремиться пока сохранить статус-кво в регионе. Это сулит хорошие перспективы для создания транспортной и транзитной инфраструктуры в регионе, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Южные соседи Центральной Азии, Афганистан и Иран также определяют открытие региона. Исторически сложилось так, что Афганистан связывал Центральную Азию с Южной Азией [26]. Однако проекты регионального сообщения через эту страну сталкиваются с угрозами безопасности и политической нестабильностью. Тем не менее, несколько проектов, которые соединяются с Афганистаном через Центральную Азию и Иран, находятся в разработке. Помимо поддерживаемого Китаем железнодорожного коридора Пяти наций, другие инициативы включают Лазуриновый коридор, который соединяет Афганистан с Турцией и Европой через Туркменистан, и поддерживаемое Индией шоссе Зарандж-Деларам, которое соединяет Афганистан с иранским портом Чабахар [27]. Оба сейчас работают [28]. Внутри региона Узбекистан построил железнодорожное сообщение между Хайратаном на узбекско-афганской границе и Мазари-Шарифом на севере Афганистана [29]. В декабре 2017 г. Узбекистан и Афганистан подписали соглашение о расширении этого коридора до Герата для запуска трансафганского коридора, который затем может соединиться с иранским Чабахаром, а также с Пакистаном [30].

С вводом в эксплуатацию порта Чабахар и продолжающимся развитием железнодорожной линии от Чабахара до Захедана, недалеко от ирано-афганской границы, Центральная Азия надеется на доступ на соединение с Ираном. В свою очередь, Индия, поддерживающая иранские проекты, надеется соединиться с Центральной Азией через Иран. Это не ограничивается маршрутами через Афганистан. Железнодорожное сообщение Казахстан–Туркменистан–Иран было введено в эксплуатацию в 2014 г. [31]. Кроме того, есть планы по развитию транзитного коридора, соединяющего Узбекистан, Туркменистан, Иран и Оман [32]. Оба проекта предоставляют возможность Центральной Азии получить доступ к Чабахару, а также к МТКСЮ, который проходит через иранский порт Бендер-Аббас. Кроме того, порт Чабахар также предоставляет государствам Центральной Азии альтернативный маршрут на азиатские рынки, которые сегодня доступны только через китайские порты.

Учитывая множество региональных инфраструктурных проектов и недавние попытки государств Центральной Азии улучшить свои связи друг с другом, есть осязаемые перспективы превращения Центральной Азии в динамичный центр, соединяющий разные части Евразийского континента. Катализатором этого процесса стал амбициозный проект Китая «Пояс и путь», который уделяет значительное внимание инфраструктурным проектам в регионе.

Выводы

Активное участие государств Центральной Азии в формировании международных транспортных коридоров обусловлено не только выгодным географическим положением региона, стремлением максимально использовать транзитный потенциал, но и диверсифицировать и укрепить экономику, стимулировать развитие транспортного сектора в странах, получить доступ к мировым рынкам и стать хабом для товаров, идущих из Китая в Европу.

Анализ заявленной в статье проблематики показал, что проблемы реализации задач Инициативы связаны как с техническими, так и с геополитическими вопросами.

Центрально-азиатские государства-участники ИПП должны выработать соглашения и разработать механизмы, которые позволят решить целый ряд вопросов. Так, унификация технических характеристик железнодорожных путей позволит решить вопрос с шириной колеи, о качестве дорог и модернизации оборудования. Модернизация транспортных путей решит проблему с запуском быстрых поездов. Работающий механизм по оформлению товаров на таможенных государствах-участниц позволит устранить различия в данной процедуре и ускорить транзит товара.

Следует отметить, что таможенные проблемы иногда связаны с коррупцией и возникающими политическими разногласиями между странами. При этом государствам Центральной Азии важно продолжить стратегию сохранения баланса, развитие альтернативных транспортных проектов. Потому что это предоставят дополнительные пути выхода на азиатские рынки, во-вторых, поможет избежать таких рисков, как экономическая зависимость от одной крупной державы.

Список литературы

- 1 Суюмбаев М. Геополитические особенности Кыргызстана: внутренний и внешний аспекты / М. Суюмбаев [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. — Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1088993280>.
- 2 Доломбаева А.К. Совершенствование логистики — пути для расширения сферы туризма Кыргызской Республики [Текст] / А.К. Доломбаева // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы III Междунар. науч. конф. (Москва, июнь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — С. 146.
- 3 Овезова Н. «Золотое звено» международного коридора Север–Юг // Институт стратегического планирования и экономического развития Туркменистана / Н.Овезова [Электронный ресурс] // Электронная газета «Туркменистан: золотой век». — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=7769>.
- 4 Овезова Н. Транспортная магистраль Север–Юг: экономический аспект транзитных перевозок // Институт стратегического планирования и экономического развития Туркменистана / Н. Овезова [Электронный ресурс] // Электронная газета «Туркменистан: золотой век». — Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=10381>.
- 5 Тохиров Т.И. Концепция транзитного потенциала автотранспортной системы региона // Научн. журн. НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экологический менеджмент». — 2014. — Вып. № 2 (17). — Режим доступа: http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/11122/konceptiya_tranzitnogo_potenciala_avtotransportnoy_sistemy_regiona.htm.
- 6 Сангинов Б. Ферганский фактор и безопасность Центральной Евразии / Б. Сангинов [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Геополитика». — Режим доступа: <http://www.geopolitica.ru/article/ferganskiy-faktor-i-bezopasnost-centralnoy-evrazii#.VyiN8MZk9Yw>.
- 7 Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015–2019 годы. Утв. Указом Президента Республики Казахстан от 6 апреля 2015 года № 1030. — Астана, 2015 г. [Электронный ресурс] // РГП на ПХВ Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001030>.
- 8 План нации — 100 конкретных шагов. Программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 г. [Электронный ресурс] // РГП на ПХВ Республиканский центр правовой информации Министерства юстиции Республики Казахстан. — Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100>.
- 9 Xi Jinping Speech at Nazarbayev University. — Astana, 2013. [Electronic resource]. — Access mode: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzzfh_665686/t1076334.shtml.
- 10 ‘Kazakhstan: Workers Complete Section of Turkmenistan-China Pipeline’, Eurasianet. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.woodmac.com/reports/upstream-oil-and-gas-turkmenistan-china-gas-pipeline-11165314>.
- 11 Государственная целевая программа развития транспортного комплекса Республики Таджикистан до 2025 года (State Target Program for the Development of the Transport Complex of the Republic of Tajikistan Until 2025) (2011). — С. 8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/gosudarstvennaya_celevaya_programma_razvitiya.pdf.
- 12 ‘On Endorsement of the National Earmarked Development Program for the Transportation Sector of the Republic of Tajikistan up to 2025’, Government of the Republic of Tajikistan, 1 April 2011. [Electronic resource]. — Access mode: https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/tjk_e/WTAC_STJK23A1_LEG_10.pdf.

- 13 Саид Парто. Афганистан и региональная торговля: больше или меньше импорта из Центральной Азии? / Саид Парто, Джос Винтерс, Эхсан Саадат, Мохсин Усян и Анастасия Хозяинова (Afghanistan and Regional Trade: More or Less Imports from Central Asia?) [Электронный ресурс] // Университет Центральной Азии, Бишкек (University of Central Asia, Bishkek), 2013. — Режим доступа: <https://www.ucentra-lasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP-3-Afghanistan%20and%20Regional%20Trade-Rus.pdf>.
- 14 1520–1435: Перспективы сотрудничества (1520–1435: Prospects for Cooperation) Техника железнодорожных дорог № 1 (2015) (Railway Engineering magazine).
- 15 Wade Shepard, 'Khorghos: The New Silk Road's Central Station Comes To Life'. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/02/20/khorgos-the-new-silk-roads-central-station-comes-to-life/#27fd0899c22e>.
- 16 Отраслевое исследование — Рынок локомотивов России и стран Пространства 1520 (Москва, INFOLine 2015) — 190 с. (Research paper, 'Locomotive Market of Russia and Countries Space 1520', Moscow, INFOLine 2015).
- 17 'Uzbekistan, China One Step Closer to Building Railway Corridor via Kyrgyzstan', Rail Freight, 8 October 2018. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.railfreight.com/beltandroad/2018/10/08/uzbekistan-china-one-step-closer-to-building-railway-corridor-via-kyrgyzstan/?gdp=accept>.
- 18 'Afghanistan-China-Kyrgyzstan-Tajikistan-Iran Rail Road Project (Five Nations Railway Corridor Project)', Centre for Strategic and International Studies. [Electronic resource]. — Access mode: <https://reconnectingasia.csis.org/database/projects/afghanistan-china-kyrgyzstan-tajikistan-iran-rail-road-project-five-nations-railway-corridor-project/27ac1f27-8f41-48cc-b6c7-db58f7763028/>.
- 19 Ivan Zuenko, 'Why China Subsidizes Loss-Making Rail Transport via Russia and Kazakhstan'. [Electronic resource]. — Access mode: <https://carnegie.ru/commentary/64555>.
- 20 Красильникова О.А. Проблемы, препятствующие реализации транзитного потенциала на территориях государств-членов Евразийского экономического союза / О.А. Красильникова, Д.В. Астахов. (Problems Impeding the Realization of the Transit Potential in the Territories of the Eurasian Economic Union Member States) // Современные наукоемкие технологии. — 2015. — № 5–1. — С. 142–143.
- 21 Винокуров Е.Ю. Отраслевой обзор «Международные транспортные коридоры ЕвразЭС: быстрее, дешевле, больше. (Отраслевой Обзор ЕАБР. Алматы: ЕАБР / Е.Ю. Винокуров, М.А. Джадралиев, Ю.А. Щербанин. 2015. № 5. — 60 с.). Sector review 'EEU International Transport Corridors: Faster, Cheaper, More'. — № 5. — Алматы: EDB, 2015. — 60 с.
- 22 'As Trucks Idle on Border, Kyrgyzstan Lashes Out At Kazakhstan Over Delays'. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.rferl.org/a/kyrgyzstan-trucks-border-kazakhstan-delays-ees/29858576.html>.
- 23 'Uzbekistan, Tajikistan Resume Bus Connection After 26-Year Break'. [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.azernews.az/region/131994.html>.
- 24 'Deputy Foreign Minister (RoK) Roman Vassilenko at the Roundtable at «Euractiv».' [Electronic resource]. — Access mode: <http://mfa.gov.kz/en/content-view/remarks-by-deputy-foreign-minister-roman-vassilenko-at-the-roundtable-at-euractiv-eu-kazakhstan-relations-from-security-issues-to-regional-cooperation>.
- 25 Dylan Gerstel, 'It's a (Debt) Trap! Managing China IMF Cooperation Across the Belt and Road'. [Electronic resource]. — Access mode: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/181017_DebtTrap.pdf?MKq76IYIBpiOgyPZ9EyK2VUD7on_2rIV.
- 26 S. Akimbekov, History of Afghanistan. The Institute of World Economy and Politics at the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan — the Leader of the Nation; Astana-Almaty, 2015. — P. 848.
- 27 'Afghanistan-Centered Regional Cooperation — From Planning to Implementation', Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Afghanistan, November 2018. [Electronic resource]. — Access mode: http://cdn.mfa.af/mfa_reports/RECCA-2018-Summary-SP.pdf.
- 28 Mariam Safi and Bismillah Alizada, 'Afghanistan: Prospects and Challenges to Regional Connectivity', The Diplomat, 19 April 2019. [Electronic resource]. — Access mode: <https://thediplomat.com/2019/04/afghanistan-prospects-and-challenges-to-regional-connectivity/>.
- 29 'Hairatan to Mazar-e-Sharif Railway Development Program', Central Asia Regional Economic Cooperation Program. [Electronic resource]. — Access mode: <https://test0302.carecprogram.org/?project=hairatan-to-mazar-e-sharif-railway-development-program>.
- 30 'Special Interview with Uzbekistan Ambassador Javlon Vakhobov', Caspian Policy Center, July 2019. [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/07/Special-Interview-with-Uzbekistan-Ambassador-Javlon-Vakhobov-by-CPC.pdf>.
- 31 'Kazakhstan-Turkmenistan-Iran Railway Opens', Economist Intelligence Unit, 5 December 2014. [Electronic resource]. — Access mode: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=912554875&Country=Turkmenistan&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations>.
- 32 Узбекистан, Туркменистан, Иран и Оман приступили к заключительному этапу проекта по созданию транспортного коридора (Uzbekistan, Turkmenistan, Iran and Oman Have Begun the Final Phase of the Project to Create a Transport Corridor) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://transport-journal.com/news/autotransport-i-dorogi/uzbekystan-turkmenystan-uran-y-oman-prystupyly-k-zaklyuchytelnomu-etapu-proekta-posozdanyyu-transportnoho-korydora/>.

Ф.Т. Кукеева, Д.К. Жекенов, А.К. Ордабаев, А.М. Әбдікамал

Орталық Азия мемлекеттерінде «Белдеу және Жол» бастамасын іске асыру мәселелері

Мақала ҚХР мен Орталық Азия елдері арасындағы көлік инфрақұрылымы саласындағы ынтымақтастық мәселелерін зерттеуге арналған. Қытайлық «Белдеу және Жол» бастамасын жүзеге асыру Орталық Азияның Еуразияның негізгі көлік торабы ретіндегі рөлін күшейте алады және осы кеңістікте әлемдік экономиканың жаңа архитектурасының қалыптасуына алып келуі мүмкін. Мақала авторларының мақсаттары Бастаманың міндеттерін тиімді жүзеге асыру үшін шешілуі қажет болатын тәуекелдерді анықтауға және ағымдағы мәселелерді талдауға бағытталған. Орталық Азиядағы көлік дәліздерінің дамуын, сондай-ақ оларды дамытудағы аймақтық және аймақтан тыс державалардың мүдделерін жан-жақты зерттеудің маңыздылығы осы үдерістердің болашақта халықаралық қатынастардың тепе-теңдігіне әсер ету мүмкіндігімен шартталған. Мақаланың келесі мәселесі тұрақты даму және «жаңа аймақшылдық» теорияларының призмасы арқылы қарастырылған. Бұл теориялар Орталық Азия аймағы елдері арасында да, олардың көршілерімен де тиімді ынтымақтастықтың дәстүрлі нысандарын түсіндіруге мүмкіндік береді (географиялық орны, ортақ мүдделері, өзара әрекеттесу тетіктерін қалыптастыру және т.б.). Мақала соңында авторлар талданған мәселелер және оны шешудің мүмкін жолдары туралы өз тұжырымдарын ұсынған.

Кілт сөздер: Орталық Азия, бастама («Белдеу және Жол»), көлік, инфрақұрылым, транзит, дәліз, тасымалдау, мәселелер, ҚХР.

F. T. Kukeyeva, D. K. Zhekenov, A. K. Ordabayev, A. M. Abdikamal

Problems of realization of «Belt and Road» initiative in Central Asian countries

The article is devoted to the study of the problems of cooperation in the field of transport infrastructure between the PRC and the countries of Central Asia. The implementation of the Chinese «Belt and Road» initiative can strengthen the role of Central Asia as the main transport hub of Eurasia and lead to the formation of a new architecture of the world economy in this space. Authors of the article aim to identify risks and analyze current problems, the solution of which is necessary for the effective implementation of the objectives of the Initiative. The importance of a comprehensive study of the development of transport corridors in Central Asia, as well as the interests of regional and extra-regional powers in their development, is determined by the possibility of these processes influencing the balance of international relations in the future. The problems of the article are considered through the prism of the theory of sustainable development and «new regionalism». These theories make it possible to explain the traditional forms of effective cooperation, both between the countries of the Central Asian region and with their neighbors (geographic location, common interests, the formation of interaction mechanisms, etc.). At the end of the article, authors present their conclusions about the analyzed problem and possible ways to solve it.

Keywords: Central Asia, Initiative («Belt and Road»), transport, infrastructure, transit, corridor, transportation, problems, PRC.

References

- 1 Suyunbaiev, M. Neopoliticheskie osobennosti Kyrghyzstana: vnutrennii i vneshnii aspekty [Geopolitical features of Kyrgyzstan: internal and external aspects]. CentrAziiia — CentrAsia. *centrasia.ru*. Retrieved from <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1088993280> [in Russian].
- 2 Dolotbakova, A.K. (2015). Sovershenstvovanie lohistiki — puti dlia rasshireniia sfery turizma Kyrghyzskoi Respubliki [Improving logistics — ways to expand tourism in the Kyrgyz Republic]. Topical issues of economics and management '15: III Mezhdunarnaia nauchnaia konferentsia (Moskva, iyun 2015 h.) — Proceedings of the 3rd International Scientific Conference. (p. 146). Moscow: Buki-Vedi [in Russian].
- 3 Ovezova, N. «Zolotoe zveno» mezhdunarodnoho koridora Sever–Yuh [«Golden Link» of the North-South International Corridor]. Institut stratehicheskoho planirovaniia i ekonomicheskoho razvitiia Turkmenistana — Institute for Strategic Planning and Economic Development of Turkmenistan. Elektronnaia hazeta «Turkmenistan: zolotoi vek» — Electronic newspaper «Turkmenistan: Golden Age». Retrieved from <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=7769> [in Russian].
- 4 Ovezova, N. Transportnaia mahistral Sever–Yuh: ekonomicheskii aspekt tranzitnykh perevozok [North-South transport highway: the economic aspect of transit traffic]. Institut stratehicheskoho planirovaniia i ekonomicheskoho razvitiia Turkmenistana — Institute for Strategic Planning and Economic Development of Turkmenistan. Elektronnaia hazeta «Turkmenistan: zolotoi vek» — Electronic newspaper «Turkmenistan: Golden Age». Retrieved from <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=10381> [in Russian].

- 5 Tokhirov, T.I. (2014). Kontseptsiiia tranzitnoho potentsiala avtotransportnoi sistemy rehiona [The concept of the transit potential of the region's motor transport system]. Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Serii «Ekonomika i ekologicheskyyi menedzhment» — Scientific journal of NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management». Vol. № 2 (17). Retrieved from http://economics.ihbt.ifmo.ru/ru/article/11122/koncepciya_tranzitnogo_potentsiala_avtotransportnoy_sistemy_regiona.htm [in Russian].
- 6 Sanhinov, B. Ferhanskii faktor i bezopasnost Tsentralnoi Yevrazii [Fergana factor and security of Central Eurasia]. Informatsionno-analiticheskii portal «Geopolitika» — Information and analytical portal «Geopolitics». Retrieved from <http://www.geopolitika.ru/article/ferganskiy-faktor-i-bezopasnost-centralnoy-evrazii#.VyiN8MZk9Yw> [in Russian].
- 7 Hosudarstvennaia prohranna infrastruktturnoho razvitiia «Nurly zhol» na 2015–2019 hody. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 6 apreliia 2015 hoda No. 1030. Astana, 2015 h. [State program of infrastructure development «Nurly Zhol» for 2015 — 2019. Approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated April 6, 2015 No. 1030. Astana, 2015]. RHP na PKHV Respublikanskii tsentr pravovoi informatsii Ministerstva yustitsii Respubliki Kazakhstan — RSE on REM Republican Center for Legal Information of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500001030> [in Russian].
- 8 Plan natsii — 100 konkretnykh shahov. Prohranna Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 20 maia 2015 hoda [The Nation's Plan — 100 Concrete Steps. Program of the President of the Republic of Kazakhstan dated May 20, 2015]. RHP na PKHV Respublikanskii tsentr pravovoi informatsii Ministerstva yustitsii Respubliki Kazakhstan — RSE on REM Republican Center for Legal Information of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. Retrieved from <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100> [in Russian].
- 9 Xi Jinping Speech at Nazarbayev University — Astana. 2013. Retrieved from https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesjtfhshzzfh_665686/t1076334.shtml.
- 10 ‘Kazakhstan: Workers Complete Section of Turkmenistan-China Pipeline’, Eurasianet. Retrieved from <https://www.woodmac.com/reports/upstream-oil-and-gas-turkmenistan-china-gas-pipeline-11165314>.
- 11 Hosudarstvennaia tselevaia prohranna razvitiia transportnoho kompleksa Respubliki Tadzhikistan do 2025 hoda [State Target Program for the Development of the Transport Complex of the Republic of Tajikistan Until 2025] (2011). p. 8. Retrieved from http://www.mintrans.tj/sites/default/files/2017/gosudarst_vennaya_celewaya_programma_razvitiya.pdf [in Russian].
- 12 ‘On Endorsement of the National Earmarked Development Program for the Transportation Sector of the Republic of Tajikistan up to 2025’, Government of the Republic of Tajikistan, 1 April 2011. Retrieved from https://www.wto.org/english/thewto_e/acc_e/tjk_e/WTAC_CTK23A1_LEG_10.pdf.
- 13 Parto, S., Vinters, Dzh., Saadat, E., Usian, M. & Khoziainova, A. (2013). Afghanistan i rehionalnaia torhovlia: bolshe ili menshe importa iz Tsentralnoi Azii? [Afghanistan and Regional Trade: More or Less Imports from Central Asia?]. Universitet Tsentral'noi Azii, Bishkek — University of Central Asia, Bishkek. Retrieved from <https://www.ucentralasia.org/Content/Downloads/UCA-IPPA-WP-3-Afghanistan%20and%20Regional%20Trade-Rus.pdf> [in Russian].
- 14 1520–1435: Perspektivy sotrudnichestva [1520–1435: Prospects for Cooperation], (2015). Tekhnika Zheleznodorozhnykh doroh — Railway Engineering magazine, No. 1 [in Russian].
- 15 Wade Shepard, ‘Khorgos: The New Silk Road’s Central Station Comes To Life’. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/wadeshepard/2017/02/20/khorgos-the-new-silk-roads-central-station-comes-to-life/#27fd0899c22e>.
- 16 Otrasleyevoe issledovanie — Rynok lokomotivov Rossii i stran Prostranstva 1520 (Moskva, INFOLine 2015) [Research paper, ‘Locomotive Market of Russia and Countries Space 1520’, Moscow, INFOLine 2015] [in Russian].
- 17 ‘Uzbekistan, China One Step Closer to Building Railway Corridor via Kyrgyzstan’, Rail Freight, 8 October 2018. Retrieved from <https://www.railfreight.com/beltandroad/2018/10/08/uzbekistan-china-one-step-closer-to-building-railway-corridor-via-kyrgyzstan/?gclid=...>
- 18 ‘Afghanistan-China-Kyrgyzstan-Tajikistan-Iran Rail Road Project (Five Nations Railway Corridor Project)’, Centre for Strategic and International Studies. Retrieved from <https://reconnectingasia.csis.org/database/projects/afghanistan-china-kyrgyzstan-tajikistan-iran-rail-road-project-five-nations-railway-corridor-project/27ac1f27-8f41-48cc-b6c7-db58f7763028/>.
- 19 Ivan Zuenko, ‘Why China Subsidizes Loss-Making Rail Transport via Russia and Kazakhstan’. Retrieved from <https://carnegie.ru/commentary/64555>.
- 20 Krasil'nikova, O.A. & Astakhov, D.V. (2015). Problemy, prepiatstvuiushchie realizatsii tranzitnoho potentsiala na territoriakh hosudarstv-chlenov Yevraziiskoho ekonomicheskoho soiuzia [Problems Impeding the Realization of the Transit Potential in the Territories of the Eurasian Economic Union Member States], Sovremennye nayukoiomkie tekhnologii — Modern high technologies, No. 5–1, 142–143 [in Russian].
- 21 Vinokurov, E.Yu., Dzhadraliev, M.A., & Shcherbanin, Yu.A. (2015). Otrasleyvoi obzor «Mezhdunarodnye transportnye koridory EvrAzES: bystree, deshevle, bolshe (Otrasleyvoi obzor EABR. Almaty: EABR, No 5. — 60 p.) [Sector review ‘EEU International Transport Corridors: Faster, Cheaper, More’, — Almaty: EDB, No. 5, 60] [in Russian].
- 22 ‘As Trucks Idle on Border, Kyrgyzstan Lashes Out At Kazakhstan Over Delays’. Retrieved from <https://www.rferl.org/a/kyrgyzstan-trucks-border-kazakhstan-delays-ees/29858576.html>.
- 23 ‘Uzbekistan, Tajikistan Resume Bus Connection After 26-Year Break’. Retrieved from <https://www.azernews.az/region/131994.html>.
- 24 ‘Deputy Foreign Minister (RoK) Roman Vassilenko at the Roundtable at «Euractiv»’. Retrieved from <http://mfa.gov.kz/en/content-view/remarks-by-deputy-foreign-minister-roman-vassilenko-at-the-roundtable-at-euractiv-eu-kazakhstan-relations-from-security-issues-to-regional-cooperation>.

- 25 Dylan Gerstel, 'It's a (Debt) Trap! Managing China IMF Cooperation Across the Belt and Road'. Retrieved from https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/181017_DebtTrap.pdf?MKq76lYIBpiOgyPZ9EyK2VUD7on_2rIV.
- 26 S. Akimbekov, *History of Afghanistan*. The Institute of World Economy and Politics at the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan — the Leader of the Nation; Astana-Almaty, 2015, p. 848.
- 27 'Afghanistan-Centered Regional Cooperation — From Planning to Implementation', Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Afghanistan, November 2018. http://cdn.mfa.af/mfa_reports/RECCA-2018-Summary-SP.pdf.
- 28 Mariam Safi and Bismillah Alizada, (2019), 'Afghanistan: Prospects and Challenges to Regional Connectivity', *The Diplomat*, 19 April 2019. Retrieved from <https://thediplomat.com/2019/04/afghanistan-prospects-and-challenges-to-regional-connectivity/>.
- 29 'Hairatan to Mazar-e-Sharif Railway Development Program', Central Asia Regional Economic Cooperation Program. Retrieved from <https://test0302.carecprogram.org/?project=hairatan-to-mazar-e-sharif-railway-development-program>.
- 30 'Special Interview with Uzbekistan Ambassador Javlon Vakhobov', Caspian Policy Center, July 2019. Retrieved from <http://www.caspianpolicy.org/wp-content/uploads/2019/07/Special-Interview-with-Uzbekistan-Ambassador-Javlon-Vakhobov-by-CPC.pdf>.
- 31 'Kazakhstan-Turkmenistan-Iran Railway Opens', Economist Intelligence Unit, 5 December 2014. Retrieved from <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=912554875&Country=Turkmenistan&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations>.
- 32 Uzbekistan, Turkmenistan, Iran i Oman pristupili k zakliuchitelnomu etapu proekta po sozdaniiu transportnoho koridora [Uzbekistan, Turkmenistan, Iran and Oman Have Begun the Final Phase of the Project to Create a Transport Corridor]. Retrieved from <http://transport-journal.com/news/autotransport-i-dorogi/uzbekystan-turkmenystan-yran-y-oman-pristupyly-k-zaklyuchytelnomu-etapu-proekta-posozdanyyu-transportnoho-korydora/> [in Russian].

A.A. Kuketova*

*Eurasian National University named after L.N. Gumilyov
(E-mail: gerai_89@mail.ru)*

Development of cattle breeding of the Kazakh steppe in the XVIII-XIX centuries in the works of Russian travelers: historiographic analysis (on the example of Semirechye)

The article deals with the actual problem of the development of traditional livestock breeding of the Kazakh people in the works of Russian travelers of the XVIII century. The materials were obtained from primary sources on the basis of the works of Russian travelers, researchers, and from the results of academic expeditions; the study provides a historiographic and a source study analysis of the process of the formation of nomadic and semi-nomadic cattle breeding. The author of the article found out that the development of nomadic cattle breeding of the Kazakh people is influenced by local natural and climatic factors. Also analyzes regional features of the Kazakh steppe economy, which is based on the works of Russian travelers. As a result of the materials of the I and II academic conferences, works were analyzed and conclusions were drawn about the development of traditional animal husbandry of the Kazakh people. Information about cattle breeding in the journals of officials of the Russian Empire is also analyzed. This study presented the works of Russian travelers and researchers of the XVIII century.

Keywords: Kazakh steppe, Kazakh people, Russian travelers, officials, animal husbandry, natural and climatic factors, academic expeditions.

Introduction

It is known, that the natural and climatic factors of Kazakhstan have a special place in the formation of the development of animal husbandry of the Kazakh people. Because, the main feature of land use and livelihood was animal husbandry almost for three centuries. Our people were mainly engaged in seasonal migration.

The traditional system of seasonally migration of pastures, such as “kuzdik, kystau, kokteu, zhailay” has been established due to the peculiarities of living conditions. Mountain gorges and snow-covered areas were used as winter pastures (“kystau”), and autumn and spring pastures (“kuzdik and kokteu”) were mostly located in areas with rapid snowmelt. Features of the geographical environment of the Kazakh land also determined the food composition of livestock. The proportion of sheep, horses, cows and camels was not uniform.

There are two types of traditional animal husbandry in the Kazakh region. There are: nomadic and semi-nomadic livestock. The first type of nomadic animal husbandry is concentrated in areas with low natural fertility of plants in the local natural and climatic conditions, without reservoirs, mostly in desert areas.

Due to the regional peculiarities of the Kazakh steppe, nomadic animal husbandry was formed on the island of Mangyshlak, in Ustyurt, in the Aral Sea region. Semi-nomadic animal husbandry developed mainly in the East and North-East Kazakhstan regions of Kazakhstan, in the Kosozen region.

The writings and works of Russian travelers and researchers of the XVIII century are among the most important data on the economic history of Kazakhstan, as they reflect the various aspects of the socio-economic situation in the Kazakh steppe.

Methodology and research methods

Comparative, systematic historical methods of analysis were used to demonstrate the methodological basis of the study. Analytical analysis was used in the analysis of the works of Russian travelers. At the same time, the method of comparative data analysis was not left out. In addition, the methods of logical analysis, analysis and synthesis, historical-systematic methods were used, and the modern significance of the works of Russian travelers and researchers of the XVIII-XIX centuries was revealed. The researches of the

*Corresponding author's e-mail: gerai_89@mail.ru (A.A. Kuketova)

XVIII-XIX centuries are analyzed in the description of their works. Their significance was assessed through data analysis.

Results and discussion

There are historical and ethnographic scientific works on the Kazakh people in Russia, published in the pre-revolutionary period. The first information about the life and culture of the Kazakh people appeared in the XVIII century. This is the work of S. Remyozov [1], I. Sievers [2], G.F. Miller [3], I.P. Falk [4], I.G. Georgyi [5], P.S. Pallas [6], I.G. Andreev [7], P.I. Rychkov [8], N.P. Rychkov [9] and other works of scientists.

These authors-scientists, researchers, travelers have collected extensive ethnographic material on the tribal composition, economy, material and spiritual culture of the Kazakh people, and the area of settlement. These data mainly form a database of Kazakh ethnography of the XVIII century [10].

One of the earliest researches of the XVIII century is S. Remezov's "Drawing book of Siberia". It contains valuable information about the ethnic territory of the Kazakhs of the Middle Zhuz, nomadic livestock [1].

In addition, the work "History of Siberia", published in 1750 by historian G.F. Miller, requires a research. Although the second volume of this research mainly identifies the social and political history of the Kazakh region, it reflects the nomadic life of the Kazakh people. He used Siberian chronicles about the origin of the Kazakh people [2].

Russian Academic Expeditions to study the Kazakh land began to be organized in the XVIII century. Prominent representatives of the II Academic Expedition, as I.P. Falk, P.S. Pallas collected valuable information about Kazakh ethnography. For the first time they described the culture, life, economy and social status of the Kazakh people.

I.P. Falk, a Swedish healer by origin, collected information about the ethnography of the Kazakh people in Russia. In the middle of the XVIII century he conducted expeditions to the Astrakhan and Orenburg regions, Western Siberia and the Southern Urals. His works are valuable in that they provide a detailed description of animal husbandry in the information about the material culture of the nomadic population [4].

He left the following information about the development of animal husbandry of the Kazakh people: "The main type of Kyrgyz household is animal husbandry. They have a large number of livestock. Horses play a key role in animal husbandry. Along with horses, sheep also have a special place. Their meat is used in everyday life and it is the main food" [12].

In his fundamental work: "The main type of Kyrgyz household is animal husbandry. They have a very large herd. They have a large number of livestock species. The following information was left regarding the four types of livestock:

1. Horses are their main species. They calculated their wealth with horses. The Kyrgyz people, like the Bashkir people, are fully committed to horse breeding. A family with only 50 horses can live well. The "laborer" themselves have 2,000 horses out of 1,000. It is sold to Bukhara residents at a high price. In rich and powerful people, from 5 to 10 thousand herds of horses graze.

2. Camels are owned by almost all Kyrgyz, mostly with two-humped camels. They use the one-humped camel because it can withstand heavy roads and travel long distances without food. That is why they are often used by Bukhara and Khiva caravans. Two-humped camels are large, fleshy and resistant to severe frosts. They feed on large amounts of grass. Camels are used by Kyrgyz for movement. All yurts are loaded on camels. Horse milk is called "koumiss (kymyz)". An adult camel carries a load of 40 pounds. One camel gives the skin of 4 sheep. Their meat is the most delicious and nutritious.

3. Kyrgyz do not own large amounts of cattle. They are constantly in the pasture and mow special grass for them. They learned to keep them on pastures from Kalmyks and Bashkirs.

4. Their sheep are the big ones. They graze all year round. Sheep are used in everyday life like horses. Their meat is used in everyday use. The skin is short, mainly used for making felt. Sheep are sheared twice a year. It basically sews a winter coat from sheepskin and brings it to Orenburg.

5. Goats are kept in the same herd with sheep. Do not use their skin. They are brought to Orenburg in large quantities [2;124-126].

The researcher also related the additional profession of the Kazakhs in his work: "Kyrgyz people are engaged not only in cattle breeding, but also in hunting. Their most interesting activity is eagle hunting. They buy an eagle from Orenburg for 6-7 soms" [2; 128].

Participant of the II Academic Expedition in the works of German physician, chemist, naturalist, traveler Georgyi: “The life of all Kyrgyz is connected with nomadic life. They live in mobile yurts and move around for livestock. In nomadic life, they move with their herds to the northern regions in summer and to the southern regions in winter. Hunting and fishing are complementary occupations, while agriculture is often practiced on fertile land” [5; 111].

The work of this researcher provides the following information about four types of livestock: «Herds consist mostly of horses, cattle, sheep and lambs. They are used for food and clothing. Ordinary people can have about 50 or 30 horses, half cattle, 100 sheep and a few camels. The Middle (Orta) Zhuz has 10,000 horses, up to 300 camels, and 3,000 to 4,000 head of cattle. There are also 20,000 sheep and more than 1,000 goats. There are rich people with more than 5,000 horses in the Lesser (Kishi) Zhuz” [5; 115].

One of the participants of the II Academic Expedition, an outstanding representative, Doctor of Medicine, Academician of the Imperial Academy of Sciences of Russia, Peter Simon Pallas, in 1769 traveled the Kazakh land from Orenburg, Urals, Western Siberia, Irtysh to Semipalatinsk. As this is the first expedition to comprehensively study Kazakhstan, it has a special value in reporting on the culture, economy and life of nomads [6].

As a result of the expedition, P.S. Pallas’s study “Journeys to different provinces of the Russian Empire” was published. He noted that the Kazakh people’s livestock depends on natural and climatic factors, and gave the following information about animal husbandry: “The main wealth of the Kyrgyz is animal husbandry, a large number of horses and sheep. Due to the small number of camels and cows, it is difficult to provide enough food for the winter” [6; 581].

Regarding the four types of livestock, P.S. Pallas said: «Kyrgyz horses are similar to the horses of the Kalmyk people, but they are larger. They are wild, fast, and search for food all winter long. They divide the horses into herds and leaves one horse from each herd” [6; 582-583].

According to Russian Academic Expeditions, the main household activity of the Kazakh people is nomadic animal husbandry. Pallas’s work considers that the type of household of the Kazakh people depends on natural and climatic factors. Falk’s work identifies four food animals.

Valuable information about the development of animal husbandry of the Kazakhs of the Middle Zhuz, which was part of the Russian Empire, is reflected in the work of engineer, officer of the Central Staff I.G. Andreev “Description of the Middle Horde of Kyrgyz-Kaisaks”. Not only the household of the Kazakhs was written in his work, but also about the culture and life of the nomads have seen at the Siberian archival documents. In the section of his work on handicrafts and trade: “Recognized as the first and main craft, they build their houses from thin fibers. Blacksmiths make knives, we, spears, bows. Coppersmiths make whips. Marzhan makes various beads, as well as women’s hats. In summer, they ferment koumiss and make wine, dig a hole on the shore and put a big cast-iron pot. In a cast iron pot, soap is boiled and food is made. The soap is black and hard like a stone” [7; 38].

In the works of travelers of academic expeditions of the XVIII century there is a conclusion that the main type of economy of the Kazakh people - animal husbandry. In addition, the four products determine the specifics of livestock. Horses, camels and cattle, and Kyrgyz sheep determine the features and importance of life.

Kazakhs also talk about the benefits of hunting and other industries, in addition to livestock.

The difference between the female and male occupations in Falk’s labor was that the various food were derived from cattle; butter, cheese, and the types of koumiss. It also determines the technique of processing animal skins.

Valuable information on the development of animal husbandry in the Kazakh steppes can also be found in the works of officials who worked in the administrative service in the Orenburg region. Valuable information about the development of the Kazakh people, which was part of the Russian Empire, is directly related to the activities of the official of the Orenburg administration, a prominent diplomat A.I. Tevkelev. His activity was carried out in the Orenburg province, on the north-western border of the Kazakh steppe. He was recognized in the region not only as a diplomat and official, but also as a scientist who studied the history, culture and social situation of the Kazakh people. His study “Journal on Kirghis-Kaysak affairs of 1748” contains valuable ethnographic data from 1731-1759 years. This work often provides information about the Kazakhs of the Lesser (Kishi) Zhuz. Therefore, his work is as valuable as P.I. Rychkov’s research. A.I. Tevkelev gives the following information about the traditional livestock of the Kazakhs of the Orenburg region: “All their wealth is in the possession of horses and sheep. In order to keep livestock in everyday life, they make the necessary knives, iron pots, horse equipment” [12; 388].

In the study of the history and ethnography of the Orenburg region, a member of the Russian Academy of Sciences, a participant in the Orenburg expedition, a well-known scientist P.I. Rychkov has a special place. One of his main works is "Topography of Orenburg". It contains the first geographical, historical and ethnographic data about the Kazakh steppe. In his work, P.I. Rychkov showed the integration of the people of the Lesser (Kishi) and Middle (Orta) Zhuz into the Russian Empire, the development of trade, economy, migration and tribal structure. He provided detailed information about the migration system, showing the peculiarities of the development of animal husbandry of the Lesser (Kishi) and Middle (Orta) Zhuz [13].

Rychkov's research contains valuable information about the level of livestock development of the Kazakhs of the Lesser (Kishi) and Middle (Orta) Zhuz. Between 1769-1770 years, he traveled to the Ural region of the Russian Empire. Nikolai Rychkov, P.I. Rychkov's son, wrote a book on the history and ethnography of the Kazakh people, "Diary of the voyage of Captain Nikolai Rychkov's across the Kyrgyz-Kaisaks' steppe, 1771". This work contains valuable information about the geography of the Kazakh land, the life of the Kazakh people, customs, traditions, marriage, martial arts, animal husbandry, agricultural development, religion. Information on the livestock of the Kazakh people is based on the work of Pallas: "Among the Kyrgyz there are many rich people with large livestock. One family has up to 20,000 horses and a large number of sheep. Large herds do not require their hard work, as horses and sheep feed on fertile grass in summer and winter" [9; 30].

It is known that in the XVIII century the administration of the Russian Empire considered the territory of Kazakhstan as a transit zone for trade and close ties with the Central Asian Khanates. Therefore, special envoys were sent to the Kazakh region and the Central Asian Khanates. The main task of this diplomatic relations was to create favorable conditions for the Russian people at the expense of the trade market of the Central Asian Khanates (Tashkent, Bukhara, Kokand and Khiva Emirates). The ambassadors also collected ethnographic information about the Kazakh people and the geographical location of the Kazakh steppe. The information gathered through the Russian ambassadors to Central Asia is valuable because it provides information about the life, customs, culture, economy and way of life of the Kazakh people. Yakov Petrovich Gaverdovsky, who went to Bukhara as a Russian ambassador in 1803, left a manuscript with two parts on the geography, history and culture of the Kazakh people, entitled "Review of the Kyrgyz-Kaisak steppe". This manuscript was published only during the years of independence through the program "Cultural Heritage" [14].

Demonstrating the development of animal husbandry in each region of Kazakhstan Y.P. Gaverdovsky said: "Kazakhs along the Syr-Darya and the Aral Sea are not fully engaged in animal husbandry. Most of the population traded with the people of Khiva near the Aral Sea. They do not sell their property to Russia. The Kyrgyz here live in luxury, allowing poverty, looting, trade caravans, and hostage-taking" [14; 36].

In addition, the following information is given in connection with the types of livestock in Gaverdovsky's work: "For the Kyrgyz, camels are one of the most important food animals. They feed on salty grass. They can live without water for up to 5 days or more. They are also needed for heavy transportation. Felt is used to cover houses from their skins. These types of livestock are very dangerous as other livestock species. The land for the types of livestock is loamy, black soil, suitable for agriculture" [14; 50].

Now we consider that the development of animal husbandry in the Semirechye region, which is part of the Governor-General of Turkestan, is associated with everyday life. The following information is given in the works of Russian researchers: "If the Kazakhs could, they would turn the whole world into a pasture" [15].

The traditional animal husbandry of the Kazakh people is based on nomadism, and in their centuries-old practice, a "migration zone" has been formed depending on the season. The whole field area is divided into seasonal "kuzdik, kystau, kokteu, zhailay" pastures. Livestock grazed on natural pastures in all four seasons of the year. Each tribe or rural area annually moved along the paths formed by their ancestors, stopping at a certain well, along a river, and they followed the tradition of migration within a certain geographical area.

Geyer, who served as a royal official, wrote in his book "Turkestan" that there was a famine in the Semirechye region, which severely affected the development of animal husbandry, and that the local population was forced to switch to agriculture. We can learn about it in the following: "And then comes the terrible scourge of cattle breeding – "Zhut", i.e. death from lack of food. After such years, the rich Kyrgyz turn to niches, take up the plow" [16].

At the same time, we can show that the population was forced to settle down. In addition to the works of military officials who served in tsarist Russia, it is worth mentioning Fedorov, one of the scientists who conducted a military-statistical study of the Turkestan military district in the early twentieth century.

Fedorov's study "Military-statistical description of the Turkestan military district" identified the features of horses in the livestock of Zhetysu region: "At present, the Semirechye Kyrgyz horse is a small outbred horse completely unsuitable for artillery (except for mountain) and cavalry. However, it is distinguished by its strong constitution and endurance, freely remaining without food for a day, and horses raised in the mountains are indispensable for moving along mountain paths, where steppe or stable horses turn out to be completely useless and even dangerous" [17].

Apart from the Russian Geographical Society, manuscript diaries left by military officials are kept in special collections of Central Staff officers. Mikhail Vasilyevich Krasovsky in his works has sufficiently analyzed the geographical and statistical data collected by Russian officials, in particular, the officers of the General Staff, which showed the level of development of animal husbandry in Zhetysu region. According to the author, the peculiarities of the types of livestock in the livestock of the Kazakh people were identified by M. Krasovsky's work "Materials for the Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. The region of the Siberian Kyrgyz" and it is described as follows: "These include mammals: sheep, horses, large and small ruminants, camel, cat, and birds: goose, duck, chicken, turkey, pigeon, crane, eagle, falcon and kite".

1) The Kyrgyz *sheep* belongs to a simple breed; it differs from the Russian sheep by its large growth, strong constitution, coarse, hanging hair, mostly reddish in color, fleshy and a significant amount of fat, which accumulates mainly towards the back by a large growth, which is called a fat tail.

2) Kyrgyz *horse* of small stature, the highest 2 arch., 1 vert., short neck, head down, prevailing nest suit and red.

3) The *camel* found in the area belongs exclusively to the Bactrian species; if in the south of the steppe, among some rich Kirghiz, one-humped camels are found, then no more than one, two per hundred, which is why these individuals are valued almost twice as compared to ordinary camels.

4) Kyrgyz *bulls* and *cows* differ from Russians in smaller size, but greater strength of constitution and the same tolerance as the rest of the steppe cattle [18].

One of the peculiarities of Krasovsky's work is the distinctive features of the type of animals in the Semirechye region. This is especially valuable as evidence in determining the specifics of animal husbandry.

Conclusions

In conclusion, the works of Russian travelers, officials, diplomats, scientists of the XVIII-XIX centuries are considered as one of the most important facts in the study of traditional culture of the Kazakh people. The main value of ethnographic data lies in its independent coverage of the policy of the Russian Empire. The data of the academic expedition provide detailed information about the development of traditional animal husbandry of the Kazakh people, as travelers who came to the Kazakh steppes on a special route were aimed at studying the geography, ethnography and history of the Russian Empire. Officials in the Russian Empire, on the other hand, wrote only brief information about traditional animal husbandry. The ambassadors, who came to Kazakhstan from the imperial side, considered the Kazakh steppe as the main transit zone for trade with the Russian Empire and the Central Asian Khanates, and stressed the importance of the types of livestock in trade. The work of Russian travelers and researchers on the level of livestock development in Zhetysu region provides a lot of information about the development of nomadic livestock, the formation of the migration system, the forced migration of the local population from nomadic to sedentary farming.

References

- 1 Ремезов С. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. Ремезовым в 1701 году / С.Ремезов. — СПб., 1882. — 276 с.
- 2 Сиверс И. Письма из Сибири. Фальк И.П. Описание всех национальностей России / И.Сиверс, И.П. Фальк. — Алматы: Ғылым, 1999. — 136 с.
- 3 Миллер Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. — М.: Изд-во АН СССР, 1937. — 644 с.
- 4 Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемые императорскою Академией наук по предложению ею президента. Записки Путешествия академика Фалька. — Т. 6 / И.П. Фальк. — СПб., 1824. — 422 с.
- 5 Георги И.И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также житейских обрядов, обыкновенной одежды, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. — Т. 2 / И.И. Георги. — СПб., 1779. — 178 с.
- 6 Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук / П.С. Паллас. — Ч. II. — Кн. 2. — СПб., 1786. — 571 с.

- 7 Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / И.Г. Андреев. — Алматы: Ғылым, 1998. — 280 с.
- 8 Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750) / П.И. Рычков. — Оренбург, 1896. — 93 с.
- 9 Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи 1771 году. — СПб., 1772. — 104 с.
- 10 Рахимов Е.К. Исследователи XVIII века о культуре и быте казахов Западной Сибири и Южного Урала / Е.К. Рахимов // Вестн. Казах. нац. ун-та им. аль-Фараби. Сер. истор. — 2014. — № 4 (71). — С. 119–124.
- 11 Фальк И.П. Описание всех национальностей России / И.П. Фальк. — Алматы: Ғылым, 1999.
- 12 История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. — Т.3. Журналы и Служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / Сост., транскр. скорописи XVIII в., ист. очерк и комм. И.В. Ерофеевой. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 484 с.+ вкл. 8 с.
- 13 Рычков П.И. Топография Оренбургской области / П.И. Рычков. — Оренбург, 1896. — 405 с.
- 14 Журнал, веденный Свиты его императорского величества поручиком Гавердовским и колонновожатыми Ивановым и Богдановичем во время следования их по высочайшему повелению через Киргизскую степь в провинцию Бухарию, с различными наблюдениями, с описанием всех случившихся происшествий, равно как и о возвращении в Россию в 1803 году, с кратким уведомлением об отправлении посольства в азиатское владение // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. — Т. V. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. — Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 620 с.
- 15 Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей: [В 19 т.] / Под ред. В.П. Семенова и под общ. рук. П.П. Семёнова, вице-предс. Русского геогр. общ-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. общ-ва; Предисл. В. Семёнова. — СПб.: А.Ф. Девриен, 1899–1914.
- 16 Гейер И.И. Весь русский Туркестан / И.И. Гейер. — Ташкент: Изд-во С.Ф. Конопка, 1908. — 346 с.
- 17 Фёдоров Д. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: изд. Штаба Туркестанского военного округа / сост. Д. Федоров; под ред. Федяй. — Ташкент: Типогр. Штаба Туркестанского военного округа, 1910. — 181 с.
- 18 Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. — Ч. 1 / М. Красовский. — СПб., 1868. — 427 с.

А.А. Кукетова

XVIII–XIX ғасырдағы қазақ даласындағы мал шаруашылығының дамуы орыс саяхатшыларының еңбектерінде: тарихнамалық талдау (Жетісу өлкесі мысалында)

Мақалада өзекті мәселе ретінде XVIII ғасырдағы орыс саяхатшылары еңбектеріндегі қазақ халқының дәстүрлі мал шаруашылығының даму үрдісі қарастырылған. Материалдар бірінші дереккөздерден орыс саяхатшыларының, зерттеушілерінің еңбектері, академиялық экспедициялардың нәтижелері негізінде алынды, зерттеуде көшпелі және жартылай көшпелі мал шаруашылығының қалыптасу үрдісіне тарихнамалық және деректанулық талдау жасалды. Мақала авторы қазақ халқының көшпелі мал шаруашылығының дамуына жергілікті табиғи-климаттық факторлардың әсер еткенін анықтаған. Орыс саяхатшыларының еңбектері негізінде қазақ даласы шаруашылығының аймақтық ерекшеліктеріне талдау жасаған. I және II академиялық экспедиция материалдарының нәтижесінде жарыққа шыққан еңбектер талданып, қазақ халқының дәстүрлі мал шаруашылығының дамуы туралы қорытынды ой берілген. Сонымен қатар Ресей империясы шенеуніктерінің журналдарындағы мал шаруашылығы туралы жазылған ақпарат жан-жақты зерттелген. Аталмыш зерттеу тақырыбында XVIII ғасырдағы орыс саяхатшылары мен зерттеушілерінің ұсынылған еңбектері құнды дерек болып табылады.

Кілт сөздер: қазақ даласы, қазақ халқы, орыс саяхатшылары, шенеуніктер, мал шаруашылығы, табиғи-климаттық фактор, академиялық экспедициялар.

А.А. Кукетова

Развитие скотоводства казахской степи в XVIII–XIX вв. в трудах русских путешественников: историографический анализ (на примере Семиречья)

В статье рассмотрена актуальная проблема развития традиционного животноводства казахского народа в трудах русских путешественников XVIII в. Материалы были добыты из первоисточников на основе записок русских путешественников, исследователей, результатов академических экспедиций.

В исследовании проведен историографический и источниковедческий анализ процесса становления кочевого и полукочевого скотоводства. Автором статьи установлено, что на развитие кочевого скотоводства казахского народа оказывали влияние местные природно-климатические факторы. Изучены региональные особенности хозяйства казахской степи на основе трудов русских путешественников. На основании материалов I- и II-й академических конференций выработаны выводы о развитии традиционного животноводства казахского народа.

Ключевые слова: казахская степь, казахский народ, русские путешественники, чиновники, животноводство, природно-климатический фактор, академические экспедиции.

References

- 1 Remezov, S. (1882). *Chertezhnaia kniha Sibiri, sostavlennaia tobolskim synom boiarskim S.Remezovym v 1701 году [Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk son of the boyars With Remezov in 1701]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 2 Sivers, I. (1999). *Pisma iz Sibiri. Falk, I.P. Opisanie vsekh natsionalnostei Rossii [Letters from Siberia, Falk I.P. Description of all nationalities of Russia]*. Almaty: Hylym [in Russian].
- 3 Miller, G.F. (1937). *Istoriia Sibiri [History of Siberia]*. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [in Russian].
- 4 Falk, I.P. (1824). *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemye imperatorskoiu Akademiei nauk po predlozheniiu ee prezidenta. Zapiski Puteshestviia akademika Falka. T. 6. [A complete collection of scholars traveling around Russia, published by the imperial Academy of Sciences at the suggestion of its president. Notes Travel Academician Falk. Vol. 6]* [in Russian].
- 5 Georgi, I.I. (1779). *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushikh narodov, takzhe zHITEISKIKH obriadov, obyknovnoi odezhdy, zhilishch, ukrashenii, zabav, veroispovedanii i druhikh dostopamiatnostei. T. 2 [Description of all the inhabiting peoples in the Russian state, as well as everyday rites, ordinary clothes, dwellings, jewelry, fun, faiths, and other memorials. T. 2]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 6 Pallas, P.S. (1786). *Puteshestvie po raznym mestam Rossiskoho gosudarstva [Traveling to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences]*. Kn. 2. Saint Petersburg [in Russian].
- 7 Andreev, I.G. (1998). *Opisanie Srednei ordy [Description of the Middle Horde of the Kyrgyz Kaisakov]*. Almaty: Hylym [in Russian].
- 8 Rychkov, P.I. (1896). *Istoriia Orenburhskaia [History of Orenburg] (1730–1750)*. Orenburg [in Russian].
- 9 Dnevnie zapiski puteshestviia kapitana Nikolai Rychkova v Kirgiz-kaisatskoi stepi (1771) 1771 году (1772) [Daytime notes of the journey of Captain Nikolai Rychkov to the Kirghiz-Kaysak steppe]. Saint Petersburg [in Russian].
- 10 Rakhimov, E.K. (2014). Issledovatelii XVIII veka o kulture i byte kazakhov Zapadnoi Sibiri i Yuzhnoho Urala [Researchers of the XVIII century on the culture and life of the Kazakhs in Western Siberia and the South Urals]. *Bulletin of Kazakh National University named after al-Farabi. Historical Series, No. 4 (71)*, 119–123 [in Russian].
- 11 Falk, I.P. (1999). *Opisanie vsekh natsionalnostei Rossii [Description of all nationalities of Russia]*. Almaty: Hylym [in Russian].
- 12 Erofeeva, I.V. (2005). *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. T. 3. Zhurnaly i Sluzhebnye zapiski diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759) [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. T.3. Journals and memos of A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan] / Sostavlenie, transkriptsii i skoropisi XVIII v., istoricheski ocherk i kommentarii I.V. Erofeeva*. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 13 Rychkov, P.I. (1896). *Topografii Orenburhskoii oblasti [Topography of the Orenburg region]*. Orenburg [in Russian].
- 14 Zhurnal, vvedennyi Svity eho imperatorskoho velichestva poruchikom Haverdovskim i kolonnovozhatymi Ivanovym i Bohdanovichem vo vremia sledovaniia ikh po vysochaishemu poveleniiu cherez Kirhizskuiu step v provintsiu Buharii, s razlichnymi nabludeniiami, s opisaniem vse sluchivshisya proishestvii, ravno kak o vozvrashenii v Rossiiu v 1803 году, s kratkim uvedomleniem ob otpravlenii posolstva v aziiskoe vladenie // Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. Vol. V. Pervye istoriko-etnograficheskie opisaniia (2007) [The journal maintained by the retinues of his imperial majesty Lieutenant Gaverdovsky and columnists Ivanov and Bogdanovich while following them at the highest command through the Kyrgyz steppe to the province of Bukharia, with various observations, describing all the incidents, as well as about returning to Russia in 1803, with a brief notice on the departure of the embassy in Asian possession // History of Kazakhstan in Russian sources of the XVI–XX centuries. Vol. V. The first historical and ethnographic descriptions of the Kazakh lands. The first half of the XIX century]. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 15 Semenova, P.P. (1913). *Russia. Polnoe heograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastolnaia i dorozhnaia kniha dlia russkikh liudei. [Russia. Full geographical description of our fatherland: Handbook and road book for Russian people]*. Saint Petersburg: Izdanie A.F. Defriana [in Russian].
- 16 Geier, I.I. (1908). *Ves russkii Turkestan [The Whole Of Russian Turkestan]*. Tashkent: Izdatelstvo S.F. Konopka [in Russian].
- 17 Fedorov, D. (1910). *Voенно-statisticheskoe opisanie Turkestanskoho voенного okruha: izdanie Shtaba Turkestanskoho voенного okruha [Military-statistical description of the Turkestan military district]*. Tashkent: Tipografiia Shtaba Turkestanskoho voенного okruha [in Russian].
- 18 Krasovski, M. (1868). *Materialy dlia heografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami Heneralnogo Shtaba. Oblast sibirskikh kirhizov. Chast I [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The oblast of the Siberian Kyrgyz. Part I]*. Saint Petersburg [in Russian].

Mondira Dutta *

*School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
(E-mail: mondiradutta@gmail.com)*

Role of Technology in Combatting Human Trafficking

Disasters reinforce, perpetuate and increase gender inequality, making bad situations worse for the women. Under such situations Trafficking becomes easy. Unfortunately, there is a dearth of empirical data on trafficking — not only after a disaster but prior to it as well. Closer to home, South Asia has been a source, origin and destination for trafficking at various vulnerable points such as the borders where trafficking of women and children are most common. The present paper attempts to highlight the inter links between human trafficking and use of technology. It emphasizes the need to incorporate machine language and other technology tools to secure a greater grasp of identifying faces and routes that the trafficker adopts. The paper focuses on how AI provides an increased access to safe spaces following a disaster that forces people to move out in search of alternative livelihoods. With AI and other technology solutions, its possible to manage and make use of the large amount of text data available in legal documents.

Keywords: Artificial Intelligence, Technology, Human Trafficking, Disaster, Data management, Digital World, Software in Trafficking, Machine Language.

Background

Trafficking in persons is a grave violation of human rights. Every year, thousands of men, women and children fall into the hands of traffickers, not only in their own country but abroad as well. Almost every country in the world is affected by trafficking, whether as a country of origin, transit or destination for victims. Human trafficking is a heinous crime involving exploitation of a person through force, fraud or coercion for the purposes of forced labour, involuntary servitude or commercial sexual exploitation. It is a humanitarian concern for Governance, International Institutional Collaboration and Law. UNODC, as guardian of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (UNTOC) and the Protocols thereto, assist states in their efforts to implement the Protocol to ‘Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons’ referred to as the ‘Palermo Protocol’. The Trafficking in Persons (TIP) report annually measures the government efforts across the 3P paradigm of prosecuting traffickers, protecting victims, and preventing the crime [1] (US Dept of State, 2017).

Research [2; 3] (Miko, 2007; Dutta, 2015) reveals that disasters reinforce, perpetuate and increase gender inequality, making bad situations worse for the women. Trafficking becomes easy under such situations. When disaster occurs, it hits hard especially to those who have a poor socio-economic profile, leading to completely different outcomes even for demographically similar communities. Thus the most vulnerable groups suffer the maximum. If mitigation and preparedness plans ignore the ‘Sendai Framework’ of 2015 and ‘Disaster Management Act’ of 2005, the Sustainable Development Goals will be a difficult task to be achieved. Several international organizations (UNDP, IUCN and UNISDR) have now come together to synergize their effort towards this regard. The World Health Organization (WHO), has also expressed concern over the vulnerabilities especially in situations where children get separated from their families and livelihood options start to deplete for men and women post-disaster. This creates an ideal situation for traffickers to prey upon. In fact, a ‘protection vacuum’ gets created particularly for the children [4] (Samuels, 2005; WHO, 2005). Traffickers wait for such golden opportunities to target orphaned children and those in search of livelihood options. Such cases are rampant and frequently witnessed in countries that have been hit by a natural calamity, as for example in Indonesia, Maldives and many others, impacting the most vulnerable ones like migrants, children, job seekers and the poorer families. As a result, disasters create targets for exploitation and enslavement [5] (CdeBaca, 2010). The magnitude of the disasters’ impact is determined by the level of social and economic inequalities that prevail in that particular area. Undoubtedly those who reel under abject poverty and live at the tail end of all development policy gets hit the hardest. Hence disasters actually further magnify the existing social inequalities resulting in a vicious cycle of disaster risk and inequality.

*Corresponding author’s e-mail: mondiradutta@gmail.com (Mondira Dutta)

Mahatma Gandhi's philosophy of taking the last one in the last village along, and 'leaving no-one behind' further emphasizes to ensure that the poorest and at-risk groups are prioritized for disaster prevention and response. This is possible when the Disaster Risk Reduction (DRR) plans are developed through the participation of women, youth, senior citizens, persons with disabilities amongst other groups within the community, their capacities being critical in achieving strong DRR outcomes.

Traffickers are generally successful in a climate of weak law enforcement and economic hardship [6] (Finn, 2016). Studies and field based research [7; 8] (Dutta, 2011; Dutta, 2010) show how Maldives, Tajikistan, Nepal, India, Bangladesh, Sri Lanka and other parts of the world have been a victim of sexual exploitation, labour trafficking, agricultural workers and domestic servitude during a natural disaster. The after effects of which lasts a lifetime as compared to property damaged or even lives lost. Maldives is a typical example of labour trafficking following the disaster of Tsunami where one third of the entire population consists of immigrants mostly from India and Bangladesh [3] (Dutta, 2015). In 2004, following the Tsunami, voices were raised by a number of non-governmental organizations expressing concerns and reports that stated disturbing and negative trends such as vulnerability to sexual violence, exploitation, and trafficking [2] (Miko, 2007).

Unfortunately, there is a dearth of empirical data on trafficking — not only after a disaster but prior to it as well. Closer to home, South Asia has been a source, origin and destination for trafficking at various vulnerable points such as the borders where trafficking of women and children are most common. Many of the jails of India, Bangladesh and Pakistan are full of such trafficked victims, who are not claimed by anyone as in most cases their families back home are eliminated during the disaster. The lack of empirical data has been the biggest hurdle in analysing the trend pattern between human trafficking and natural disasters. Where data exists, the capacity to assess and analyse is lacking among the stakeholders. Several studies undertaken earlier suggest how mass scale women from Murshidabad in West Bengal had landed up in the brothels of Sonagachi in Kolkata during floods on an annual basis [7] (Dutta, 2010). This corroborates with the macro level data that according to the Census of India, 2001, the age specific sex ratio for the particular age group 10-24 was alarmingly low particularly for districts such as Murshidabad, Kishanganj, etc in comparison to the other age groups [7] (Dutta, 2010).

Excavation of Hidden Facts

As the world strives to meet a U.N. goal of ending slavery by 2030, anti-trafficking advocates believe that technology tools could possibly turn the tide in the global drive to end a trade estimated to control 40 million people and generate annual profits of \$150 billion. Let's not forget that there has been a rising internet use to the tune of at least 4 billion people (around half the world population), who are now online users as per 2018, in comparison to 2.5 billion in 2012. This implies more potential victims and a larger pool of possible customers [9] (Kemp, 2019). A survey of underage sex trafficking victims, reveals 3 out of 4 had been advertised online [10] (Digital Reasoning, 2017). The various goals under the Sustainable Development Goals (SDG), also highlights the role of technology and its transfer as a key means to enhance cooperation. The Sendai Framework has also clearly stressed upon the role of technology resulting in the 2019 High Level Political Forum, that was organized on 'empowering people and ensuring inclusiveness and equality' [11] (UN SDG, Knowledge Platform, 2019).

The world community is beginning to accept that technology can play a key role in keeping up the speed with major criminal networks and tackling human trafficking, civil servants, companies and charities as put forward in an OSCE - Europe's security watchdog event in Vienna. Technology has arrived at a time when investigators need to navigate a newly chaotic underworld. It has opened up vast opportunities in creating new avenues. Technologies like, Artificial Intelligence (AI) and Machine Learning (ML) have been addressing global challenges in the field of disaster resilience, urban development, education and governance. AI not only plays an important role in crisis management, humanitarian aid but also in areas such as risk reduction from natural and man-made disasters. Undoubtedly open and accessible data enhances transparency to usher in economic growth and supports decision making through strategic guidance for policy makers. These machine learning tools also work to pin down the crime from every angle, such as finding victims, following money trails, identifying the routes and various halt points and in confronting traffickers. What they can do in seconds would take investigators months or even years - most of the times with the result that, they never get to it at all. When one talks about a trafficked child who is being abused and raped daily, reducing the time to reach the location is of extreme significance. AI has been able to transform the human rights space and encourage civilian participation in the fight against human trafficking. During a disaster a

common tactic that pimps use is getting the child hooked on to addiction of some kind. They keep the victim dependent on them either by getting them addicted to drugs or depriving them of food and basic comfort. AI also makes the conviction process of the traffickers easier, as the victim does not have to face the culprit face to face while giving her/his witness. It helps the victim to recognize and identify the culprit without having to stand before the culprit, which scares them off and often result in their not coming to the witness box at all.

Purpose

The present paper attempts to highlight the inter links between human trafficking and use of technology. It emphasizes the need to incorporate machine language and other technology tools to secure a greater grasp of identifying faces and routes that the trafficker adopts. The paper focuses on how AI provides an increased access to safe spaces following a disaster that forces people to move out in search of alternative livelihoods.

Modern Day Technology

AI when combined with other technological solutions becomes even more valuable. Researchers in the US developed an AI solution that could assist in uncovering the location of sex trafficking victims. The AI engine, identified several hotels based on a database of more than one million images taken from several thousand hotels around the world. When a photo of a victim is identified, the engine compares the image to those in its data set to pick out the location of the specific hotel room concerned. The AI engine utilizes things like furniture, color schemes, artwork on the walls and bedding to identify the hotel in question. The engine reportedly has a high success rate in identifying the correct hotel. With a vast majority of underage victims of sex trafficking being advertised online, featuring photos frequently taken in hotels, this technology could become an essential tool in the fight against sex trafficking. AI technology solutions such as Hotels-50K, Traffic Jam and others have a huge success rate.

The rise of AI solutions is transforming the way investigators approach human trafficking investigations. Other Apps like 'Be My Protector' and AI engines like 'Hotels-50K' are encouraging for the civilian participation in human trafficking investigations. These technologies are smart enough to harness the power of civilians and their smartphones in collecting information on behalf of the authorities. The role of investigators thus evolves in a large manner. The newest challenge for many investigators, is basically not only finding the data but understanding and interpreting it as well. Here again AI comes to the rescue offering a solution. Technologies which allow investigators to be able to quickly filter through the masses of citizen-gathered data further streamlines investigations.

Hotels-50K particularly has been useful in identifying the location of a known victim from a photo while other AI and machine learning solutions have been used to identify potential victims. A branch of Machine Learning namely Stylometry, identifies language patterns in advertisements to identify an author. Once a trafficker is detected, through Stylometry it is easy to reveal other advertisements written by the same author. It analyses word repetition, punctuation and emoji which are used to identify the same human traffickers who advertise multiple victims, despite the fact they advertise the victim under a different phone number and email address. The results showed that the algorithm was highly successful in correctly identifying the author from a data set in 90 out of 91 cases.

Another AI engine, Traffic Jam helps to identify runaways and missing people advertised online through facial recognition software and geospatial analysis. A study by IBM, in conjunction with Western Union and European authorities developed a cloud-based information sharing system. This detects suspicious payments that may have transferred between traffickers for human trafficking victims. This information is extremely useful to spot patterns and trends which, experts hope will prove useful in predicting human trafficking payments before they occur. Reports from Spotlight users show that, law enforcement is identifying more than eight kids per day on an average and 63% time is saved in their whole process for investigators, who use Spotlight on a regular basis. Empowering law enforcement to collaborate beyond jurisdictions or national borders, is a key to success in identifying victims who are moved frequently, or are broadcast in Peer to Peer (P2P) on the dark web from a hidden location [12] (Spotlight, 2017). The Blockchain's digital ledger technology, being tested to protect children in Moldova and workers in Coca-Cola's sugar supply chains has been extremely successful. The technology is part of a wider shift in policing human trafficking. Human traffickers leave behind digital fingerprints that can be easily traced, while modern tech - from satel-

lites and eye-scanners to blockchain and artificial intelligence (AI) - could all boost global efforts to eradicate heinous crimes such as forced labour and sex slavery.

Among the ASEAN countries technology is being employed to combat human trafficking. Thailand meanwhile is turning satellites to tackle forced labour among fishermen within its lucrative seafood industry. In Malaysia in partnership with the NGO, 'Tenaganita', 'Change Your World' has been able to create South-east Asia's first app allowing any person to submit reports of abuses safely, anonymously and quickly to proven reliable, experienced case workers. The app, 'Be My Protector', is the region's first app dedicated to combating human trafficking [13] (Be My Protector, 2018). Amazingly Since April, 2018, it has received 300 reports from both victims of human trafficking themselves and from the common people who were offering information on people they suspect of falling victim to human trafficking. According to Tenaganita's director, it is easier to look at the violations, the perpetrators, and thus identify the hotspots. Nevertheless at the moment Tenaganita has had to use humans to coordinate with the victims to determine their location based on noticeable landmarks that appear in the photos. Once the organisation is able to expand the app's capabilities in the future, the app will be implemented for the whole of ASEAN region. However, funding remains the biggest hurdle for ASEAN countries. To meet this funding deficit and unlock the potential of AI in the fight against human trafficking, business engagement is essential where the private sector can play a major role. These tools have been utilized to detect children for sale on social media especially during the Palu earthquake and Tsunami that hit Indonesia in Sept 2018, the sex workers that were trafficked through Singapore and the trafficked Vietnamese brides in China.

Besides the high-tech in the fight against traffickers, there are measures such as Video conferencing which is enabling trafficking victims to provide evidence remotely especially in instances of cross-border cases in India, Bangladesh and Nepal. Other employment websites in southeast Asia are helping maids who seek work abroad and avoid enslavement by abusive bosses. For example, a Filipino maid Genelie Millan was abused, hit and treated like an animal by her first employer in Hong Kong. The discovery of one such site had provided her the options for the first time in her working life. The tech against trafficking is a coalition of technology firms, civil society groups and international institutions which had identified more than 260 anti-slavery tools including facial recognition software and artificial intelligence (AI).

Artificial intelligence and machine learning act as game changers. New technologies are altering the way investigations into human trafficking are being conducted. These technologies are becoming more and more citizen-driven investigations. Instead of investigators coming up against an information wall, modern human trafficking investigator have at their disposal an access to masses of information. Tech helps criminals to evade detection in the offline world as they can plot and perform abuse from home - such as cybersex child trafficking where sexual exploitation is broadcast around the world to paying customers. Besides the internet giants, law enforcement agencies have now come forward in teaming up with banks, charities, tech and data analysts to utilize diverse networks to identify and track the traffickers. Those financial institutions in the United States and Europe that are required to report suspected illegal activity, are working together to share data and develop software to spot and disrupt human trafficking indirectly helping the police to prosecute the crime. These virtual vigilantes aim to stop traffickers before people can get exploited, but even then, the legal experts feel they may get obstructed from obtaining justice in case their self-gathered evidence is proved inadmissible in court.

Nonetheless technology is not a silver bullet. Experts have stated about the difficulty of gathering legal evidences against traffickers and the gaps existing in laws as regards trafficking. Social media aids recruitment, stolen credit cards finance travel, victims can be monitored virtually and sold online before proceeds are laundered – all of that electronically. Thus technology is no magic wand that one could wave and wish for making everything get better. Neither is it an algorithm or an app that can eradicate human trafficking from its roots. These are tech tools like a kitchen gadget, that are supposed to help people to do their job better and faster. Notwithstanding that the slow and steady always wins the race. The slow grinding, day-in, day-out work ultimately make a difference.

Double Edged Sword

Technology sometimes acts as a double-edged sword, which may benefit the traffickers as well as those who indulge in criminal activities. Combatting human trafficking is like a game of cat and mouse. It has a ballooning impact. If pressure is put on one part of the balloon, the air inside simply shifts to another part and keeps moving around to safer places, based on where the pressure is least. Similarly, the digital analysts feel it may simply drive away the slave masters to other websites. There are also fears that as the high-tech

net closes in on traffickers, they simply get smarter. There is a need to innovate as quickly as the traffickers, with deep learning, algorithms and facial recognition to predict and foresee the smart tactics. There is a fine line that the innovators have to walk on. For every progression in investigation techniques, traffickers are smart enough to devise equally novel methods to evade capture and continue profiting from their operations. This high-tech leap leaves police and prosecutors chasing shadows in a virtual world as they strive to meet a United Nations goal to end forced labour and modern day slavery by 2030. Where the law enforcement techniques and capabilities are not as strong as they are offline, technology further pushes slavery into a darker corner of the world! Experts doubt whether digital tools alone - from blockchain to satellites - can really help in turning the tide as law enforcement, civil society, banks, businesses, and techies take on the traffickers, particularly with modern day slavery now being regarded as a major global threat.

Human traffickers are often at least one step ahead of police. Unfortunately, the police lack in terms of capability measures, such as computing expertise and experience, totally unfamiliar with modern tech and are hindered by limited international cooperation to crack a case according to the civil society organisation. In comparison to earlier times, fresh victims can be recruited, transported worldwide and trapped in slavery in a short period that is within a few days. Police are barely able to react while victims get trapped with lightning speed.

The U.N. statistics reveal that about 600 trafficking routes have been identified globally, in every region of the world. This is an increase of almost a quarter between 2007 and 2014. According to the UN officials, “Instead of lurking in malls, train stations, homeless shelters and brothels to find vulnerable people, traffickers have a plethora of digital tools to target potential victims”. Billions of messages get posted and calls made on a regular basis, through apps and websites like Facebook, WhatsApp, and Skype – this being the ideal hiding place for traffickers. Whether it’s a place for car wash, or a construction site or a refugee camp, modern slaves are hidden in plain sight all over the world. Different search and rescue tools fit different jobs. Technology continues to be a small part of a much bigger effort. Recruitment is delayed because there are too many players and no accountability. The Fair Employment Agency (FEA) offers a platform for employers and domestic helpers to connect directly. In such cases technology comes as a huge rescue in clearing up and reducing the number of players. The FEA, has claimed to have made 2,000 connections since 2015, saving the workers’ money to the tune of \$3 million, that would otherwise have gone to recruiters. Multiple accounts are used by the traffickers across the nations. Small amounts are transferred through banks which go undetected according to an Israeli-based cybersecurity and big data analytics company called ThetaRay. An investigation by the Global Emancipation Network (GEN), a tech anti-trafficking collective resulted in identifying about 1,000 traffickers online in 2018. However mere technology alone cannot save the whole world, but it can help in assisting and improving the investigation conditions for those who are trying to save the world. Nevertheless, despite all the growing international collaboration on anti-slavery laws, data and funding there is a deficit in law enforcement cooperation. Very often requests from poorer nations to the major countries often get overlooked. There is lack of capacity and training to tackle crimes online, therefore it is seldom that newer forms of trafficking get captured. With an enhancement in the slavery business day after day due to impact of war and disaster, greed and inequality, there is a lingering fear among the experts that technology has become an advantage for the human traffickers building an edge over those that are hounding the culprits. The global spread of cheap, fast internet and surging smartphone ownership has taken slavery into altogether a different height. Technology has helped in lowering the entry level of the bar of entry into the criminal world ultimately turning the modern slavery into a vast expanse.

Indian Context

In Asia, video calls have been successful in revolutionizing the pursuit of justice in trafficking cases across India, Bangladesh and Nepal, where survivors could go home after being freed or rescued and to testify via software such as Skype. In India the conviction cases of human trafficking are rare as most victims turn hostile as they are forced to testify in court, face their abusers, and stay in a shelter throughout the generally lengthy trials. A victim from Bangladesh when questioned by the Indian authorities after rescue was too timid and lied out of fear. On the contrary when the trial was in her own country, there was no fear. Seeing the trafficker on the screen is much less of a stress for the victim in comparison to seeing them in person. It is easier for her to identify on screen without any fear.

No doubt the region as a whole has made efforts to combat human trafficking. India at present is in Tier 2 of the TIP report [19] (US Dept of State, 2019), but estimating its exact magnitude and the severe lack of information about data as regards the number of people victimized as well as the pattern of trafficking flow

has left a void in its research, making the issue more complicated. Some estimates put the figure in millions while others estimate a few hundred thousand to be on the lower side. Out of an annual 1 to 2 million women, men and children, that are trafficked worldwide, it has been estimated that around 225,000 of them belong to the SAARC region [15] (*International Journal of Gynaecology & Obstetrics*, 2006). During the past thirty years trafficking for sexual exploitation alone has victimized some more than 30 million Asian women and children. At present South Asia is witnessing an alarming trend of increasingly younger girls being trafficked into the illegal flesh trade. The majority of trafficking in India, both trans-border and in country, happens for the purpose of sex work, and over 60% of those trafficked into sex work are adolescent girls in the age group of 12—16 years [16] (UNDP, 2005). Among the worst factors that play a negative role is the lack of implementation of the anti-trafficking laws. If at all laws are implemented, the punishments are not enough to put a positive effect on trafficking sensitization programs for general public and specifically for stakeholders. There is a severe deficit in providing resources for training, technical assistance and auditing to ensure that trafficking is fully eradicated from their supply chains. However, South Asia has shown that with modest amounts of funding and focused advocacy, targeting law enforcement could bring dramatic changes in the response of ‘governance structures’ and an upgrading in the role of institutions for improving the overall situation. No doubt India has improved this year and has been put in Tier 2 rank from Tier 2 Watch list in the 2019 TIP report but it needs to do more in order to maintain the position.

India is a source, destination, and transit country for men, women, and children who are mainly subjected to forced labour and sex trafficking. The forced labour of millions of its citizens constitutes India’s largest trafficking problem; men, women, and children in debt bondage are forced to work in industries such as brick kilns, rice mills, agriculture, and embroidery factories. They are even trafficked out to countries like Maldives, Sri Lanka, and other South Asian countries. The TIP report of various years states that ninety per cent of trafficking in India is not only internal but are from India’s most disadvantaged social strata, including those belonging to the lowest caste who are the most vulnerable. Children are often subjected to forced labour in factories and as domestic servants besides being made to beg and work in the agricultural fields. There are children who are forced to work in some areas as carpet weavers. Not only carpet weaving belts but children have been found in the hybrid cotton seed plots of Gujarat. An increasing number of job placement agencies lure adults and children for forced labour or sex trafficking under false promises of employment. Indian boys from Bihar are increasingly subjected to forced labour in embroidery factories in Nepal (Trafficking in Persons Report – India: 2013). While men from Rajasthan have been trafficked to Maldives as forced labour under false promises [3] (Dutta, 2015).

There have been instances of murders of two women from Uzbekistan. Thus hundreds of foreigners who have been trapped in flesh trade in the national capital is not a secret anymore. Those who try to cheat their Indian handlers are often thrashed and confined and sometimes even killed [17] (Shakti Vahini, 2015). Unfortunately prostitution rackets also prevail in the capital as there are orders for the local police not to carry out raids under the Immoral Trafficking (Prevention) Act without collecting enough evidence and permission from senior officers. Such orders were issued by senior officers from the Delhi Police, as a result of receiving regular complaints of corruption and harassment of sex workers by the policemen. Apart from Uzbekistan, the other preferred countries include Greece, Kazakhstan and Kyrgyzstan. Although there is no official estimate, police say there must be around 2,000 women from these countries working in the capital. Currently, foreign nationals apprehended on charges of human trafficking are treated in line with the SAARC convention.

According to Rishi Kant from Shakti Vahini, “foreign nationals come here on tourist visas as part of dancing troupes and get into flesh trade. Traffickers are no longer gutkha-chewing, uneducated men and women. They carry mobile phones, speak English and can be respected members of the society”. The probe in such cases revealed, that traffickers are increasingly using technology to coordinate, swap and share information, move money, and yet remain anonymous. Therefore the probe agencies need to be prompt and react in terms of upgradation in technology. AI can play a huge role in nabbing such culprits. Scientists believe that AI can help in identifying and rescuing child victims of sex trafficking.

Techniques like Google and Facebook are used to make a profit by understanding people - the way they connect, their interests, what they might buy or the activities that they like to engage in. Those same technique can be applied for data mining, text mining, often referred to as graph mining. AI that's being used by the criminal traffickers can be used for legitimate and really profitable purposes and track these illicit behaviours.

With the help of AI and other technology tools its possible to manage and make use of the large amount of text data available in legal documents. This would come to the aid of other organization's work and help the prosecutors build robust and stronger cases. The synergy of experts in all these fields need to come together and try to coordinate efforts so that people start working towards solution and not work in solitary confinement. This alone will make a true impact on this crime and be able to identify victims at places where they are missed, provide opportunities to leave and find safety, identify perpetrators, and look at the policies in a coordinated manner.

References

- 1 US Dept of State, 2017: Trafficking in Persons. Retrieved from <https://www.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/2017/>.
- 2 Miko Francis, 2007: International Human Trafficking, in Transnational Threats, ed. Kimberly Thachuk (Westport, CT: Praeger Security International, 2007).
- 3 Dutta M, 2015: Retrieved from *Understanding Maldives in the Context of Trafficking* in Development and Regional Cooperation in Central and South Asia: Euro-Asian Perspectives, Edited By Henrik Berglund, Mondira Dutta & Per Hilding, Pentagon Press, Oct 2015, New Delhi, ISBN: 978-81-8274-864-4, 9788182748644.
- 4 Samuels A, 2015: Narratives of Uncertainty: The Affective Force of Child-Trafficking Rumors in Post disaster Aceh, Indonesia, *American Anthropologist*, 2015.
- 5 CdeBaca Luis, 2010: Best Practices: Human Trafficking in Disaster Zones, U.S. Department of State, May 24, 2010. *state.gov*. Retrieved from <http://www.state.gov/j/tip/rls/rm/2010/142160.htm>.
- 6 Finn Joshua, 2016: Human Trafficking and Natural Disasters — Exploiting Misery, *International Affairs Review*, Vol XXIV, 2016.
- 7 Dutta Mondira, 2010: Evaluation study on the UNIFEM Regional Anti-trafficking Programme in South Asia, (2000–2009) as the team leader. UNIFEM South Asia Regional Office, New Delhi, February 2010.
- 8 Dutta Mondira, 2011: 'Mapping Vulnerability to Trafficking of Women and Children in India', sponsored by UN Women and the National Commission for Women, March 2011, UN Women, New Delhi.
- 9 Kemp Simon, 2019: *wearesocial.com*. Retrieved from <https://wearesocial.com/uk/blog/2018/01/global-digital-report-2018>.
- 10 Digital Reasoning, 2017: *digitalreasoning.com*. Retrieved from <https://digitalreasoning.com/blog/heart-inside-machine-using-ai-combat-modern-slavery/>.
- 11 UN SDG, Knowledge Platform, 2019: *sustainabledevelopment.un..* Retrieved from <https://sustainabledevelopment.un.org/hlpf/2019>.
- 12 Spotlight, 2017: *thorn.org*. Retrieved from <https://www.thorn.org>.
- 13 Be My Protector, 2018: *bemyprotector.com*. <https://www.bemyprotector.com/about>.
- 14 US Dept of State, 2019: Trafficking in Persons (TIP) Report, 2019. *en.wikipedia.org*. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Trafficking_in_Persons_Report.
- 15 International Journal of Gynaecology & Obstetrics, 2012: Concept Paper of Research Study on Human Trafficking 2012. *ijsr.net*. Retrieved from https://www.ijsr.net/search_index_results.php.
- 16 UNDP, 2005: *modern diplomacy.eu*. Retrieved from <https://modern diplomacy.eu/2018/12/28/human-trafficking-in-south-asia-combating-crimes-against-women/>.
- 17 Shakti Vahini, 2015: *shaktivahini.org*. Retrieved from <https://shaktivahini.org/foreigners-lost-in-sex-maze/>.

Мондира Дутта

Адам саудасымен күресудегі технологиялардың рөлі

Кедейшілік — гендерлік теңсіздікті нығайта отырып, әйелдердің жағдайын нашарлатады. Осындай жағдайларда адам саудасы оңайға соғады. Өкінішке орай, адам саудасы жөнінде эмпирикалық мәліметтердің жетіспеуі байқалады. Оңтүстік Азия адам саудасының пайда болған және орын алған, сонымен қатар әйелдер мен жас балалар саудасы кең тараған аймақ болып саналады. Мақалада адам саудасы мен технологияларды қолданудың өзара байланысын анықтауға ұмтылыс жасалды. Автор адам саудасымен айналысатын жеке тұлғаны және оның маршрутын анықтау үшін технологияларды қолданудың қажеттілігін көрсетеді. Автор табиғи апаттан кейін AI-дің қауіпсіз жерлерге деген қолжетімдікті іздестіруге мүмкіндік беретіндігіне үлкен назар аударады, себебі, адамдар балама тіршілік көзін іздеуге мәжбүр. AI және басқа технологиялық шешімдердің көмегі арқылы заңнамалық құжаттардағы мәтіндік мәліметтердің үлкен көлемін басқаруға және қолдануға болады.

Кілт сөздер: жасанды интеллект, технологиялар, адам саудасы, мәліметтерді басқару, цифрлік әлем, адам саудасы үшін бағдарламалық қамту, машиналық тіл.

Мондира Дутта

Роль технологий в борьбе с торговлей людьми

Бедствия усиливают, закрепляют гендерное неравенство, ухудшая положение женщин. В таких ситуациях торговля людьми становится удобной. К сожалению, существует нехватка эмпирических данных о торговле людьми — не только после катастрофы, но и до нее. Южная Азия является источником происхождения и местом назначения для торговли людьми в различных уязвимых точках, таких как границы, где торговля женщинами и детьми является наиболее распространенным явлением. В статье предпринята попытка осветить взаимосвязь между торговлей людьми и использованием технологий. Автором подчеркивается необходимость использования машинного языка и других технологических инструментов, чтобы лучше понимать лица и маршруты, которые использует торговец. Уделено пристальное внимание тому, как AI обеспечивает расширенный доступ к безопасным местам после стихийного бедствия, которое вынуждает людей уезжать в поисках альтернативных средств к существованию. С помощью AI и других технологических решений можно управлять и использовать большой объем текстовых данных, имеющихся в юридических документах.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологии, торговля людьми, бедствия, управление данными, цифровой мир, программное обеспечение для торговли людьми, машинный язык.

G. Movkebaeva^{*}, A. Toguzbayeva, G. Abdirova

*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
(E-mail: gmovkebaewa@mail.ru; alia_8783@mail.ru; gulmira_ea@outlook.com)*

Development of cooperation of Kazakhstan and the European Union in the field of renewable energy[†]

The article examines the history of cooperation between Kazakhstan and the European Union in the field of renewable energy sources. Alternative energy issues have been widely discussed in recent decades and have become a topic of scientific and political discussion. However, depending on the relative novelty of this energy sector and the extent of use of alternative sources in General, this problem should not yet be considered sufficient. In addition, the experience of European countries in the use of alternative energy sources and the transition of the energy sector to renewable energy sources is a valuable source of knowledge for countries such as Kazakhstan, which have just started to introduce renewable energy sources in the future, or are intending to increase the percentage of their participation in the energy sector.

Keywords: renewable energy, the European Union, Kazakhstan, energy resources, international agreement, international cooperation, renewable energy potential of Kazakhstan.

Introduction

Renewable energy sources are now recognized globally as major energy sources. Rapid growth, particularly in the energy sector, is driven by numerous factors, including increased cost-effectiveness of renewable technologies, targeted policy initiatives, greater access to finance, energy security and environmental concerns, growing energy demand in developing and emerging economies, and the importance of access to modern energy sources. In this regard, new markets for both centralized and fragmented renewable energy are developing in all regions. One of the most notable features of renewable forms of energy is the diversity of technologies and resources. There is no doubt that the final volume of renewable energy sources is large and potentially can make a very significant contribution to the world energy needs - easily exceeding the current world electricity supply.

Recent years have been particularly important for renewable energy development around the world, and to date there has been the greatest increase in global capacity, although challenges persist, especially outside the energy sector. Over the past few years, there have been a number of changes that are relevant to renewable energy, including a sharp decline in world fossil fuel prices; a number of statements concerning the lowest ever prices of long-term renewable energy contracts; significant increase in attention to energy conservation and the historic Paris Climate Agreement, which brought the world community together.

The case of European countries in the context of alternative energy can be considered very indicative, because the members of the European Union, having strong economies and progressive social-oriented views, are clearly aware of the need to transform the energy sphere and, as a result, will carry out the continuous necessary work in this direction. The active introduction of renewable energy sources in Europe also shows a good example for countries such as Kazakhstan, because it proves, firstly, the effectiveness of alternative technologies, and secondly, contributes to the borrowing of positive experience, but already without the need to make mistakes in this industry.

Methods

The methodological part of the research consists of a number of theoretical and empirical methods. When working on reliable documentary sources for this work, we used the content analysis method, examining such documents as the "Memorandum of understanding on energy cooperation"; the Extended partner-

^{*}Corresponding author's e-mail: gmovkebaewa@mail.ru (G. Movkebaeva)

[†]This manuscript was written under grant from Kazakhstan Ministry of Education and Science №AP05135081 "The problem of energy security within EAEU of energy policy-making framework" coordinated by Prof. Dr Galiya Movkebayeva (Al-Farabi Kazakh National University)

ship and cooperation agreement between the European Union and the Republic of Kazakhstan "and" the Concept of a sustainable energy strategy for Kazakhstan until 2050", mentioned in the main part of this work. Then, in this work, we used case studies and event analysis to review the results of official meetings and agreements reached between Kazakhstan and European countries such as Germany and France in the field of renewable energy. The method of system analysis was of great importance in studying the forms of interaction between the EU and Kazakhstan-official meetings, joint events on alternative energy sources, joint projects and joint research in this area.

The following methods were also used for the study: classification of agreements and complex measures aimed at introducing new energy sources; generalization of the results of each agreement and a view from the point of view of their effectiveness. Renewable energy sources are now recognized worldwide as the main sources of energy. Rapid growth, especially in the energy sector, is driven by numerous factors, including improved economic efficiency of renewable technologies, targeted policy initiatives, increased access to finance, energy security and environmental concerns, growing demand for energy in developing and emerging economies, and the importance of access to modern energy sources. In this regard, new markets for both centralized and fragmented renewable energy are developing in all regions, and therefore this issue is absolutely worth studying and analyzing.

Results and discussion

The Republic of Kazakhstan is one of the world leaders in the diversity and quantity of minerals. Since oil and gas, coal and other minerals are the most significant for the country economy, so the legislative framework in these sectors of the economy is so developed, historically the government has been less focused on the development of alternative energy sources. For example, most power plants in Kazakhstan currently operate on natural gas, coal or petroleum products.

However, the recent crisis in the world economy and awareness of the need to reduce the energy intensity of the economy and the impact on the environment have led to focus actively on creating an enabling environment for renewable energy. Today, the use of this kind of energy has become an important and mandatory direction of future energy development. Kazakhstan has all the necessary resources in this regard. The state sets ambitious goals to increase the share of renewable energy sources in the energy system of the country.

One of the priorities for the development of "green" energy in Kazakhstan is the development of renewable energy sources. According to the concept, in the next few years the country should achieve a 3% share of renewable energy sources in the total volume of electricity, which is an ambitious task, taking into account that the current share of renewable energy sources use in Kazakhstan is less than 1% of the energy balance of the republic. Therefore, a number of regulations regulating the renewable energy market have been adopted to implement these ambitious plans, such as Order of the Minister of Energy of the Republic of Kazakhstan No. 730 of 18 December 2015 "On Approval of the Rules for Monitoring the Use of Renewable Energy"; Law of the Republic of Kazakhstan No. 541 as of 28.12.2016 on energy saving and energy efficiency improvement, etc.

Kazakhstan has a huge potential for renewable energy sources, in particular for solar energy development due to the presence of vast territories and favorable climatic conditions in some regions. In this regard, the European Union and Kazakhstan have been partners since the independence of the Republic and are engaged in an ever-expanding joint dialogue. In the early years of cooperation, the dialogue focused mainly on trade and investment, but since 2002, it has started to cover other important areas such as transport and energy. Despite the fact that cooperation between the EU and Kazakhstan concerns many different areas, the sphere of energy resources remains one of the most important in their relations.

Kazakhstan has huge potential also for wind and small hydropower plants. The Republic of Kazakhstan is able to generate 10 times more energy than it currently needs only through wind energy. However, renewable energy accounts for just 0.6% of all power plants. Of these, 95% are small hydropower projects. The main barriers to investment in renewable energy sources are relatively high financial costs and the lack of uniform tariffs for the supply of electricity from renewable sources. The volume and duration of renewable energy tariffs are estimated separately for each project based on feasibility studies and project-specific costs.

Considering the lack of electricity in the country, especially in the southern regions, the wider use of alternative sources is of particular importance. The inefficiency of centralizing the energy supply on the territory of 2.7 million square kilometers Kazakhstan with low population density results in significant losses of energy during its transportation. Therefore, the use of renewable energy will reduce the costs of electricity

supply to remote locations and significantly save on the construction of new power transmission lines. In such conditions, there was a great need of finding reliable and powerful partner in this sphere.

Environmental pollution and catastrophic climate change - fossil energy has become one of the main causes of the most pressing problems of our time. Already today all over the world politicians, ecologists, energy specialists understand that the planet urgently needs to switch to renewable energy sources. Climate anomalies are no longer hard to overlook, and if the energy model stays the same, a global disaster will come to every country. Climate change can seriously harm the country – agriculture will be destroyed, and many regions will be left without water. In addition, scientists estimate that oil consumption will peak within the next 10-15 years, after which demand for "black gold" will fall. It is already clear today that the economy needs to diversify to avoid environmental, climate and economic problems. Meanwhile, market participants note that green energy in Kazakhstan is developing quite slowly today. Specialists have developed a Charter - an appeal to the Government of Kazakhstan, which lists proposals and recommendations for more intensive development of renewable energy.

It is significant to mention that the economy of Kazakhstan relies mainly on the oil sector, as well as on the extraction of coal and uranium and other important raw materials. Over the past two decades, Kazakhstan and the EU have developed strong and mutually beneficial relations in the field of energy. Major European energy companies have invested heavily in Kazakhstani oil and gas industry. At present, about 70% of the total volume of Kazakhstan oil exported is in the European Union, which corresponds to about 6% of the total volume of EU oil imports [1].

Moreover, Kazakhstan has large uranium reserves and ranks first in the world in the production and export of uranium raw materials, being the largest supplier for the EU nuclear industry. Thanks to increased production and exports to Europe, Kazakhstan contributes to the diversification of energy sources for the EU, thus strengthening the energy security of the European Union [2].

However, over the past decade, the EU-Kazakhstan relationship has also taken over the sphere of renewable energy. The development of "green" energy in the Republic of Kazakhstan is beginning to gain momentum, opening up new opportunities for cooperation with world giants in this field, such as the European Union. The most promising area for the development of interaction is cooperation in the area of improvement of energy efficiency. The European Union, being the one promoting the Goals of the United Nations Sustainable Development, introducing a green agenda on the international level, is extremely interested in the transition of the Central Asian countries to a "green" model of the economy.

The energy diplomacy of the European Union in Kazakhstan began to develop with the signing of the Memorandum, recognizing Kazakhstan as one of the main producers of energy resources in the Caspian region. More practical aspects of EU-Kazakhstan energy relations are discussed in this Memorandum of Understanding on Co-operation in the field of energy signed in Brussels in 2006. This Memorandum covers issues such as energy security and investment; increased security of supply, predictability of demand; construction or modernization of transport infrastructure of mutual interest, promotion of industrial cooperation (exploration and production, processing and sale); and, of course, alternative sources of energy [3].

Such agreements clearly demonstrate the considerable interest of the EU Member States in the dynamic development of cooperation with our country, as well as the fact that Kazakhstan and the European Union share the desire to create a qualitatively new solid legal basis for deepening cooperation in the conditions of global competition taking into account economic and geopolitical interests.

In 2007, since the EU Council signed the document "European Union and Central Asia: Strategy for a New Partnership," economic, energy and transport initiatives have been placed at the forefront of priorities, and political, humanitarian and democratic policies have taken an integral position to support economic objectives. In addition, Kazakhstan, as a beneficiary of INOGATE technical assistance programme, uses investment programmes, such as the Sustainable Energy Financing Fund, which was financed in 2008 for 300 thousand euros. In addition to this fund, Kazakhstan receives considerable support from the European Union with various regional programs for the development of the energy sector. The European Union needs these financing for the energy integration of the countries of Central Asia and the Caspian region [4].

Close cooperation between Kazakhstan and the European Union, in particular with France, is observed in the sphere of solar energy. This cooperation covers both the production of materials for solar panels, in this case pure "solar" silicon, but also the operation of already finished solar plants.

In October 2010, Nursultan Nazarbayev visited France in order to sign an agreement on the KAZPV project - on the creation and development of silicon solar energy in Kazakhstan. The basis for its implemen-

tation is the presence of huge reserves of high-purity quartz in the subsoil of Kazakhstan, which is the basis for the creation of plants for solar power plants [5].

In the same year, an agreement was reached between "NJSC Kazatomprom", LLP "Kaz Silicon" and French company "CEIS" on the development of solar energy technologies in Kazakhstan and the creation of a fully integrated industrial line for the production of photovoltaic panels for solar energy. Here there is not only a possible economic effect, but also transfer and development of high technologies. In addition, "NJSC Kazatomprom" and "CEIS" intend to continue cooperation in the scientific and research sphere and to create a joint scientific and research laboratory for the development of technologies related to renewable and alternative energy.

Later, during numerous high-level meetings held with European representatives on a regular basis, Kazakhstan is considered as a key resource partner of Europe in Central Asia. For that reason, there are many cooperative projects in the sphere of "green" energy are realized and planned for the future. For example, in 2010 the President of the European Strategic Research Company "CEIS" Mr. Olivier Darrason visited JSC "Center for Engineering and Technology Transfer". As part of the visit, the contract with CEIS was signed as the first joint project of the Kazakh-French Center for Technology Transfer for research in the field of solar energy. The National Solar Energy Institute was involved in this examination.

Then, in April 2011, Chairman of the Board of NJSC "Kazatomprom" Vladimir Shkolnik and General Manager of the Commissariat for Atomic Energy of France – CEA, Bernard Bigot signed a Memorandum of Intent on carrying out joint R&D programs in the field of new materials for various types of renewable energy sources. At the same time, an agreement was reached on the transfer of CEA technologies, which will allow Kazakhstan to maximize its potential for creating new sources of energy. They also discussed the issues of launching a plant for cleaning metallurgical silicon produced in Kazakhstan at "Kaz Silicon" LLP to silicon of solar quality in Ust-Kamenogorsk and a plant for the production of solar panels in Nur-Sultan.

On December 10, 2011 near the city of Astana (now Nur-Sultan) started the construction of a plant for the production of solar panels based on silicon produced in Kazakhstan. In addition, on March 11, 2011, the head of the national nuclear company "Kazatomprom" announced the start of construction of a plant for the production of solar panels. The construction of the plant is part of a large-scale project carried out by NJSC "Kazatomprom" with the assistance of the French consortium headed by the Commissariat for Atomic Energy and Alternative Energy Sources of France. [6]

Further, in 2013, the Concept of the Strategy for Sustainable Energy of the Future of Kazakhstan until 2050 was developed within the framework of the VI Astana Economic Forum, which considered the transition of the country to a green economy. The developers of this strategy held a number of meetings with the staff of the UN General Secretariat, because of which they were approved by the United Nations. The concept consists of 154 pages: in 7 sections on energy of the Republic of Kazakhstan and on world energy, on national issues in the field of energy, goals and objectives of the strategy, analysis on reserves of resources, on implementation of the strategy, on parameters and stages of implementation, action plan. The document provides for the implementation of the national initiative "Green Bridge", Green Growth, which takes into account the decisions of the UN on sustainable development.

The first section of the Concept highlights a paragraph on EU, Russian and Belarusian energy initiatives. On the initiatives of the EU, it was stressed that 3 provisions of the European Strategy for Sustainable, Competitive and Safe Energy should be considered in the development of the Kazakhstan strategy: recommendations on the full analysis of EU energy are given; recommendation to consider the use of coal and lignite and consideration of legislative structures on efficient use of energy [7].

Other questions on renewable energy interaction are outlined in the document "The Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the EU and Kazakhstan". This Agreement has been accepted in 2015 and still regulates the relations between the European Union and Kazakhstan both in the sphere of traditional energy resources and renewable energy. The Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and the Republic of Kazakhstan recognizes the need for enhanced, sustainable and effective cooperation in the field of energy to ensure energy security based on the principles of mutual interest, reciprocity, transparency and predictability. The Agreement contains provisions on mutual investment, scientific and technical cooperation and exchange of information on energy-efficient and environmentally sustainable technologies, joint educational programs in the energy sector, etc.

According to the Agreement both partners shall refrain from maintaining or adopting measures requiring the formation of partnerships with local companies, unless such partnerships are deemed necessary for technical reasons and the Party maintaining or adopting such measures can demonstrate such technical rea-

sons upon request by the other Party; ensure that any rules concerning authorisation, certification and licensing procedures, if applicable, in particular with regard to equipment, plants and associated transmission network infrastructures, are objective, transparent and non-arbitrary and do not discriminate against applicants from the other Party; ensure that administrative charges in renewable energy sector, such as those paid by consumers, planners, architects, builders, equipment installers and suppliers, are transparent and limited in amount to the approximate cost of services rendered, etc [8].

Kazakhstan became the first country in the CIS territory to sign a document of such format with the European Union. The process of ratification of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and the Republic of Kazakhstan is proceeding very rapidly - 18 of the 28 EU Member States have ratified the Document within two years since its signing.

Another form of interaction between Kazakhstan and the European Union is through the European Bank for Reconstruction and Development – EBRD. Cooperation with the largest EU financial representative in the region, the European Bank for Reconstruction and Development, continues to grow and expand, as evidenced by the agreement on 17 alternative energy projects worth more than half a billion dollars, which were signed in recent years.

The European side notes that in Kazakhstan the EBRD portfolio is growing much faster than in other countries of the region. "The issue of renewable energy, or more precisely the topic of green investments, is very acute, as Kazakhstan remains one of the least energy-efficient countries not only in the region, but all over the world. Although I see this as a great potential not only for investments, but also for improving competitiveness through investments in energy efficiency", EBRD Director for Kazakhstan Agris Preimanis said. According to him, the development of renewable energy in the country is taking place, in particular, thanks to the close cooperation of the Ministry of Energy of Kazakhstan, the EBRD and other organizations on various issues, including the improvement of the regulatory base. In its activities in Kazakhstan, EBRD also supports commercial projects [9].

In addition, the International Exhibition "Expo-2017" on the topic "Energy of the Future" confirmed the commitment of Kazakhstan to the goals of sustainable development and confirmed the desire of the state to develop in the field of renewable energy. The plans of Kazakhstan to create an investment and innovation center of Eurasia on the basis of Expo coincide with the regional interests of the EU.

The use of advanced energy technologies will allow the state not only to increase the competitiveness of the economy, but also to ensure the rapid movement of goods and services throughout the territory, which is of particular interest to the EU due to our geographical location between Europe and Asia. Significantly, Kazakhstan has strengthened its image as a dynamically developing state in the Eurasian region [10].

The Expo once again showed the commitment of our country to the idea of developing green technologies and clean energy. For scientists and experts of science it was important to hold various scientific events within the Expo exhibition, where we were able not only to demonstrate their research works, but also to interact with leading scientists of the world, Nobel Prize winners, well-known experts, heads of large energy companies of the world. Kazakh scientists managed to see and learn about the main priorities of world development in the field of green energy, on which foresight and critical technologies today research is carried out in different countries.

The conclusion of the international exhibition "Expo-2017" raises the question of the prospects for the implementation in Kazakhstan of the principles and ideas discussed at the Expo: the ideas of sustainable and harmonious development within the framework of the green economy, green technologies, green energy [11].

Kazakhstan, which has proposed a number of international initiatives in this field and formulated an agenda Expo-2017 (Energy of the Future) aimed at their implementation through the development of energy of the future, has an opportunity to demonstrate the success of the green economic growth strategy. Over the years, Kazakhstan has consistently pursued the development of a green economy at both the national and international levels. Kazakhstan efforts to introduce clean energy are based not only on the desire to develop appropriate technologies, but also on the existence of a significant resource potential for future energy, in particular the vast potential for generating electricity from renewable sources of energy. Renewable energy in international practice is understood to mean solar, wind, hydropower (in the context of a green economy - small hydroelectric power plants), biofuel, geothermal and some others. For Expo-2017: modernization breakthrough of Kazakhstan, due to natural and climatic specifics, not all types of renewable energy are relevant, the most promising are hydropower, as well as solar and wind.

Another program for the renewable energy is being realized in the area of wind energy. Ministry of Energy and Mineral Resources of Kazakhstan and the United Nations Development Program "Kazakhstan - Initiative for Wind Energy Market Development" a draft of the National Wind Energy Development Program was developed up to 2024.

The National Wind Energy Development Program aims at involving significant wind energy resources in the energy balance of the country and thus supporting plans to reduce the energy intensity of the economy and increase the share of alternative energy sources in the overall energy balance of the country. Up to 5% by 2024 and stabilization of greenhouse gas emissions at the level of 1990. The aim of the Program is to use the wind power potential of Kazakhstan to generate electricity in the amount of 5 billion kW by 2024 [12].

The German Concern Vestas is considering the possibility to invest about 200 million euros in the construction of wind farms in Kazakhstan. Currently, the Concern has developed a business plan for the installation of wind farms near Nur-Sultan, in Ereimentau and Shelek. Potential power is expected to be up to 500 mW. Possible partners for the Concern Vestas are KEGOC and Samruk-Energo, which will possibly act as ones implementing the cooperative projects on-site [13].

There are many documents regulating the relationship between Kazakhstan and the EU in the field of energy. In spite of the fact that in most cases these documents and the adopted agreements deal directly with classical types of energy resources, such as oil and gas, as well as with issues of nuclear energy, there are points concerning alternative "green" energy sources, which supports the opinion about the process of expansion of interaction in the sphere of renewable energy between the EU and the Republic of Kazakhstan.

Another high-level policy dialogue on renewable energy investment projects was held in Astana on April 26-27, 2018, organized by the Ministry of Energy of Kazakhstan with the support of UNECE, the European Commission and the United States Agency for International Development. The meeting was attended by numerous stakeholders, including politicians, representatives of governments, financial institutions, civil society, businesspersons, investors and experts, who gathered in Astana to discuss opportunities and problems of investments in renewable energy sources in Kazakhstan.

The meeting noted many advantages of renewable energy in terms of energy security, economic development and environmental protection. In addition, they identified several barriers that investors still experience, as well as strategies and tools of best practice to overcome them.

The country currently has a system of State support under the Renewable Energy Support Act. Since 2017, the Ministry of Energy of Kazakhstan has given the right to support renewable energy on the basis of competitive selection, while until 2017 the country had fixed tariffs, which the investor received for 15 years.

Green energy attracts more and more supporters in Kazakhstan. The International Business Festival "Solar Fest Qazaqstan 2019" held in July showed great business interest in new technologies and renewable energy. More than 300 specialists from all over the world took part in this event. The forum discussed issues that impede the development of renewable energy in Kazakhstan, developed possible ways to solve these problems, and prepared a Charter - an appeal to the Government of Kazakhstan.

On 25 September 2019, Nur-Sultan hosted the III Renewable Energy Summit, an international industrial platform attended by more than 300 delegates from 20 countries, including EU partners. The theme of the Summit was "Development of alternative energy potential - a condition for the implementation of the initiative on the construction of the "Economy of the Future". The project also solves the strategic task of attracting to Kazakhstan international developers, investors and suppliers of technologies in the field of renewable energy sources, as well as leading specialists from all over the world for communication and exchange of experience.

With the deterioration of the global environmental situation, climate change and the reduction of fuel and energy resources, green growth, renewable energy development and environmental safety are of particular importance and the integration of energy markets and harmonized energy policies of states contribute to the promotion and development of renewable energy support mechanisms. Despite the difficulties associated with the introduction of green technologies into the energy sector of the Republic of Kazakhstan, it is necessary to say that renewable energy sources will be able to become a full participant in the energy market if Kazakhstan maintains its strategy in this sphere. Partnership with European Union countries, concluded agreements in this sphere, programs implemented jointly on the territory of Kazakhstan, as well as exchange of experience with more "progressive Europe" will create a strong basis for the development of renewable energy in Kazakhstan. "Kazakhstan is consistently engaged in the development of renewable energy sources, for which all necessary conditions are created in the country: a legal framework has been created, fixed tariffs have been approved, research on the potential of different sources of renewable energy has been carried

out, the potential and readiness of the network infrastructure for the integration of renewable energy into the network has been assessed", the Vice Minister of Energy noted.

Alternative energy in the future can become one of the strongest vector of development of states, and Kazakhstan needs to prepare to introduce renewable sources into economics completely, as well as to develop and expand cooperation with more confident partners in this sphere on the world stage. Our country is recognized by the European Union as a mature and cooperative state, ensuring a high standard of living for the population and pursuing an active and balanced foreign policy.

In general, world recognition of Kazakhstan activity in the international arena, stable economic growth and improvement of the investment climate - all this will continue to contribute to increasing political and economic interest of the EU countries and deepening multifaceted and constructive cooperation.

It turned out that in the second decade after the independence of Kazakhstan relations with the European Union became sharply different. While in the 1990s there were large Western TNCs in Kazakhstan oil and gas fields, by 2007 and after there was a medium and long-term legislative framework, and infrastructure for transportation of energy resources to Europe. The European Union Green Policy (on reducing oil and gas imports until 2040 and developing a new energy policy in the EU since 2014) also suspends the development of EU-Kazakhstan energy relations. Despite a step back from the EU, Kazakhstan is going to a meeting offering its Concept of Sustainable Energy Strategy of Kazakhstan future until 2050 in 2013, which is based on green growth of economic and energy development.

Clean energy development is vital to combating climate change and limiting its most devastating effects. 2014 was the warmest year in history. The temperature of the Earth has risen by an average of 0.85° C since the late 19th century. As a result, renewable energy has received important support from the international community within the framework of the Paris Agreement signed at the World Climate Summit held in the French capital in December 2015.

However, there are there are major uncertainties which will influence the technical and economic and in particular the implementation potential of renewable energy technologies. The uncertainties include carbon and fuel price fluctuations. For example, there has been social opposition to energy infrastructure (whatever it is electricity grids, renewables, nuclear or shale gas) in some European Union countries, Japan, South Korea and United States. Therefore, social factor should be considered more fully for the development of future energy scenarios. In addition, there are technological uncertainties. The price of PV panels drops significantly over the last 20 years and this will continue into the future but how it will impact on the development of the whole power sector and well-established oil and gas sectors. The most challenging things is policy uncertainties. When the government is changed, their energy policy is also subject of change. The reducing policy uncertainty is a crucial component of effective renewable energy development [14].

Renewable energy sources are sources of clean, inexhaustible and increasingly competitive energy. They differ from fossil fuels mainly in their diversity, abundance and potential for use anywhere on the planet, but above all because they produce the greenhouse gases that cause climate neither change nor polluting emissions. Their costs are also declining at a steady pace, while the overall trend in fossil fuel costs is in the opposite direction, despite their current volatility.

Over the past two decades, Kazakhstan and the EU have developed strong and mutually beneficial relations in the field of energy. Kazakhstan had great potential for alternative or renewable sources of energy, which should replace natural resources in the long term, as well as reduce energy and transport costs and lead to overall environmental improvements. The transition of the country to the green path of development is a strategic goal and is proclaimed within the framework of the principles Kazakhstan Strategy 2050: a new policy of the state.

Conclusions

Renewable energy can become one of the strongest vectors of alternative energy development in the future, and Kazakhstan needs to prepare for the full introduction of renewable sources into the economy, as well as to develop and expand cooperation with more confident partners in this sphere on the world stage. Our country is recognized by the European Union as a mature and cooperative State, ensuring a high standard of living for the population and pursuing an active and balanced foreign policy.

Since the Republic of Kazakhstan has a certain potential for RES development, it should be noted the development of renewable energy sources (RES) and their integration into the power system of the Republic of Kazakhstan, and measures aimed at reducing emissions of greenhouse gases in the atmosphere, the transition to a "green economy", energy efficiency and energy saving.

References

- 1 Расширенное соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Казахстан. — [Электронный ресурс]. — Люксембург, 2015. — С. 29. Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0485_EN.html.
- 2 Иванов Д.А. Роль энергетического фактора во взаимодействии Казахстана с Европейским союзом / Д.А. Иванов // National Interests: Priorities and Security. — Т. 13. — Вып. 9. — 2017. — С. 1731, 1732.
- 3 Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области энергетики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/memorandum_of_understanding_on_cooperation_in_the_field_of_energy_between_the_europe_an_union_and_the_republic_of_kazakhstan_en.pdf.
- 4 EU projects with Kazakhstan in the field of energy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.inogate.org/projects?collection=ongoing&lang=ru>.
- 5 Жанбулатова Р. Энергетическая дипломатия ЕС в Центральной Азии на примере сотрудничества Франции и Казахстана / Р. Жанбулатова // CONCORDE. — 2018. — Вып. 5. — С. 67, 68.
- 6 Трофимов Г.Г. Анализ развития и распространения передовых технологий в области энергоэффективности и возобновляемой энергетики в Казахстане / Г.Г. Трофимов. — Алматы, 2012.
- 7 Абыкаев Н.А. Концепция стратегии устойчивой энергетики Казахстана до 2050 г. / Н.А. Абыкаев, О.Л. Кузнецов, Н.С. Бектурганов, А.Т. Сапицын, А.А. Зейнуллин, А.С. Щулин. — Алматы, 2013. — С. 154.
- 8 Интервью с директором ЕБРР Агрисом Преиманисом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&news_id=338.
- 9 Скакова А.А. Перспективы зарубежных «зеленых» технологий в Казахстане / EXPO-2017: Модернизационный прорыв Казахстана: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Астана, 2017. — С. 54.
- 10 Global Environment Facility: Lessons Learnt From The UNDP — GEF Project «Kazakhstan — Wind Power Market Development Initiative». — Astana, 2011. — p. 17.
- 11 Forms of EU cooperation with Kazakhstan [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4076/eu-kazakhstan-relations_en.
- 12 Karatayev M., Movkebayeva G., Vimagambetova Zh. Increasing Utilisation of Renewable Energy Sources: Comparative Analysis of Scenarios Until 2050 [Электронный ресурс] / Mouraviev N., Koulouri A. (eds). // Energy Security. — Palgrave Macmillan, Cham, 2019. — Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-01033-1_3#citeas.

Г. Мовкебаева, Ә. Тоғузбаева, Г. Әбдірова

Қазақстан мен Еуропалық одақтың жаңартылған энергия көздері саласындағы ынтымақтастығын дамыту

Мақалада Қазақстан мен Еуропалық одақтың жаңартылатын энергия көздері саласындағы ынтымақтастық тарихы қарастырылды. Баламалы энергетика мәселесі соңғы онжылдықтарда кеңінен таралды, ғылыми және саяси пікірталастардың тақырыбына айналды. Алайда, осы энергетикалық сектордың салыстырмалы жаңалығына және тұтастай алғанда балама көздерді пайдалану ауқымына байланысты бұл проблеманы әлі де жеткілікті деп санауға болмайды. Бұдан басқа, баламалы энергия көздерін қолданудағы және энергетикалық сектордың жаңартылатын энергия көздеріне көшудегі Еуропа елдерінің тәжірибесі болашақта жаңартылатын энергия көздерін енді ғана енгізе бастаған немесе энергетикаға өзінің қатысу пайызын ұлғайтуға ниет білдірген Қазақстан сияқты елдер үшін құнды білім көзі болып табылады.

Кілт сөздер: жаңартылатын энергия көздері, Еуропалық одақ, Қазақстан, энергетикалық ресурстар, халықаралық келісім, халықаралық ынтымақтастық, Қазақстанның жаңартылатын энергия әлеуеті.

Г. Мовкебаева, А. Тоғузбаева, Г. Абдірова

Развитие сотрудничества Казахстана и Европейского союза в области возобновляемых источников энергии

В статье рассмотрена история сотрудничества Казахстана и Европейского союза в сфере возобновляемых источников энергии. Проблема альтернативной энергетики получила широкое распространение в последние десятилетия и стала предметом научных и политических дискуссий. Однако эту проблему до сих пор нельзя считать достаточной из-за относительной новизны этого энергетического сектора и масштабов использования альтернативных источников в целом. Более того, опыт европейских стран в применении альтернативных источников энергии и переходе энергетического сектора на возобновляемые источники энергии в будущем является источником ценных знаний для таких стран,

как Казахстан, которые либо только начинают внедрять возобновляемые источники энергии, либо намерены увеличить процент своего участия в энергетике.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, Европейский союз, Казахстан, энергетические ресурсы, международное соглашение, международное сотрудничество, возобновляемый энергетический потенциал Казахстана.

References

- 1 Rasshirennoe sohlashenie o partnerstve i sotrudnichestve mezhdru Evropeiskim soiuзом i Respublikoi Kazakhstan [Expanded Agreement on Partnership and Cooperation between the European Union and the Republic of Kazakhstan.]. *europarl.europa.eu*. Retrieved from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0485_EN.html [in Russian].
- 2 Ivanov, D.A. (2017). Rol enerheticheskoho faktora vo vzaimodeistvii Kazakhstana s Evropeiskim soiuзом [The role of the energy factor in the interaction of Kazakhstan with the European Union]. *National Interests: Priorities and Security*. (Vol.13). Moscow [in Russian].
- 3 Memorandum o vzaimoponimanii po sotrudnichestvu v oblasti enerhetiki [Memorandum of Understanding on Energy Cooperation]. (n.d.). *eeas.europa.eu*. Retrieved from https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/memorandum_of_understanding_on_cooperation_in_the_field_of_energy_between_the_european_union_and_the_republic_of_kazakhstan_en.pdf [in Russian].
- 4 EU projects with Kazakhstan in the field of energy. (n.d.). *inogate.org*. Retrieved from <http://www.inogate.org/projects?collection=ongoing&lang=ru>.
- 5 Zhanbulatova, R. (2018). Enerheticheskaiia diplomatiia ES v Tsentralnoi Azii na primere sotrudnichestva Frantsii i Kazakhstana [EU energy diplomacy in Central Asia on the example of cooperation between France and Kazakhstan]. (*Vyp. 5*). CONCORDE — CONCORDE, Vyp. 5, 67, 68 [in Russian].
- 6 Trofimov, G.G. (2012). *Analiz razvitiia i rasprostraneniia peredovykh tekhnologii v oblasti enerhoeffektivnosti i vozobnovliaemoi enerhetiki v Kazakhstane* [Analysis of the development and distribution of advanced technologies in the field of energy efficiency and renewable energy in Kazakhstan]. Almaty [in Russian].
- 7 Abykaev, N.A., Kuznetsov, O.L., Bekturhanov, N.S., Sapitsyn, A.T., Zeinullin, A.A., & Sheulin, A.S. (2013). *Kontseptsiia strategii ustoiichivoi enerhetiki Kazakhstana do 2050 h.* [Concept of the sustainable energy strategy of Kazakhstan until 2050 y.]. Almaty [in Russian].
- 8 Interviu s direktorom EBRR Ahrisom Preimanisom [Interview with EBRD Director Agris Preimanis]. *Interfax.kz*. Retrieved from https://www.interfax.kz/?lang=rus&int_id=13&news_id=338 [in Russian].
- 9 Skakova, A.A. (2017). Perspektivy zarubezhnykh «zelenykh» tekhnologii v Kazakhstane [Prospects of foreign «green» technologies in Kazakhstan]. *Proceeding from EXPO-2017: Modernization breakthrough of Kazakhstan '17: Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia 2017 hoda.* p. 54. Astana [in Russian].
- 10 Global Environment Facility (2011). *Lessons Learnt From The UNDP — GEF Project «Kazakhstan — Wind Power Market Development Initiative»*. Astana.
- 11 Forms of EU cooperation with Kazakhstan. *eeas.europa.eu*. Retrieved from https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/4076/eu-kazakhstan-relations_en.
- 12 Karatayev M., Movkebayeva G., Bimagambetova Zh. (2019). *Increasing Utilisation of Renewable Energy Sources: Comparative Analysis of Scenarios Until 2050*. Palgrave Macmillan, Cham. *link.springer.com*. Retrieved from https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-01033-1_3#citeas.

Е.И. Медеубаев*

Казахско-русский международный университет, Актобе, Казахстан
(E-mail: emedeubaev@mai.ru)

Распад СССР как следствие разрушения однопартийной политической системы (опыт Актюбинского обкома Компартии Казахстана в 1989–1991 гг.)

Цель статьи — анализ процесса стремительной эрозии власти органов КПСС на местах, завершившийся их ликвидацией в августе 1991 г. Для достижения поставленной цели в качестве примера рассмотрен опыт Актюбинского обкома Компартии Казахстана в 1989–1991 гг. В более широком смысле затронута давняя тема — «власть и общество». В центре внимания — вопросы изучения механизмов партийной власти, принципы функционирования партаппарата на завершающем этапе существования коммунистической власти. Автором предпринята попытка понять, какие факторы привели к потере политической инициативы КПСС и разрушению системы политического контроля над советским обществом. Что сыграло решающую роль в процессе распада партийных структур на местах и ликвидации власти КПСС?

Ключевые слова: перестройка и гласность, КПСС, обком партии, Актюбинск, секретарь, критика, распад, кризис, либерализация.

Введение

Одной из потребностей общественно-политической мысли на современном этапе является критическое переосмысление событий в СССР на рубеже 1980–90-х гг. — эпохи «перестройки и гласности» и «революции умов». В частности, изучение процесса стремительной эрозии власти органов КПСС на местах, завершившийся их ликвидацией в августе 1991 г. В острых дискуссиях о причинах развала СССР не последнее место занимает мысль о том, что механизм окончательного распада был запущен в марте 1990 г. Монополярная власть однопартийной диктатуры до этого момента была, по сути, и фундаментом, и «несущей конструкцией» Союзного государства. Отмена 14 марта 1990 г. 6-й статьи Конституции 1977 г. и избрание на следующий день М.С. Горбачева на пост Президента СССР на III Внеочередном съезде народных депутатов окончательно придали уверенности элитам национальных союзных республик двигаться по пути суверенитета.

В этом смысле было бы важно, спустя тридцать лет, проанализировать, как в многонациональных регионах Союза в конце 1980 — начале 90-х гг. пошел быстрый процесс разрушения монополярной власти всесильных партийных комитетов областного уровня. На том историческом витке фундаментальный конфликт общества и государства, в условиях объявленных политических реформ, мог быть решен различными методами. Однако все закончилось самоликвидацией авторитарного режима. И эта тема — в центре предлагаемой публикации.

Методология и методы исследования

В качестве основной источниковой базы нашего исследования использованы документы бюро, пленумов Актюбинского обкома Компартии Казахстана, протоколы XXVII и XXVIII Актюбинских областных партийных конференций, отчеты партийных комитетов различных уровней за период 1987–1991 гг.

Документы выявлены в фонде № 13-П (*фонд № 13 обозначен разными литерами. «П» означает партийный, например, Ф.13-П означает личный.* — Е.М.) Государственного архива Актюбинской области. В октябре 1991 г. партийный архив Актюбинского обкома партии был преобразован в филиал Актюбинского областного государственного архива, а в декабре 1992 г. полностью вошел в состав Областного архива. Таким образом, в фонд № 13 вошел основной массив документов бывшего архива Актюбинского обкома партии.

Записи исследованных документов на бюро, пленумах обкома, партийных конференций областного уровня велись протокольным способом. Это важно для понимания до известной степени точно-

*Корреспондент-автор. E-mail: emedeubaev@mai.ru (Е.И. Медеубаев)

сти воспроизведения происходившего. Речь выступающих записывалась ответработниками общего отдела Актыбинского обкома партии, профессионально владевшими навыками протокольной записи.

Результаты исследования

Так совпало, что в марте 1985 г. вместе со сменой Генерального секретаря ЦК КПСС произошла и смена многолетнего партийного лидера и в Актыбинской области. Вместо В.А. Ливенцова, руководившего областной парторганизацией с 1971 г., с поста секретаря ЦК Компартии Казахстана пришел Ю.Н. Трофимов. Отправившийся на заслуженный отдых Василий Андреевич Ливенцов был типичным представителем руководящих кадров, пришедших на партийную работу в сталинскую эпоху. Это был энергичный, жесткий, не терпящий возражений и строго взыскивающий за ошибки в работе руководитель. На его фоне пришедший на партийную и советскую работу в хрущевское время Юрий Николаевич Трофимов запомнился достаточно лояльным и сдержанным по отношению к подчиненным по работе.

Статус и политические возможности Первых секретарей обкомов в советской властной иерархии были чрезвычайно высокими. Они несли всю полноту ответственности за положение дел в регионах. Соответственно они были наделены самыми широкими полномочиями и администрированием. Возглавляемые Первыми секретарями бюро обкомов принимали все ключевые экономические и социально-политические решения. Нередко решения принимались Первым единолично [1; 294]. И самое главное — в их руках находилась расстановка кадров на всех руководящих должностях во всех сферах. Именно через потерю КПСС кадрового контроля началось обрушение всей властной конструкции в 1989–1991 гг.

Изучая биографические данные партийных руководителей Актыбинской области 1950–80-х гг., можно отметить ряд особенностей. С должности Первого секретаря Актыбинского обкома никто не уходил на повышение по карьерной лестнице. Только на пенсию. В одном случае, в 1989 г., областной партийный лидер ушел из жизни на занимаемом посту.

Кроме того, начиная с 1964 г. и до ликвидации структур КПСС, Актыбинский обком партии не возглавляли представители казахской национальности. Это не могло не вызывать скрытого недовольства казахской общественности области. Уже на волне перестроечных процессов этот вопрос неоднократно выносился в публичное пространство. В мае 1990 г., выступая с трибуны XVIII Актыбинской областной партконференции, делегат от Хобдинской районной парторганизации К.Сагындыков в числе прочих поднял этот важный аспект кадровой политики партии: «Жаль, что ни одна женщина нашей области не смогла родить первого секретаря..... Кадры завозятся извне, местным нет возможности для роста» [2; 60].

11 апреля 1991 г., выступая на собрании партийно-хозяйственного актива Актыбинской области с участием Президента Казахской ССР Н.А. Назарбаева, лидер политического объединения «Алдаспан» Н. Ергалиев требовал назначения первым руководителем области казаха. По его словам, назначение Е.М. Золотарева в июне 1989 г. на пост Первого секретаря Актыбинского обкома партии вызвало недовольство казахского населения области [3; 12]. Общество «Алдаспан», объединившее в октябре 1990 г. в политическую организацию казахскую учащуюся молодежь и интеллигенцию Актыбинской области, в качестве одного из важных пунктов своей программы выдвинуло требование о назначении на ответственные посты в системе местной власти лиц из числа коренной национальности [4; 20].

На первом этапе партийная власть области шла, как и КПСС в целом, в фарватере перестроечных процессов. Протоколы бюро и пленумов Актыбинского обкома партии за 1987–88 гг. показывали картину динамичного социально-экономического развития области, с допустимой дозой критики в тех или иных сферах, а также отдельных руководящих кадров. В сфере идеологической работы партийные документы рапортовали о необходимости успешного претворения в жизнь «судьбоносных» для страны решений очередного Пленума ЦК КПСС, с неизменными ссылками на речи и выступления М.С. Горбачева. Благостную, в целом, картину существенно омрачили декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате, когда партийным организациям Казахстана пришлось в новом ключе обсуждать «ленинскую национальную политику партии на современном этапе», говорить «об упущениях в интернациональном воспитании молодежи в республике» и создать сектор национальных отношений идеологического отдела обкома партии [5; 5].

Ускоряющиеся политические процессы в стране не могли обойти стороной советскую провинцию, несмотря на известную степень консерватизма и невысокую политическую активность населе-

ния. Нельзя сказать, что в Казахской ССР оформлялось противостояние по линии «КПСС — Демократическая оппозиция», как это было в Москве, Ленинграде, Украине, республиках Прибалтики, Закавказья. Активные критики казахстанской партийной власти сами состояли в КПСС.

Отличительными чертами политической деятельности сил, вставших в оппозицию власти Актюбинского обкома партии, было то, что их активность ограничивалась областным центром. В сельских районах, с их традиционной лояльностью власти, влияние региональной оппозиции практически не прослеживалось. Специфика также состояла в том, что наиболее принципиальными критиками власти выступили низовые партийные ячейки.

Организующим ядром сторонников демократического обновления становится партком производственного объединения «Актюбрентген». В 1987 г. по инициативе секретаря парткома «Актюбрентген» С.Филиппова и только что избранного на должность секретаря партийного комитета Актюбинского государственного медицинского института (АкГМИ) М.Оспанова в городе был открыт дискуссионный клуб «За перестройку».

Клуб был открыт по примеру действовавшего в Москве клуба с аналогичным названием. Перестроечные импульсы, исходившие из Союзной столицы, давали заряд энергии тем людям на местах, которые также жаждали радикальных перемен в общественно-политической сфере. Первоначально идею открытия этого клуба активно поддержал первый секретарь Актюбинского горкома партии, не подозревавший, что уже очень скоро клуб встанет на острие антипартийной критики в городе и области. Его членами стали преподаватели вузов города, техническая интеллигенция и работники заводов, молодые функционеры Актюбинского горкома партии [6; 22].

Многие известные исследователи сходятся во мнении, что 1989 г. знаменовал собой начало Революции, приведшей к крушению коммунистической власти в СССР, а затем его распаду: «В действительности, именно в 1989 году произошли те радикальные изменения, которые остановили часы советской истории и с которых начался отсчет нового времени: Горбачев победил консерваторов в ЦК КПСС и на партийной конференции; было создано подобие Учредительного собрания — Съезд народных депутатов — и началась распад «советской империи» (крушение берлинской стены и вывод войск из Афганистана)» [7; 75].

Катализатором поистине революционных политических процессов стали выборы народных депутатов в Верховный Совет СССР, назначенные на 26 марта 1989 г. В Актюбинской области выборы прошли по 3 окружным и 547 участковым избирательным комиссиям. Кандидатами в депутаты выдвинулось 14 человек. Уже непосредственно накануне выборов в адрес Первого секретаря обкома прозвучала резкая критика за организацию дружного самоотвода его потенциальных соперников по избирательному округу. В глазах широкой общественности это выглядело как политический фарс. Подавляющее большинство трудовых коллективов, первичных партийных организаций на первом этапе предвыборной кампании оказалось в стороне от нее. Во многом это стало следствием привычной инертности, безынициативности и равнодушия к подобным политическим мероприятиям [6; 12, 13].

8 июня 1989 г., на I Съезде народных депутатов СССР при выдвижении Первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Геннадия Колбина на пост председателя Комитета партийного контроля СССР, депутат из Свердловской области задал ему вопрос: «Как вы считаете, способствует ли перестройке и развитию демократии то, что, по сообщениям нашей печати, непосредственно Компартии Казахстана остались без альтернативных кандидатов?». Колбин ушел от ответа на прямой вопрос, сославшись на некую «волю людей» [8].

17 марта 1989 г., уже непосредственно накануне выборов в Верховный Совет СССР, вышло открытое письмо секретаря парткома АкГМИ Марата Оспанова. Это обращение на имя Первого секретаря обкома партии, кандидата в народные депутаты СССР Ю.Н. Трофимова, произвело большой эффект в обществе. До этого момента никто не осмеливался бросать такой вызов всемогущему партийному руководителю.

Письмо начиналось с тревожных для адресата слов: «Уважаемый Юрий Николаевич! Через несколько дней станет известно, доверят ли вам избиратели мандат народного депутата СССР...» [6; 12]. Далее автор обрушивается с острой критикой. Начинает с обвинений в нечестной избирательной кампании, так как всех потенциальных соперников отстранили от предвыборной гонки: «В конечном счете нанесен урон престижу избирательной кампании, и на примере этого важного общественно-политического события наглядно продемонстрирован разрыв между словом и делом, пока еще имеющий место в работе аппарата областной партийной организации. Хотелось бы надеяться, что у

Вас, Юрий Николаевич, хватит мужества признать это и сделать соответствующие выводы. Нельзя допустить, чтобы в таком же негативном ключе прошла и предстоящей осенью избирательная кампания» [6; 13].

Трофимов обвинялся в неважном состоянии дел в аграрной сфере области. Ему напоминают, что он приехал на работу в Актюбинск с должности секретаря ЦК Компартии Казахстана по сельскому хозяйству и тем самым несет личную ответственность за состояние дел в агросфере. Указывалось на острый дефицит мясных продуктов. Несмотря на то, что по сравнению с предыдущим периодом их стало немного больше, но произошло это за счет внедрения кооперативных цен и стали они стоить намного дороже, вместо 2 р. 4 р. за 1 кг.

Отдельным пунктом были указаны на недостатки в таком проблемном секторе, как строительство. В частности, было отмечено, что город больше нуждается в приличной детской инфекционной больнице, чем в новом Дворце молодежи, строительство которого началось в центре города и впоследствии превратилось в долгострой.

В долгострой превратилось и строительство нового корпуса медицинского института. Была раскритикована Республиканская программа «Жилье-91», которая обошла стороной вузовских работников. Например, ощущалась острая нехватка жилья для работников мединститута. Оспанов напомнил руководителю обкома партии о посещении им партсобрания мединститута, где поднимались все острые вопросы. Автор письма, как секретарь низовой парторганизации, еще старается придерживаться неких «норм» идеологического языка, напоминая о решениях Февральского Пленума ЦК КПСС 1988 г. Но, вместе с тем, в документе ни разу не упоминается имя Горбачева. Нет уже привычной апелляции к авторитету Генерального секретаря ЦК КПСС.

Письмо заканчивалось следующими строками: «В заключении отмечу, что не экстремизм и не «бунтарские» настроения, а лишь интересы перестройки руководили мной, когда я решил обратиться к Вам с настоящим письмом. Буду весьма признателен, если Вы в ближайшее время найдете возможность для личной встречи со мной» [6; 13]. Этот документ эпохи стал ярким примером того вида источника, который принято называть «письма во власть» и в полной мере отразил изменения в общественном сознании перестроечного времени.

Итоги выборов 26 марта 1989 г. не принесли больших сенсаций. Народными депутатами Верховного Совета СССР были избраны: по городскому территориальному округу № 618 газэлектросварщик завода «Актюбсельмаш» В.Н. Фоминых, по сельскому территориальному округу № 619 Первый секретарь Актюбинского обкома партии Ю.Н. Трофимов. По национально-территориальному округу № 133 в результате повторных выборов победила механизатор совхоза «Акрабский» Хобдинского района А.Н. Егизекова. Как видно, по составу избранных, все прошло по старым лекалам советской избирательной системы, то есть с учетом национальных, социальных, гендерных принципов.

Одним из печальных итогов этих выборов стала скоропостижная кончина Ю.Н. Трофимова, сразу после их проведения, 28 марта 1989 г. Вероятно, в немалой степени это стало очевидным следствием сильных личных переживаний партийного лидера области за результаты голосования. И такие переживания имели основания. По итогам выборов гражданами было высказано недоверие руководителям крупных областных и краевых парторганизаций СССР, например, Ленинградской и Свердловской. В июне 1989 г. с должности председателя Кзыл-Ординского облисполкома на пост Первого секретаря Актюбинского обкома партии был избран Е.М. Золотарев. Это практически совпало по времени с избранием Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Н.А. Назарбаева.

I Съезд народных депутатов СССР и прямые телетрансляции с его заседаний без преувеличения перевернули политическое сознание населения огромной страны. Практически не было семьи и дома, где бы не обсуждались репортажи со съезда. В СССР пришла большая политика, которой не было, наверное, с конца 1920-х гг., на глазах рождался публичный политический дискурс. В последующие два года прошли выборы в парламенты союзных республик, Советы на местах. Все это полностью изменило советскую политическую карту.

В Актюбинской области, как и по стране в целом, на первый план вдруг разом вылезли все те проблемы и вопросы, о которых долгие годы говорили и писали очень осторожно либо вообще они не поднимались на всеобщее обсуждение: острый товарный дефицит, жилищный вопрос, тяжелая ситуация в сельском хозяйстве, вопросы социального обеспечения и культурно-бытового обслуживания населения, проблемы в сфере народного образования и здравоохранения, межнациональные отношения и языковой вопрос, экологическая обстановка, роль и место религии в обществе, рост организованной преступности и многие-многие другие. И все эти проблемы требовали поиска механиз-

мов их решений. Этот поиск неизбежно приводил к вопросу о системе властных отношений в стране. Таким образом, от КПСС требовали незамедлительного решения всех жизненно насущных проблем, готовых сценариев по выходу из создавшейся ситуации, а чуть позже, что было вполне закономерно, объявили главной виновницей всех бед в стране.

Одним из самых очевидных показателей падения авторитета партии стал массовый выход из ее рядов, начиная с 1989 г. В заявлениях о выходе, в качестве причины добровольной сдачи партбилетов указывались неверие в идеалы коммунизма, разочарование в объявленных партией реформах, недоверие к политике власти в целом.

Однако чаще всего причины были куда более прозаичными. Членство в партии перестало иметь общественный вес, его нельзя было уже рассматривать в качестве «социального лифта». Перестав приносить моральные и социальные дивиденды, партийный билет превратился просто в дополнительную общественную нагрузку, хотя бы даже в виде обязательных членских взносов и участия во всех возможных общественных мероприятиях. А их в советских учреждениях, промышленных предприятиях, сельских хозяйствах всегда было предостаточно. Более того, в рабочих коллективах членство в партии превратилось в насмешки и подначивания со стороны беспартийных товарищей по работе.

Если в 1989 г. актюбинскими коммунистами было сдано 55 партбилетов, то в 1990 — уже 1089 [9; 21]. На 1 января 1991 г. в области было 41864 коммуниста. По сравнению с началом 1990 г. это меньше на 1567 человек, или 3,6 %. Больше всего вышло из Актюбинской городской парторганизации 847 человек [10; 16].

На бюро обкома 17 июля 1991 г., уже накануне полного развала, приводились следующие цифры. По состоянию на 1 июля 1991 г. в области насчитывалось 40605 членов КПСС. За истекшие полгода вышли из партии еще 1259 человек, или 3,1 %. Если отсчитывать с июля 1990 г., то вышло 2362 человек, или 5,5 %. С начала 1991 г. 906 первичных парторганизаций области, или 79 % от их числа, совершенно не занимались приемом в партию [11; 13].

С начала 1991 г. в Актюбинской городской парторганизации в ряды КПСС принят всего 1 рабочий. В основном выходили из партии заводские рабочие, то есть те, кто, согласно марксистско-ленинской теории, являлись ее «гвардией». Больше всего рабочих покинули партийные ряды на заводе «Актюбсельмаш» — с начала 1991 г. 108 человек, или 21 % от общего числа. И производственного объединения «Актюбрентген» — 187 человек, или 41,1 %. На этих заводах за этот период никто в партию не вступил. Такое же положение было на Донском горно-обогатительном комбинате, Актюбинской геофизической экспедиции [11; 14].

За 1 полугодие 1991 г. в районных парторганизациях добровольно вышли из партии 897 человек, это 82,4 % от всех, сдавших партбилет в 1990 г. Среди вышедших из партии 55 % — рабочие. Каждый третий вышедший из партии состоял в ней более 20 лет. 79,4 %, сдавших партбилет, состояли на учете в Актюбинской городской парторганизации. То есть, именно, горожане — рабочие, техническая и научная интеллигенция, вузовские работники — этим шагом проявили свою политическую позицию. 47 % актюбинцев, сдавших партбилет, объясняли этот шаг утратой верой в идеалы коммунизма, падением авторитета КПСС, бездействием парторганизаций на местах, неудовлетворенностью ходом перестройки [11; 15]. На многих большое впечатление произвел демарш председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцина, демонстративно бросившего свой партбилет на стол Президиума XXVIII съезда КПСС.

Например, массовый выход из партии был отмечен на Чилисайском фосфорном руднике. Строительство этого предприятия было начато на территории Октябрьского района в 1977 г. и было объявлено Всесоюзной комсомольской ударной стройкой. В горном цехе из 17 коммунистов осталось 4. В целом, численность парторганизации Октябрьского района уменьшилась на 163 коммуниста. Из 67 первичных парторганизаций района в 51 не было приема нового пополнения. Особенно удручающим выглядела ситуация в крупнейших парторганизациях района, таких как Совхоз им. Димитрова, локомотивное депо узловой железнодорожной станции Кандагач, районном автотранспортном предприятии [12; 3].

Еще одним прямым показателем падения престижа и авторитета обкома партии на местах, потери им управления и кадрового контроля над нижестоящими партийными организациями стали участвовавшие случаи, когда рекомендованных бюро обкома партии и лично Первым секретарем, кандидатов на занятие ответственных постов «проваливали» на местных партсобраниях и конференциях. Так, на бюро обкома от 19 июня 1990 г. рассматривались итоги Байганинского и Ленинского район-

ных партконференций, на которых не были переизбраны на новый срок 1- и 2-е секретари райкомов партии. Не были переизбраны на районных партконференциях секретари Алгинского и Мартукского райкомов [13; 20–21].

Не имея реальных рычагов воздействия на механизмы принятия решений партийных собраний на местах, такие факты в обкоме пытались представить как реализацию на практике нового реформаторского лозунга: «Больше демократии!». Таким образом, потеряв контроль за расстановкой кадров, структуры КПСС на местах неизбежно теряли свои неограниченные полномочия, право администрирования и в 1990–91 гг. окончательно упустили политическую инициативу, а за нею и власть.

Заметным политическим событием в жизни региона в рассматриваемый период стала XXVIII Актюбинская областная партконференция, начавшая свою работу 4 мая 1990 г. Оппозиционно настроенные участники конференции раскритиковали выборы делегатов на XXVIII съезд КПСС и XVII съезд Компартии Казахстана. Формирование делегатского корпуса на республиканский и всесоюзный партийные форумы рассматривалось в качестве важного инструмента политического давления на местную власть. Одновременно это было легальной возможностью провести кандидатуры из числа активных сторонников демократического обновления, которые не были бы послушным большинством на съездах в Алма-Аты и Москве. Главным обвинением в адрес Актюбинского обкома партии было то, что процедура избрания делегатов на XXVIII съезд КПСС и XVII съезд Компартии Казахстана проходит за «закрытыми дверями».

Один из делегатов областной партконференции подробно остановился на этом вопросе: «Выборы с точки зрения закона недействительны и на сегодняшний день не избран ни один делегат не было никаких сведений в печати по выдвинутым кандидатурам на съезды. Во всех 11 округах не было назначено окружных избирательных комиссий... А главное — грубейшим образом нарушена инструкция и единый порядок избрания делегатов на XXVIII съезд КПСС и XVII съезд Компартии Казахстана, принятые комиссией ЦК КПСС по вопросу партийного строительства и кадровой работы» [14; 62]. В выборах делегатов, по мнению оратора, должны были бы принять участие все 4 тысячи коммунистов округа в образованных по области 11 выборных округах. На съезд КПСС по одномандатному принципу, на съезд Компартии Казахстана по многомандатному принципу, так как это произошло, например, в соседних Оренбургской и Уральской областях.

Сторонники демократического обновления выдвинули на XXVIII Актюбинской областной партконференции принципиально новую политическую программу. Этот документ носил характер радикальных мер глубокой трансформации власти областного комитета партии. Кроме прямого требования отставки всего партийного руководства области, он лишал, по сути дела, обком партии политических и экономических властных полномочий. Таким образом, Актюбинский обком партии превращался лишь в одну из нескольких партийных структур в нарождающемся многопартийном политическом поле: «1. Выразить недоверие всему составу бюро обкома, потребовав его отставки, дать оценку «неудовлетворительно» работе аппарата обкома партии. 2. Избрать на альтернативной основе всех членов бюро обкома прямо здесь на конференции, а не на пленуме. «Это наше дело — как решим, так и будет». 3. Выборы делегатов на съезды провести здесь на конференции. Но лучше через 10 дней после конференции по округам. 4. Аппарат обкома сократить до 12 человек: это секретарь обкома, 2 человека по оргпартработе и учету кадров, 9 человек по идеологической работе. Провести сокращение, не ожидая указаний сверху ... аппарат не будет партийно-бюрократическим, уже не сможет командовать, курировать, указывать и т.д. ... Работники будут освобождены от всех побочных дел, занимаясь только идеологией. Права приема и исключения из партии передать первичкам» [14; 64].

Еще одним важным пунктом выступления стала попытка добиться реального разделения партийной и советской власти. Первому секретарю обкома и Первым секретарям райкомов партии предлагалось добровольно отказаться от монополии власти в одних руках, путем отказа от одной из должностей либо первого секретаря либо председателя областного (районного) Совета народных депутатов. «Если он избирается председателем президиума областного совета народных депутатов, то автоматически прекращается его правомочность быть Первым секретарем райкома, обкома и наоборот» [14; 65].

Августовские события 1991 г. в Москве завершили историю КПСС и фактически поставили точку на идее обновленного Союзного государства. 31 августа 1991 г. состоялся V Пленум Актюбинского обкома партии со следующей повесткой: 1. О текущем моменте и ситуации в Компартии Казахстана. 2. О выборах делегатов на Внеочередной Чрезвычайный съезд Компартии Казахстана. 3. О Первом секретаре обкома партии [15; 8].

В череде указов и распоряжений тех дней ключевым являлся Указ Президента Казахской ССР от 22 августа 1991 г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий, других общественных объединений и массовых общественных движений в органах прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел, юстиции, Государственного арбитража, суда и таможене Казахской ССР». Указ Президента Казахской ССР от 28 августа 1991 г. «О невозможности совмещения руководящих должностей в органах государственной власти и управления с должностями в партиях и иных общественно-политических объединениях» стал логичным продолжением предыдущего и полностью переформатировал систему государственного и местного управления в Казахстане, положив конец структурам КПСС на местах [15; л. 34].

11 сентября 1991 г. был проведен VI Пленум обкома партии с единственной повесткой. На нем были подведены итоги, состоявшегося 7 сентября Внеочередного Чрезвычайного съезда Компартии Казахстана и трансформации партии казахстанских коммунистов в Социалистическую партию. Открыл пленум второй секретарь обкома Т.А. Садуов. Он поблагодарил коммунистов Актюбинской области за посильный вклад в деятельность областной организации бывшей Компартии Казахстана и выразил уверенность в том, что они свяжут свою судьбу с ее преемницей, Социалистической партией Казахстана [16; 2]. Еще за год до распада СССР было невозможно представить крушение, казалось бы, монолитной и стабильной коммунистической системы. Действительно, «это было навсегда, пока не кончилось» [17].

Заключение

Уже почти тридцать лет отделяют нас от одного из эпохальных событий XX века: развала СССР и крушения мирового коммунистического лагеря. Пытаясь с научной точки зрения понять суть происходивших тогда политических процессов, на наш взгляд, неправомерно требовать однозначных выводов, невозможно ожидать получения «истины в последней инстанции» или оценок «оправдания-осуждения». Исследования по этой проблеме предполагают многозначность оценок, дискуссионность результатов и постоянную смену, казалось бы, общепризнанных научных парадигм. Мы по-прежнему находимся в историческом потоке, заданном импульсом антикоммунистической Революции 1989–91 гг. В этом смысле гораздо важнее правильно оценить роль и место Казахстана в современном мире и уметь извлечь уроки истории.

Список литературы

- 1 Юрьев В.М. Первые секретари обкомов КПСС на переломе эпох (1985–2005 гг.) / В.М. Юрьев, Д.Г. Сельцер // PRO NUNC. Современные политические процессы. Тамбов. гос. ун. им. Г.Р. Державина. — 2008. — Т. 8. — № 1. — С. 294–324.
- 2 Государственный архив Актюбинской области (ГААО). — Ф. 13. — Оп. 57. — Д. 2. — Л. 60.
- 3 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 16. — Л. 12.
- 4 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 57. — Д. 17. — Л. 20.
- 5 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 56. — Д. 15. — Л. 5.
- 6 Рахметова Г. Марат Оспанов: Десять лет в политике. 10 лет спустя / Г.Рахметова. — Алматы, 2009. — 296 с.
- 7 Пастухов В.Б. Революция и конституция в посткоммунистической России: государство диктатуры люмпен-пролетариата / В.Б. Пастухов. — М., 2018. — 449 с.
- 8 Женис Байхожа. К юбилею съезда, который изменил СССР и ускорил его развал / Байхожа Женис [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://camonitor.kz/33062-k-yubileyu-sezda-kotoryu-izmenil-sssr-i-uskoril-ego-razval.html>.
- 9 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 1. — Л. 21.
- 10 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 10. — Л. 16.
- 11 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 13. — Л. 13–15.
- 12 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 5. — Л. 3.
- 13 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 57. — Д. 12. — Л. 20–21.
- 14 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 57. — Д. 2. — Л. 62–65.
- 15 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 3. — Л. 8.
- 16 ГААО. — Ф. 13. — Оп. 58. — Д. 9. — Л. 2.
- 17 Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение / А.В. Юрчак. — М., 2014. — 664 с.

Е.И. Медеубаев

КСРО-ның ыдырауы бір партиялы саяси жүйенің бұзылуы салдары ретінде (Қазақстан Компартиясы Ақтөбе облыстық комитетінің 1989–1991 жж. тәжірибесі)

Ұсынылған мақаланың мақсаты — 1991 жылдың тамызында түбегейлі жойылуымен аяқталған КОКП органдарының жергілікті жерлердегі қарқынды ыдырау процесін зерттеу. Мақсатқа жету үшін мысал ретінде Қазақстан Компартиясы Ақтөбе обкомының 1989–1991 жылдардағы тәжірибесі қарастырылды. Ауқымды көлемде бұрыннан бері зерттеліп келе жатқан «билік пен қоғам» тақырыбы да қозғалған. Партиялық биліктің тетіктерін, коммунистік биліктің өмір сүруінің соңғы кезеңіндегі партиялық аппараттың жұмыс істеу принциптерін зерттеу мәселелеріне баса назар аударылды. КОКП-ның саяси бастамасының жоғалуына және кеңестік қоғамды саяси бақылау жүйесінің бұзылуына қандай факторлар әкелгенін түсінуге әрекет жасалды. Жергілікті жерлерде партиялық құрылымдардың ыдырауы және КОКП билігін жою процесінде шешуші рөлді не атқарды?

Кілт сөздер: қайта құрылу және жариялылық, КОКП, облыстық партия комитеті, Ақтөбе, хатшы, сын-пікір, құлдырау, тоқырау, либерализация.

Y. Medeubayev

The collapse of the USSR as a consequence of the destruction of the one-party political system (experience of the Aktobe regional Committee of the Communist party of Kazakhstan in 1989-1991)

The purpose of this article is to study the rapid erosion of the power of the CPSU on the ground, which ended in their removal in August 1991. To achieve this goal, the experience of the Aktobe regional committee of the Communist Party of Kazakhstan in 1989-91 is considered as an example. In a broader sense, it touches upon a long-standing topic - "power and society". In the center of attention are the issues of studying the mechanisms of party power, the principles of functioning of the party apparatus at the final stage of the existence of communist power. An attempt is made to understand what factors led to the loss of the political initiative of the CPSU and the destruction of the system of political control over Soviet society. What played a decisive role in the disintegration of local party structures and the elimination of the power of the CPSU?

Keywords: perestroika and glasnost; CPSU; the regional party Committee; Aktuybinsk; Secretary; critic; decay; crisis; liberalization.

References

- 1 Yur'ev, V.M., & Seltser, D.G. (2008). Pervye sekretari obkomov KPSS na perelome ehpokh (1985–2005 hh.) [The first secretaries of the regional committees of the CPSU at the turn of the eras (1985–2005)]. PRO NUNC. Sovremennye politicheskie protsessy. Tambovskii gosudarstvennyi universitet imeni G.R. Derzhavina — PRO NUNC. Modern political processes. Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov), Vol.8,1, 294–324 [in Russian].
- 2 GAAO [The State Archives of Aktobe region]. F. 13. Op. 57. D. 2. L. 60 [in Russian].
- 3 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 16. L. 12 [in Russian].
- 4 GAAO. F. 13. Op. 57. D. 17. L. 20 [in Russian].
- 5 GAAO. F. 13. Op. 56. D.15. L. 5 [in Russian].
- 6 Rakhmetova, G. (2009). Marat Ospanov: Desiat let v politike. 10 let spustia [Marat Ospanov: Ten years in politics. 10 years later]. Almaty [in Russian].
- 7 Pastukhov, V.B. (2018). Revoliutsiia i konstitutsiia v postkommunisticheskoi Rossii: gosudarstvo diktatury liumpen-proletariata [Revolution and constitution in post-communist Russia: the state of the dictatorship of the lumpen proletariat]. Moscow [in Russian].
- 8 Zhenis Bajhozha (05.23.2011). K yubileiu sezda, kotoryi izmenil SSSR i uskoril eho razval [On the anniversary of the congress that changed the USSR and accelerated its collapse]. Retrieved from <https://camonitor.kz/33062-k-yubileyu-sezda-kotoryy-izmenil-sssr-i-uskoril-ego-razval.html> [in Russian].
- 9 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 1. L. 21 [in Russian].
- 10 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 10. L. 16 [in Russian].
- 11 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 13. L. 13–15 [in Russian].
- 12 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 5. L. 3 [in Russian].

13 GAAO. F. 13. Op. 57. D. 12. L. 20–21 [in Russian].

14 GAAO. F. 13. Op. 57. D. 2. L. 62–65 [in Russian].

15 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 3. L. 8 [in Russian].

16 GAAO. F. 13. Op. 58. D. 9. L. 2 [in Russian].

17 Yurchak, A.V. (2014). Eto bylo navsehda, poka ne konchilos: Poslednee sovetskoe pokolenie [It was forever until it was over: the last Soviet generation]. Moscow [in Russian].

A.S. Sagatova *

*Karaganda Technical University, Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: asem.sagatova@list.ru)*

Heritage of history knowledge

The development and prosperity of any country goes hand in hand with the education of its descendants. The source of this knowledge and education were samples of ancient oral literature and works of great personalities. The harmony of wisdom and morality, the essence of which is combined with educational and cognitive qualities, leads everyone to a deep thought, spiritual heights, aspirations for the future, the education of consciousness, intelligence, attention. Such spiritual values are based on eloquence, wisdom, wisdom of ancestral traditions, which in terms of high understanding and cunning have penetrated into the hearts of future generations and will be remembered forever. The great ideals are intertwined with the values of the Kazakh worldview, which have always been the basis for the development of the country's history. The author aims to study the role and place of national wisdom in the formation of the worldview in the modern context, the development of time. He informs the next generation that it is important to remember that people of each historical epoch were inspired by the desire for the future of their country, awakened their eyes and foreshadowed new breakthroughs in public life. The symbols of national outlook, as moral wise examples, should deepen the field of human thinking in the world of virtues - the way to the perfection of his soul. The achievements of traditional Kazakh culture testify to this. The fact that our ancestors lived a harmonious life in harmony with the steppe nature shows that it reflects the horizons of his thinking. The author believes in the revival of the spiritual world in a perfect society.

Keywords: art of wisdom, high moral, horizons of knowledge, ethical values, country interests, spiritual freedom, high intelligence, achieve happiness, legacy of wisdom, historical memory, school of wisdom, life experience, instill humanism, virtue, humanist educator, national ethics.

Introduction

The spiritual backwardness of the unwavering nation that had not lost its national consciousness was now replaced by artistic expression. Ancient heritage opened the country's stinging steadfastness as a unique phenomenon, which allowed its spirit to preserve the integrity of the nation and to the future. The most important meaning of the national spirit came to these figures. Obviously, past history is a source of ancient heritage as a way of rebuilding spirituality. Because these souls were the cognitive attributes of our ancestors that glorify the courage and heroism of our ancestors, the spirit of wisdom, and the national spirit. Traditions, public opinion, philosophical views of artistic patterns that reflect the personal dignity of the people, all conform to the wishes of their time. Not only with the words, but also for a person's ideology, he is alien to his personality.

The very beginning of all characteristics inherent in the human race is based on spiritual heritage. The etiquette of the eternal Kazakh spirit, which has a sense of the soul, is a guarantee of its preservation as a nation and a state. The issue is to show the peculiarities of the poets' work, who first of all distinguished themselves in the spirit of Kazakh spiritual culture, the power of speech, the uniqueness of the national reality, which has made the way of expressing words and phrases with beautiful words.

All of this has been reflected in the context of philosophical, social, political and social views what were developed in the past. Humanity and civic identity are the traditions of these ancestors. Today's young wave is a spirit of patriotism that gives the power to the new generation not only business, talent, but also the native land, the land of love, and the future of people, thus widening the national field. Through spiritual exploration and historical ties we recognize the centuries-old historical roots of our nation. Of course, the cognitive concept is always the most advanced view in the face of high intellectual and intellectual level.

Methodology and methods

Historical, comparative and typological methods were widely used in writing the work. At the same time, a special method of philosophical reflection was used in studying the originality of thinking. On the

*Corresponding author's e-mail: asem.sagatova@list.ru (A.S. Sagatova)

issue under consideration, the historical principle (the principle of historicism) was used to evaluate the development of this period of phenomena in a global and historical context. Historism as a way of thinking about the past, present and probable future requires looking for the roots of all phenomena in the past; to understand that there is continuity between epochs, and each epoch must be evaluated in terms of its historical features and capabilities. As a result, society has managed to look at society as something whole and interconnected, while integrity allows for a deeper understanding of its individual elements.

Results and discussion

The main focus of wisdom in dealing with ethics is the emphasis on the spiritual wealth of our people based on the ancestral heritage, the mastering of traditions and customs. Atamura, in turn, is an example of how the Kazakh people can describe their identity, their personality image, the accumulation of human values. Spiritual heritage left by ancient Kazakh culture is the source of both humanity and wisdom.

Wisdom and morality are different and cannot exist without one another. For the wise "knowledge is a power, and above all, a high moral need". The wisdom of the great people of the traditional Kazakh society, which has been pronounced with fair judgment, fair judgment, intelligence, intelligence, and justice, has a high degree of moral morality. By telling Olzhas Suleimenov, Tole, Kazybek, Aiteke biys are equal to the highest peaks of the mountains, but with the high level of knowledge in the Kazakh soil, each of which has its own place. Each of them is based on propaganda-based fire and talented talents, education, world outlook, internal culture, and a unique world.

At the same time, if we look at the intricacies of the poetry-zhyrau works dating back to the XV-XVIII centuries, we cannot but be surprised at the peculiarities, patterns, forms of education, educational propaganda and propagandistic thoughts that are covered by one theme. Whatever the phenomenon you receive, our people based it on ethical values. At the root of social life, in the midst of the thinking world, primarily humanity was good and bad behavior, personality and dignity. Hence, the legacy of our wise fathers is wisdom, the art of human recognition, the school of learning. The period of nomination in the history of the whole history - the memory of the Kazakh people remained true and truthful. "Great nation is great deeds". In such cases, the people who were guided by the interests of the people and the country showed a great slaughter of the country.

It is worthwhile to note the work of Greek philosopher, thinker, public figure Socrates, in dealing with wisdom and humanity. When the natural philosophical epoch of the Greeks ends, A. Nyssanbayev and T. Abzhanov write, "the problem of philosophy is the human being and its spiritual world" [1, 61-62]. No one in the history of philosophy before Socrates is wise. The philosophers of the past have considered issues related to the whole world. The man could not solve the issue by himself. In the history of Socrates philosophy, he was the first to raise the issue of humanity. His purpose is to show his people how to do good and good. The path that leads to it is, first of all, the most valuable treasure of man is its inner soul. Riches and spiritual heights in a person's soul are the cornerstone of the community. The existence of a national spiritual height, spiritual freedom, and high intelligent person is the ability to manifest these qualities inherent in humanity, for the purpose of meaningful life of the human race. The basis of this is related to the good qualities that make up the inner world of man, the culture of man. Recognition of the inner world leads to self-realization. When a person's mind and dealings reveal the secrets of the inner person, the secret of that inner world comes from the consequences of his perception of the human life, the perception of what he has consumed and comparing their circumstances with the experience of life. That is why every person cannot recognize the universe as long as he is self-aware. As a part of nature, the essence of human nature is largely considered.

Thus, the inner world of man is not limited to his knowledge of the outside world, but his inner spiritual culture and life. Any good characteristic, beauty and disgust that are characteristic of any person's behavior are not limited to the knowledge that exists outside the world, but primarily to his actions, because one person cannot be characterized only by goodness and beauty.

According to Socrates, the source of knowledge is in the person itself and in his actions. It is therefore a great victory for a person who has knowledge of the principles of humanity. He must gradually abandon bad habits, striving to do well and to master the basis of knowledge. Wisdom is a profound transformation of knowledge in this direction.

This view of Socrates was a doctrine based on the mind, reason, intelligence, and morality of his time. In turn, intelligence is the highest symbol of humanity.

“... Socrates's philosophy is a must for those who are constant in every age and every age, and which is never to be taken seriously.

The Socrates paid special attention to the doctrine of the person who started but did not finish. He first of all looked at the philosophers' thoughts before them, and saw the main disadvantages. Socrates thought, that the main problem of cognition and philosophy might be a man” [1, p. 58].

One of the greatest figures in the history of Kazakhstan, the “second teacher” after Aristotle, the well-known world-renowned philosopher Al-Farabi described how to disclose the philosophical and socio-ethical tracts of individuals in their philosophical and socio-ethical tricks on scientific philosophical basis. Happiness is the most profound of all, as the wise man says in the Treatise of Happiness, as one of the noblest aims of the human desire to succeed. A living person who has achieved it must always be satisfied. Such a thought leads to different interpretations of happiness. (For example, wealth, etc.) According to Al-Farabi, happy desire requires every man to find a way and a way to reach the peak of his happiness.

As a general rule, Farabi had two types of human-life situations (which cannot be praised and corrupted, praised or condemned). First, it does not make people happy. Second, it provides three types of happiness. They are human actions, human emotion (soul affects in Farabi's language) and reasonableness [2, p. 5-6]. The happiness is that the three possibilities of right or wrong in the first person have the ability to exist. Analyzing these issues leads to behavior based on genius affects. That is, humanity is this kind of good behavior and the unity of the mind will form a benevolent person. Wisdom, intelligence, intelligence, sharpness, conception is one kind of charity measured by the intelligence of the human soul. And the second type, for example, self-control, courage, generosity, and justice, is a charity in the soul's aspiration. In this regard, we can also consider bad things. Conventional Farabi, the cause of behavioral behavior, paves the way for the study of art and the peculiarity of the human body's perfection is the essence of the way in which behavior develops and develops when comparing and comparing health. Hence, they make individual analysis of their human qualities. In the analysis of morality, “good deeds between the two opposing sides” are determined by good deeds. Farabi, for example, said “Modesty is a moral quality between one's haughtiness and the shyness, on the other hand”, [2, p. 203]. These wise ideas of the wise man are valuable things of later times. The philosophical categories of the human being that reflected their moral qualities at every stage of life are always alive and sorted out in life.

This work of the genius is based on ethical values. The problem has been analyzed in the context of social life and human dignity, which is the most important element of morality in the midst of world view. Al-Farabi's heritage is a school of wisdom and self-knowledge. Let us consider one edge as follows.

In the history of the world, there are a lot of life-experiences, a great many-sided nature, a long way from the point of view of human endeavor, the dream of a human being in the community. In this process of perfection, maturity, the achievement of human achievement is the product of human power. Deeper stories inspired and inspired respect for humanity. Human life is not interrelated with man, human life, and society. Humanity is born of communication and communication, because the mystery of humanity. Knowledge of one's place in life, society, and respect for one's personality is manifestations of humanity. Morality is a supporting, promotional pillar that keeps both the way of life and the mind. Moral values are an example of being able to grow up and work. It recognizes the man's appearance.

The intellectual and spiritual world is filled with a deep sense of responsibility and self-esteem. That is why he develops his own dignity, abilities, and values. First of all, he regularly evaluates his business from the moral point of view. These wise thoughts of our ancestors led to this.

Further, Al-Farabi is considered to be honest and truthful in the face of human consciousness because of his good qualities and behavior. Man's self-respect is the basic principle of humanity. The core of the world's outlook is based on the analysis of humanity, the qualities that support the person, the ethical principles of humanity.

The wisdom of the universe is justified. In his opinion, wisdom (or philosophy) is a great artistic achievement of human purpose. This person's activity is based on the recognition of the properties of the gift of nature. Farabi is called a practical and civilized philosophy. Here we see the importance of interrelationship between wisdom and humanity. The wisdom is measured by reason and wisdom. Farabi shows that people are learning philosophy through reason and only because of this philosophy, people are happy. With the help of reason, a person develops science and art, and has the ability to distinguish between good and bad from the conduct and actions, and to think through useful and harmful aspects [2, p. 52].

In our socio-ethical views, our ancestors combine the concept of happiness with respect to the individual's personality. Happiness is, in a word, philosophical reasoning, profound intelligence, and good behavioral

harmony. Including the natural way of behavior is the spiritual wealth of the soul. It is always recognized by the actions of people. In her ethical doctrine, Dana puts her mind and humanity as her major integral part. In his opinion, a benevolent man is a clever, moral person. Such a person will be able to recognize and gain the values of his humanity and develop it further. First of all, it emphasizes the need for self-reliance. Confucius, a great thinker who left an indelible mark in the spiritual life of the Chinese people, states: "A wise man cannot stand without the depth of his knowledge, his soul's sincerity. His baggage is heavy and long way. The name of the cargo he carries is moral. What is this heavy burden? This way, it can only be perished ...". "The wise man is exalted, does not succeed, and the courageous man is not afraid" [3, p. 158].

The key to the wisdom of the Word is to look at any manifestation of the Kazakh steppes, scribes, and thoughts. The future and the present, the sadness and joy, the dream and desire, the difficulty and the happiness, the future and the future are important. Hence, wisdom and humanity are inextricably linked. It consists of wisdom, mature intelligence, and human equality and harmony. In a word, it is a combination of elegance. Sage composers of the steppes, poetry scribes and poets are spiritual masters. They have been able to find a way to the heart and mind and to develop an example of the perfection of human nature. The Prophet Muhammad said, "I am sent only to improve the nobility of goodness". The wise men of the Holy Spirit have strengthened the qualities of humanity and personality. This, in turn, served as the golden back that defines the continuity of succession, continuity of generations, their ideals of ideology, and secrets of continuity. Master of word-of-the-art, humanistic humanist-humanist Abay Kunanbayev disclosed moral philosophies and moral demands of his true creations in his deeply thought-out thoughts. A. Nyssanbayev said: "The spiritual, intellectual heritage of the great Abai is deeply rooted in philosophical ideas. He focused on and regarded the mature person as the main subject of philosophy in the whole East. Developing moral teachings, he has put forward the principles of human morality, personality improvement, and issues of national ethics. He raised the questions about the infinite cognitive ability of the person, the social role of education, the science and humanism" [4]. The wise poet, who aggravated his life experience, spoke to the future generations, pointing to the path of morality on the basis of the commandments. The main object of Abai's words is ethical teaching systems based on moral principles. Abay puts the blame above all. These were the most noble qualities of man. In the thirtieth-sixth word, we see a great moral conclusion from the thought that "shameful person's self-esteem". The main thing in the world of Abai's worldview is the respect for one's self-respect, the basic principle of morality, and first of all, that a person should purify his inner world. Abay "The preeminence of humanity is love, it is (justice), feeling. They do not have a place, they do not even come in. He is the deity of the god he has created". For the development of moral qualities in man, it is necessary for the heart to be pure and white. Heart brings people closer, develops and improves their relationships. "Will a living person have a good heart? The heart of our Kazakh people is the hero. Besides, he does not know the qualities of the heart. Compassion, kindness, and respect for every human being as his brother, and the idea that he thought was good for them, which means heart and heartiness are all matters of concern. If the tongue listens to what the heart says, it will not be false ..." [5, p. 292-293]. Abay also states that "Kazakh is also a human being, and most of them are foolish, and that the word of reason is reduced by lack of enthusiasm in the heart". And the main force that brings them together to the general level is science. "These three are known by the heart», said the scientist. These three are the ones who, as you have said to me, are the most holy men in the soil", says Abay [5, p. 297]. The aspiration for knowledge and science is a requirement, a concept. Abai is primarily interested in the necessity of becoming a person. Education, science, and art come in demand. It gives a person extra strength. Abay said about it: "Love is the beginning of the human being, the science, the science ... It's a requirement, a concept comes out of love. It is the third thing that science-education has to do with it" [5, p. 320]. Abay's great personality is one of the earliest words of the century, wisdom, wisdom, and genius, and its genius is of no use to humanity. "The spiritual heritage of the philosopher, who became the criterion of wisdom", writes A. Nyssanbayev, "is like an encyclopedia in the sense of the intelligent mind and life of the Kazakh people. The reason is that we can get clear, complete and accurate information from the economic, political, legal, family, cultural, historical and moral life of the Kazakh society at that time, when we recognize and actively absorb Abay ... Abay is a lifelong idea of humanity came. He urges his descendants to respect his service, not his career, his glory, and his wealth, his work, and his nation" [4]. The content of the wise words that are kept in the national memory of our people is filled with such values as finding and cultivating the noble qualities that lead to greatness and goodness. The role of folk wisdom and steppe empires and individuals played an important role in promoting humanitarian values and ideas. Hence wisdom is higher than morality, that is, the mind and the mind are the highest sign of humanity about this wise Boltirik said so: "One of the riches in the world. It is a mind. One of your loyal

supporters is in the world. It is a mind. One of your loyal defenders is in the world. It is a mind. One of the sacred luminaries is in the world that comes to light throughout the country. It is a mind. In the world, noble wind blows. It is a mind. In the world, there is a man in the garden. It is a mind. There is one person in the world, who puts the head on the head. It is a mind.

If a fool sits on his head, then there is no luck,
If it is stupid, it is strange.

Let god beware of mindless.

Let him save from the dirty (нас) commandments” [6, p.106-107] said. The word “we” means dirt, dirty, unclean, depending on the character of the person. These words are born of superior cognitive ability, practical wisdom, and vision. Shakarim Kudayberdiyev wrote in his philosophical treatise, “Ush anyq” that “man sees the truth without seeing it, and sees it with the mind”. Hence, the thought begins with the skill, the skill, the abilities, the beam of the mind. Again, Shakarim says, “A person with a deep thought, a straight-forward experience, communicates in a frivolous way. It is probably the Holy One” [7, p.6, 545]. We can conclude from this that the wisdom we see, the more we see, the more we hear, the more we have the experience, the depth of our knowledge. Our ancestors do not have the intellect or the talent. At the same time, Shakarim discloses the essence of human conscience and its essence. It is a combination of justice, satisfaction, and kindness. In other words, it is a sign of spirituality. The reason is that the one who believes is the one who is conscious. The one who has the shyness is the one who believes in it. He is a reliable companion in two human beings. It does not mean that there is “faith” in the Kazakh language. He wishes to say to one who is traveling to the world: “Let him be worshiped, let him be healthy” ... In this regard, Shal akyn is defined as “honesty is a sheep, a mind is a shepherd, lust is a wolf”, the true man did not neglect the value of the mind by dropping from the outside of the “devil – peri”, as he was the initiator of the spiritual essence of his poetry in his poems [8, p. 155].

The lust here is complemented by G. Esimov as follows: “While lust is based on natural law, it has become a kind of river flood, which is exposed by consciousness. Thus, the lust of man is absolutely royal. The soul of man is unsatisfactory because it has many branches. Man's lust is like a wolf. The wolf-donkey does not just eat a single sheep, but he has completely destroyed it. What is this? The name of such a dog is predatory. Likewise, man's lips are as that lips” [9]. That is why it is wise to do so. The mind is the guardian of faith. The wise and the stronger, the stronger one, does not abstain from any abuses, evil, and mischief. Only the mind and the faith can separate man from the imprudent, the devious world. That is why the content of the folk art is rooted in morality, intelligence, justice, honesty, in one word, morality.

People who care for the people and think about the peace of the country are individual people with respect and dignity. The epoch of the past epoch is in full swing. All the actions taken by these people, ultimately, originated from national interests. The mentality, mentality and national image of our people have been reflected in the works of the great Chechens, poets and zhyrau, and have proved that the national consciousness is always on the highest level.

The Kazakh people have a multi-century historical past and rich cultural and spiritual heritage. Many diverse, multidimensional traditions and diverse traditions, in turn, deeply reflect the dignity of national behavior.

The people, of course, are wise people, who only perceive the values that ensure the mutual harmony and harmony of national dignity in the history of human civilization.

The wisdom and the unity of wisdom and humanity are determined by the ability of the human being to heal spiritual wisdom, deep-seated mental functions, and good morals. This is evidenced by the wisdom we see in the eyes of our people as the blessing of humanity, the spiritual treasures we have accumulated in our lives. Historical training sessions, moral characters of artists play the pivotal role in improving the spiritual world of mankind. The aspirations of the zhyraus on the fate of the country, their fidelity to the country's fate are a reliable companion, spiritual sponsor of logical thinking. The fact that Steppe Democracy's genius was honored by state at this stage was not free, because the life and activity of outstanding historians coincided with the turning point in the history of the Kazakh people. Every time it is based on the sovereignty, independence and solidarity of the country; its the state, education and intellect. The core of the people's freedom is that of the zhuray who has come to communicate this person with the people, the country. In the culture of our minds, the exorbitant tradition, which began with a magnificent tradition, was a legend of great men in the history of the literature, art, philosophy, with its brilliant words, which became the benefit of the people.

The rapid and volatile nature of the 21st century creates difficulties in the development of each nation. These issues are especially evident in the cultural and spiritual life of the nation. The multifaceted nature of

globalization requires the revision of the system of values inherent in the national identity and the efforts to preserve their viable character. Otherwise, under the influence of various external trends and factors that extend the range of social life, the spiritual and cultural direction of the nation may lead to the great erosion. This issue is an important issue not only for the Kazakh people, but also for other peoples, who have come from the millennium, not only for a quarter century, but also as a sovereign state and to overcome the crisis. That is why today, every nation is deeply rooted in the interconnectedness and diversity of the universal and national values system within the context of cultural content. This is because the concept of value today is becoming increasingly important, as well as the so-called universal concept called traditional culture. As an influential factor, we focus on the uniqueness of the cultural identity and value orientation of each individual in the ethnos of globalization. That is why the problem of the value considered in the history of Kazakh philosophy and the history of philosophy is the main subject of multilateral research.

When we talk about the national identity system today, it is necessary to look at some of our country history stories. The historical, socio-economic situation and spiritual-cultural development have a great impact on the development of the value orientation of each nation and the development of its own goals with these values. That is, we need to reconsider our valueless fundamentals, which we have forgotten about historical circumstances, by studying history. In the centuries-long study of the nature of the spiritual and cultural achievements and values of our ancestors, we should analyze it as an important structure what will be the cornerstone of our present and future outlook. Valuable values inherited from the ancestors' tradition are the most important, as the main focus of our lives is its irresistible luminosity.

N.A.Nazarbayev notes: “The Ideology of traditionalism is logically connected with the crisis of socialist ideology. Indeed, what can be accessed, if the old dogma was untenable? Probably, to the most simple, understandable and at the same time deeply moral in the life of every nation to traditions. Their role in the life of the people is undeniable. Cultural traditions have always been a source of social revival. Returning to our origins and cultural roots is, of course, a positive process. In addition, it is necessary to abandon the simplistic interpretation of traditions and social progress. The experience of the modern world clearly shows that some traditional structures are very organically woven into the fabric of the current civilization. Innovation is also impossible without experience. It is traditions that allow people not to get lost, but to adapt their way of life to the rapid changes of the modern world” [10].

Conclusions

The knowledge's heritage of the world is a sample of wisdom, which was the beginning of inexhaustible inspiration with spiritual support. And these are cultural options which further advance is the breath of the historical world, drawing roots from the ancient world. As you know, the ancient folk legend, which describes the beginning of life, natural power, the fate of different ages' people, a deep philosophical truths, and they acquire new content, spiritual wealth, to embody the power of knowledge. This is a manifestation of generations. Traditional education in the popular sense is the formation of the spiritual world of man through the knowledge of external natural phenomena. The heritage of the most ancient epochs never demands to forget about brotherhood and spiritual interrelation with the natural world.

In the history of the caravan there is the notion of continuity. Throughout centuries, oral identity, tradition of a spiritual well-being, has been transformed into the public domain as a source of direct adherence to the long-standing existence of the human race. From the centuries to the end of the centuries, the eternal wisdom of inherent human dignity has never been forgotten in the way of progress.

References

- 1 Нысанбаев Ә. Қысқаша философия тарихы / Ә. Нысанбаев, Т. Әбжанов. — Алматы: Қазақ энцикл., 1999. — 272 б.
- 2 Әл-Фараби. Әлеуметтік-этикалық трактаттар / Әл-Фараби. — Алматы: Ғылым, 1975. — 418 б.
- 3 Древнекитайская философия / Сост. Ян Хин-Шун. . — Т. 1. — М.: Принт, 1994. — 364 с. / Қараңыз: Ә. Дастанұлы Көне Қытайдың кеменгер сөздері. Конфуцийден // Парасат. — 1994. — № 12. — 9, 10 б.
- 4 Нысанбаев Ә. Ұлы ойшыл / Ә. Нысанбаев, Г. Барлыбаева // Егемен Қазақстан. — 1995 — 5 мамыр.
- 5 Құнанбайұлы А. Қалың елім қазағым / А. Құнанбайұлы. Шығармалары. — Алматы: Жалын, 1995. — 384 б.
- 6 Дәдебаев Ж. Бөлтірік шешен / Ж. Дәдебаев. — Алматы: Ғылым, 1994. — 144 б.
- 7 Құдайбердіұлы Ш. Шығармалары: өлеңдер, дастандар, қара сөздер / Ш. Құдайбердіұлы. — Алматы: Жазушы, 1998. — 560 б.
- 8 Байділдаев М. Бес ғасыр жырлайды / М. Байділдаев. — Алматы: Жазушы, 1984. — Т. 1. — 256 б.

9 Есімов Ғ. Нәпсі / Ғ. Есімов. // Қазақ әдебиеті. — 2000 — 18 тамыз.

10 Назарбаев Н.А. Стратегия независимости / Н.А. Назарбаев. — Алматы: Атамұра, 2003. — 312 с.

Ә.С. Сағатова

Төл тарихты тану мұрасы

Кез келген елдің дамуы, өркендеуі оның ұрпақтарының білімі, тәрбиесімен ұштасып жатады. Сол білімнің, тәрбиенің көзі — көне ауыз әдебиеті үлгілері, ұлы дара тұлғалардың шығармашылығы болған. Мән-мазмұны тағылымдық әрі танымдық қасиеттермен астасқан даналық және адамгершілік үндестігі кез-келген адамды терең ойға, рухани биіктерге жетелейді, болашаққа деген құштарлыққа ұмтылдырады, саналылыққа, зерделілікке, зейінге тәрбиелейді. Мұндай рухани құндылықтардың өзегінде бабалар дәстүріндегі сөз шеберлігі, даналық ойлары, парасаттылығы өр ұғым, мұқалмас қағида тұрғысында ұрпақтар жүрегіне жол тауып, есінде мәңгі сақталатындай қалыпқа келген. Ұлы мұраттар әр заманда ел тарихының даму жолында негіз болған қазақ дүниетанымы құндылықтарымен астасып жатады. Қазіргі заман тұрғысынан дүниетанымдық ұстанымдардың қалыптасуына, уақыт лебімен өркендеуіне халық даналығының өзіндік рөлі мен орнын зерделеуді автор мақалада мақсат тұтса керек. Әр тарихи дәуірдегі тұлғалардың өз елінің болашағы үшін ұмтылыстарына рух берген, көкірек көздерін оятып, қоғамдық өмірге тың серпіліс-өзгерістер жаршылары болғандығын есте естен шығармау керектігін келер ұрпаққа үлгі-өнеге ретінде насихаттайды. Ұлттық дүниетаным нышандары даналықпен жасалған адамгершілік үлгілері ретінде адамның сезім дүниесінде ізгілікпен ой-өрісінің терендеуі — оның жан-дүниесінің кемелденуіне жол салса керекті. Қазақтың дәстүрлі мәдениеті жетістіктерінің көрінісі осының айғағы. Әрі бабаларымыздың дала табиғатымен шебер үндескен жарасымды ғұмыр кешуі де оның ой қарымының көкжиектілігінің көрінісі екендігін ашып көрсетеді. Автор кемелденген қоғамдағы рухани әлемнің жаңғыруына сенім білдіреді.

Кілт сөздер: даналық өнер, биік адамгершілік, білім өресі, этикалық құндылықтар, ел мүддесі, рухани бостандық, биік парасаттылық, бақытқа жету, даналық мұрасы, тарихи жады, даналық мектебі, өмір тәжірибесі, адамгершілікке тәрбиелеу, қайырымды адам, ағартушы-гуманист, ұлттық этика.

А.С. Сағатова

Наследие познания истории

Развитие и процветание любой страны идет рука об руку с образованием и воспитанием ее потомков. Источником этих знаний и воспитания стали образцы древней устной литературы, произведения великих личностей. Гармония мудрости и морали, суть которой сочетается с воспитательными и познавательными качествами, приводит каждого к глубокой мысли, духовным высотам, воспитанию сознания, интеллекта, внимания. В основе таких духовных ценностей лежат красноречие, мудрость традиций предков, которые проникли в сердца поколений и навсегда останутся в памяти. Великие идеалы переплетаются с ценностями казахского мировоззрения, которые всегда были основой развития истории страны. Автор ставит целью изучение роли и места народной мудрости в формировании мировоззрения в современном контексте. Он сообщает следующему поколению, что важно помнить, что люди каждой исторической эпохи были вдохновлены стремлением к будущему своей страны, предвещали новые прорывы в общественной жизни. Символы национального мировоззрения, как нравственно мудрые примеры, должны углубить поле человеческого мышления в мире добродетелей — путь к совершенству его души. Об этом свидетельствуют достижения традиционной казахской культуры. И тот факт, что наши предки жили в гармонии со степной природой, показывает, что это отражение горизонтов его мышления. Автор статьи верит в возрождение духовного мира в совершенствующемся обществе.

Ключевые слова: искусство мудрости, высокая мораль, кругозор знания, этические ценности, интересы страны, духовная свобода, высокий интеллект, достижение счастья, наследие мудрости, историческая память, школа мудрости, жизненный опыт, привитие гуманизма, добродетель, просветитель-гуманист, национальная этика.

References

- 1 Nysanbaev, A. & Abzhanov, T. (1999). *Qysqasha filosofia marikhy [Brief history of philosophy]*. Almaty: Qazaq entsklopediiasy [in Kazakh].
- 2 Al-Farabi. (1975). *Aleumettik-etikalqy traktattar [Social and ethical tracts]*. Almaty: Gylım [in Kazakh].

- 3 Yan, Khin-Shun (Eds.). (1994). *Drevnekitaiskaia filosofiia [Ancient Chinese philosophy]*. Vol. 1. Moscow: Print [in Russian]. / Qaranyz: Dastanyly A. Kone Qytaidyn kemenger sozderi. Konfutsiiden [Ancient Chinese wise words. From Confucius]. *Parasat — Reason*, 12, 9 [in Kazakh].
- 4 Nysanbaev, A., & Barlybaeva, G. (1995). Yly oishyl [Great philosopher]. *Egemen Qazaqstan — True Kazakhstan* [in Kazakh].
- 5 Qynanbaiyly, A. (1995). *Qalyn elim qazagym. Shyharmalary [I want to go to my dear country. Works]*. Almaty: Zhalyyn [in Kazakh].
- 6 Dadebaev, Zh. (1994). *Boltirik sheshen [Boltink speaker]*. Almaty: Hylym [in Kazakh].
- 7 Qydaiberdiyly, Sh. (1998). *Shyharmalary: olender, dastandar, qara cozder [Works: poems, epics, obscenities]*. Almaty: Zhazushy [in Kazakh].
- 8 Baidildaev, M. (1984). *Bes qasyr zhyrlaidy [Five centuries sing]*. Almaty: Zhazushy, — Vol.1 [in Kazakh].
- 9 Esimov, G. (2000). *Napsi [lust]. Qazaq adabietii [Kazakh literature]*. [in Kazakh].
- 10 Nazarbaev, N.A. (2003). *Stratehiia nezavisimosti [Independence strategy]*. Almaty: Atamura [in Russian].

А.Б. Калыш^{1,*}, А.И. Исаева²¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан;²Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті, Алматы, Қазақстан
(E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com, aliyaissaevna@gmail.com)**Көрнекті ғалым М.С. Мұқанов керей тайпасының этникалық тарихын және шежіресін ғылыми негіздеуші**

Мақалада отандық тарих және этнологияға елеулі үлес қосқан, қазақ халқының этникалық тарихын, соның ішінде Орта жүздің ру-тайпалық құрылымының тарихы, таңбасы, қоныстануы, этимологиясы мен таралу тарихына қатысты ел арасынан жинаған далалық этнографиялық материалдар негізінде, отандық және шетелдік ғылыми деректерге сүйене отырып толық мағлұматқа жан-жақты талдау жасап, өзіндік ғылыми түйінін жасаған көрнекті ғалым М.С. Мұқановтың керей тайпасына қатысты еңбектері зерделенген. М.С. Мұқанов қазақ халқының этникалық тарихы, қазақ жүздері мен тайпаларының құрамы, шежіресіне байланысты сан алуан мәселелерге терең қызығушылық танытқан. Тоталитарлық жүйе кезінде аталмыш тақырыптар мәселелерін зерттеуге мүлдем тыйым салынған болатын. Кеңес қоғамы көшпелілердің өзіндік биік мәдениеті мен қайталанбас салт-дәстүр ерекшеліктерін қасақана мойындамады. Оның астарында империялық мүдде мен саясат жатқан болатын. Алайда, оларға өзінің әріптестері мен көшпелілер өркениетінің ру-тайпаларының құрылымымен таныс С.П. Толстов, Т.А. Жданко және т.б. ғалымдар қолдау көрсетіп, өздерінің еңбектерінде М.С. Мұқановтың дұрыс идея ұсынғанын мойындап қана қоймай, сонымен қатар көптеген конференциялар мен сессияларда ғылыми тұрғыдан дұрыстығын бүкіл ғылыми жұртшылықты мойындата білді.

Кілт сөздер: ру, тайпа, этнография, орта жүз, шежіре, керей, жылнама, аңыз.

Kipicne

Халқымыздың ұлықты шежіресін жазу орта ғасырда өмір сүрген Қадырғали Жалайырдың еңбегінен бастау алары күмәнсіз. Ал Шоқан Уәлиханов пен Шәкәрім Құдайбердиев, Мұхамеджан Тынышбаев, Сәрсен Аманжолов еңбектерінен кейінгі жерде халқымыздың шежіресін шын мәнінде ғылыми зерттеу нысанасы дәрежесіне көтеріп, сол жолда ғұмырын арнаған ғалымдардың бірі М.С. Мұқанов еді.

Көптеген ғалымдардың, әсіресе М. Мұқановтың Орта жүзге қатысты зерттеулерінде жүздердің бастапқы шығу төркініне, қазақ ұлтын құрап отырған үлкен тайпалар мен рулардың генезисіне, этникалық құрамы мен олардың өзара бірігу процесіне кеңінен тоқталады. Мұндай мағлұматтарды аңыз-әңгімелер арқылы зерделеп, таңба-ұрандар арқылы дәлелдеп береді.

Шежіреде рулық кестелер жеке-жеке алынып, үлкен және кіші аталар бойынша таратылған. Әрине, бұл шежірелік кестелерді толық әрі дәл деп ұғынуға болмайды. Одан авторлардың белгілі бір үлгі-нұсқа, кестелер келешекке толығып, түсіп қалған, ұмыт болғаны ұрпақтармен жалғасып отыруы тиіс деген пікірлерде болғандығын көреміз.

Біз жұмысымызды зерделеу барысында М.С. Мұқановтың жарты ғасыр ширегінде зерттеген Орта жүздің ру-тайпаларына қатысты, соның ішінде керей тайпасына қатысты монографияларын осы саладағы көптеген көрнекті зерттеушілердің еңбектерімен салыстыра отырып, ғалымның пікіріне, жасаған түйіндеріне баса көңіл аударамыз.

Еліміз дербестікке қол жеткізгелі жерімізге көз алартушылар пайда болған тұста қазақ жерінің ежелден нақты ру-тайпаларының байырғы мекені екені бұл да бұлтартпас айғақ деп түсінгеніміз, тарихи танымымыздың жаңғыруына себепті салдар деп ұққанымыз абзал.

Зерттеу әдістері

Мақаланы дайындау кезінде ғылыми, оның ішінде, пәнаралық бағыттағы зерттеулерді жазу барысында қолданылатын әдістемелік принциптер басшылыққа алынды. Керей тайпасының этникалық тарихын және шежіресін ғылыми негіздеумен шұғылданатын зерттеушілердің еңбектерін

*Корреспондент автор. E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com (А.Б. Калыш)

карастыру барысында және оларды сараптап отырып, талдау жасау кезінде, авторлар тарихи-объективтік, логикалық, жүйелілік, салыстырмалы талдау т.б. әдістерді пайдаланды. Рулық кестелер, аңыз-әңгімелер, таңба-ұрандар тарихи-объективтік принцип негізінде көрсетілді. Осыған байланысты, зерттеліп отырған тақырыпты дәлелдеу үшін сараптамалық талдаудың әр түрлі бақылау әдістері қолданылды.

Нәтижелері және оларды талқылау

Керейлер ерте заманнан келе жатқан түркі тілдес тайпалардың бірі. Әйгілі шығыс зерттеуші ғалым Г.Е. Грумм-Гржимайло: «Керейлер IX ғасырдан бастап тарихқа әйгілі болған» десе [1; 409–417 б.], Н.А. Аристов: «Керейлердің жан саны X ғасырда 900 мың адамға жеткен» дейді [2; 392 б.].

М.С. Мұқановтың өзі де керей руынан. Айта кететін жайт, осы руды зерделеу барысында әкесі Сәбит Мұқановтың мәліметтерін көптеп пайдаланған. Сонымен қатар, атақты қазақтың әдебиет классигі Ғ. Мүсірепов, академиктер М.Қ. Қозыбаев, О.И. Исмағұловтар да осы керей руынан.

Ғалым зерттеулерінде нақты ғылыми деректерді келтіре отырып, көне керей мемлекетінің негізін салушы Керей батырдың бір кездері Моңғолияның солтүстік-батыс бөлігінде басшылық еткенін атап өтеді. Бірақ XII ғасырда Шыңғыс ханның сансыз көп әскерінің соққысына жығылған деп тұжырымдайды. Ғалым керейлердің шежірелік нұсқасының тамыры X ғасырда, мүмкін өте ерте кезеңге кететін шығар деген екі ұшты пікір келтіреді [3].

М.С. Мұқанов жоғарыда келтірілген ғалымдардың ғылыми түйіндеріндей, нақты керейлердің шығу кезеңін көрсетпейді. Сонымен қатар, керей халқының шығу тегі жөнінде ғалымдардың ортақ пікірі жоқ. Мәселен, В.В. Бартольд, В.Я. Владимирцев, Н.А. Аристов, М. Тынышбаев, С.В. Киселев керейлерді моңғолдар деп келтіреді [4; 472 б.]. Ал бұған қарсы ғалымдардың зерттеулерінде керейлерді түріктер деп дәлелдейді. Оған Рашид-ад-дин мен Әбілғазы Баһадүр-ханды қолдайтын Н.А. Аристов, С.А. Козин, М. Тынышбаев, С. Аманжолов, Ә.Х. Марғұлан, И. Қабышұлын жатқызамыз [5, 204–239 б.; 6]. М.С. Мұқанов өз зерттеулерінде жоғарыдағы аталған ғалымдардың «керейлерді моңғолдардан шығаруының басты себебін, олардың көршілес мекендеуін негізге алғандығынан», - деп түсіндіреді. Сонымен қатар, Марат Сәбитұлы бұл пікірге қарсы өзіндік нақты дәлелімен тұжырым айтады. Ғалымның пікірінше: «Егер жүздеген жылдар бойы тайпада түркілендіру процесі жүргізілсе, әрине, оның мәдениетінде, тұрмысында, тілінде және т.б. көзге түсерліктей элемент қалмас еді». Ғалым бұл пікірін дәлелдеу үшін тарихи әдебиеттегі көшпенділердің екі түрлі баспанасын басшылыққа алады. Бұл қалмақ және қазақ киіз үйі. Моңғол халқында қалмақ киіз үйі болғандығы белгілі, ал қазақ жерінде тіршілік еткен керейлерде көп жағдайда қазақ киіз үйі кездесетіндігін Марат Сәбитұлы басты назарға алады. Жоғарыда келтірілген дерекке сүйене отырып, ғалым, «XIII ғасыр басында Шыңғыс ханның көп әскерінің соққысынан Солтүстік Қазақстаннан қашқан керейлер моңғол тайпасынан болса және содан кейін жүздеген жылдар бойы «түркілендірілсе», бұл жағдайда олар тілінде, мәдениеті мен тұрмысында моңғолдың элементін сақтап қалған болар еді», - деп өз ойын тұжырымдай түседі. Бірақ түп негізі түріктерден шыққан керейлердің тілі, материалдық және рухани мәдениеті, қазақ халқы мәдениетінің құрамдас бөлігі болып тұрды [7; 29 б.] деп, ғылыми түйін жасайды.

Біз мұндай пікірді С. Аманжоловтың да зерттеулерінен көре аламыз. Ғалым шежірелік нұсқаға және ғалымдар келтірген аңыздарға сүйене отырып, керейлердің түркі тайпасы екендігіне еш күмән жоқ деген өзіндік пікірін келтіреді. Мәселен, Моңғолия тарихын жазған Санак Сесеннің, моңғол халықтарын үш топқа, яғни моңғолдарды «еке-моңғолдар» деп, татарларды «су-моңғолдар» (мұнда унгут, маңғыт және чунгут кірген), ал керейлерді Керей деп атағанын келтіреді. Бұдан С. Аманжолов керейлер ешқашан моңғол болмаған және моңғол деп аталынбаған деп өзіндік тұжырымын жасайды [8; 62 б.].

Академик Ә.Х. Марғұлан керейлер мен үнгіттердің моңғол дәуіріне дейін мәдениеті жоғары болғаны, көне түрік жазуларын пайдаланғандығы жөнінде: «Алтай, Жоңғар даласында, Енесейде орхон жазуы бар құлыптастар жиі кездеседі. Олардың көбін жазған керей мен үнгіттер. Моңғол дәуіріне дейін бұлар және наймандар тегіс несториан дінін қабыл еткен елдер. Бұл әсіресе олардың крест таңбасында ашық көрінеді. Бұл таңба қазақ керейлерде осы күнге дейін сақталған. Мұндай крест таңба бар құлыптастар Енесай даласында көп...» [5; 226 б.].

Ж.О. Артықбаев зерттеуінде деректерге сүйене отырып: «Орта жүздегі уақ-керей сияқты рулар Тәуке ханның кезінде Кіші жүздегі Жетіру сияқты біріккен. Орта жүздің басқа руына қарағанда әлсіз болғанымен, барлығынан да байлығы асқан» деп келтіреді [9; 68 б.].

1190–1206 ж.ж. аралығындағы монғол шапқыншылығының әсерінен керейіттердің бір бөлігі батысқа қарай Еділге дейін жетіп, өздерінің этнонимін сақтап қалды. Кейіннен осы атаумен өзбек, қазақ және қырғыздардың құрамына енді. Келесі бөлігі Шығыс Қазақстанда қалып, Орта жүз қазақтар құрамына керей атауымен кірді, яғни бұрынғы этнонимінің соңғы — т әрпінсіз. ... Бірақ бұл керей және керейіттердің кейіннен көшу барысында тоғысып, араласуы да мүмкін [10; 66 б.].

Өз тарихында қилы-қилы дәуірлер мен аласапыран замандарды бастан өткерген көне керей елі кейіннен қазақ халқын құрауға атсалысқан белді тайпалардың біріне айналды. Н. Наушабаев пен К. Батишевтің таратқан нұсқаларында керейді Орта жүз ру билеушісі Жанарыстан таратады. Басқа Орта жүз шежірелік нұсқасында керей, уақ, тарақты, төлеңгіттерді Орта жүздің рубасшысы Ақжолдың некесіз әйелінен туғызатынын көреміз.

Ш. Уәлихановтың уақ-керей руына қатысты келтірген дерегі назар аударарлық. Ұлы ғалым Орта жүздің қазақтарын құрайтын руларды атай келіп, осы жүзге кейінірек келіп қосылған уақ пен керейді — жетіру дейді [11; 111 б.].

Мұндай деректі, біз Ж.О. Артықбаев зерттеуінде келтірілген аңыз-әңгімеден көре аламыз. Ғалым зерделей келе: «... жеті шабарман оңтүстікке қайтпай қазақтың ішінде қалыпты, сол себептен әр ру өздеріне еншілес қылып оларды бөліп алды. Қаңлы мен Шанышқыны Үйсін, Керей мен Уақты — Орта жүз, Табын мен Телеуді Кіші жүз қалап, ал енді — жетінші адам Тама иесіз қалады. Сонда игі жақсылар жүйрік жарыстырайық деп келісіп, сол бәйгіде Кіші жүздің құла аты бірінші келіп, Таманы солар алған екен» - деп, Жетіру деп қазақ ертеден осы жетеуінің ұрпағын айтқан деп келтіреді.

Негізгісі, Ж.О. Артықбаев бұл келтірілгендерге қатысты өзіндік түйін жасайды. Ғалымның пікірінше, қазақ ішінде жетіру тек Кіші жүзде ғана емес, басқа Орта жүзде де баршылық екенін келтіре отырып, бірақ Кіші жүздегі негізгі рулардан бастау алатынын басшылыққа алады. Рулардың жетіру болып бірігуін, ғалым: «табиғи түрде ме әлде осы санды қасиет көруден келіп туындайды ма ол арасы белгісіз», — деп түйіндейді [9; 70 б.].

М.С. Мұқанов керейлерді таратқанда аңыз негізіне сүйене отырып келтірген. Мәселен, Орта жүзді Жанарыстан өрбіте отырып, одан Жаншораны таратады. Осы Жаншораны таратқанда келтірілген аңыз бойынша, оның үйіне келген алты қожаның берген батасына өзінің ризашылдығын білдірген Жаншора, болашақта бала сүйсе, осы алты қожаның есімдерін беруге уәде береді. Осы алты ұлдың төртеуі Орта жүздің таралуына негіз болған.

Ал, осы Жаншора бидің екінші ұлы Исмағұл қожаның екі ұлы: Ошыбай мен Жаубасар тарайды. Ал Ошыбайдан Керей, ол осы тайпаның ру басшысы. Міне, Марат Сәбитұлы өз зерттеулерінде керейді таратуда осы аңыз негізіне жүгінеді [3; 36 б.].

Керей этнонимінің этимологиясына қатысты Марат Сәбитұлы көптеген көне дерек көздеріне сүйенген, сонымен қатар бүгінгі таңдағы ғылыми зерттеулердегі деректерді келтірген.

Керей атауын алғаш рет Рашид-ад-дин еңбегінен кездестіреміз. Ол келтірген аңызында, «... ерте кезеңде бір ханның жеті (сегіз) ұлы болған және олардың қараторы келгендігін келтіреді. Соған байланысты оларды кереаттар деп атаған. Уақыт өте келе, оның ұрпақтары жеке атауға ие болды. Негізінде кейінгі кезге дейін, осы жеті ағайындардың ішінде біреуі хан болып, қалғандары оған бағынышты болған. Бірақ бұлардың барлығы бір құдайға аян» деп екі ұшты пікір келтіргенін көреміз [12; 140 б.].

Рашид-ад-диннің бұл айтып отырғаны, біздің пікірімізше, халық аузындағы аңыз негізінде жазылған. Сондықтан да ол: «мұны бір алла біледі» деп келтіріп қана қойған.

Бірақ Рашид-ад-диннің бұл пікірі Ш. Құдайбердіұлы зерттеуінен қолдау тапқанын көре аламыз. Сонымен қатар, Саян тауының Темірқазық тұмсығындағы Уде өзенінің бір айрығы Керей деген өзен атымен аталса керек деген Н.А. Аристовтың тұжырымына келіспейтіндігін көреміз. Шәкәрім қажы «бір ұйғырдың жеті баласының бәрі қара болғандықтан, оларды монғол тілінде керейт дейді, яғни қаралар деген дұрыс деп білемін» деп өз түйінін жасайды [13; 36 б.].

Ал М.С. Мұқанов ғылыми дерек көздеріне сүйене отырып, «Керей» — хан атауы, олар уақыт өте келе көбейіп, «бір тайпалық бұтақты құрады және оның ханның есімі осы тайпаға берілді», — деген пікірін кеңес өкіметі кезінде және соңғы жылдары жарық көрген зерттеулерінде келтіреді [3; 296 б.].

Керейден өсіп-өнген ұрпақ Ашамайлы және Абақ болып екіге бөлінеді. Шежіре дерегі бұл екеуін де Керейдің баласы, нақты кісі аты етіп көрсеткенімен, ғалымдардың бұл рулар атауына қатысты өз зерттеулерінде әр түрлі пікірлерін көреміз.

Мәселен, Н.А. Аристов еңбегінде бұл атауларды өте көне негізге жатқыза отырып, орхон жазуындағы жұмбақ мағыналы «ачюм апам» деген сөзді, ғалымдардың дерегіне сүйене отырып, «біздің бабамыз» (аталарымыз) дегенді білдіреді деп тұжырымдаған [4; 466 б.].

Ал С. Аманжолов пікірінше, «абак» сөзін лингвистикалық жағынан «аптак» сөзімен салыстырмалы келтіруге болатынын алға тартады. Ғалым керей руының Қара Керей, Абак Керей және Уақ-Керей болып бөлінетіндігін көрсетеді. Осындағы уақ-керейді зерттеулерде келтірілген деректер негізінде, осы сөздің тікелей мағынасы ұсақ — керей деп түсіндірсе, ал Абак-Керейлерді «аптак» сөзінің негізінде ақ нәсілділерге жатқызатындығымен байланыстырады [8; 38 б.].

М.С. Мұқанов өз зерттеулерінде бұл мәселеге қатысты өзгеше пікірі келтіреді. Ғалым: «түркі тілдерінде «омак», «умак», «обак» және маңғол тілінде «обок», «обох» деген сөздер қандас туыстарының өзінше бір одағы ұғымын білдіреді. Абак Керей дегеніміз — қандас-туысқан керейлер одағы деп жорамалдауға болады», - деп ғалым ғылыми тұжырым жасайды [14; 236 б.]. Абак атауы қазақ тайпаларының генеологиясында туыстықты әйел тарапы бойынша есептейтін матриархат дәуірінің неғұрлым көне формасы сақталғандығымен байланысты. Көптеген ғылыми деректерде оңтүстік славяндарындағы «домачица», словендердегі «господарица», орыстардағы «большуха» сияқты қазақ әйелдерінің де экономикалық және қоғамдық өмірде зор беделге ие болғандығы келтірілген. Ғалымның еңбегінде, тіпті бір рудың атын алған әйелдер де қазақ тарихында кездесетіндігін көрсеткен. Бұл әрине Абаққа да байланысты, яғни «Абак өз балаларын ғана емес, немере, шөберелерін де тәрбиелеген. Ол ақылды, әдемі, мейірімді және бала тәрбиесіне көп көңіл бөлген. Осындай қасиеттеріне байланысты үлкен құрметпен «Абак ру басшысы» атанып, мәңгі ұрпақ есінде қалған», - деген ғылыми дерек келтіреді [3; 41 б.].

Ғалымның келесі зерттеуінде Абак этимологиясы мен таралу тарихына қатысты ел арасынан жинаған далалық этнографиялық материалдар негізінде толық мағлұмат береді. Бұл келтірілген деректер керей тайпасының тарихына қосылған ғылыми маңызды зор мәліметтердің бірі деген пікірдеміз.

Абаққа қатысты М.С. Мұқанов келесі зерттеуінде басқаша аңыз келтірген. Мұнда Керейдің Абак атты сұлу да ақылды әйелі болады. Көп кешікпей Керей өледі де, Абак жеті жасар баласымен жесір қалады. Осы аңызда Ашамайлы Керейлердің арғы атасы Абақтан тарайды. Бұл аңызды Марат Сәбитұлы тарихи жағынан анық нұсқа емес, керісінше, мифтік болғанымен, керейлердің тегі туралы, сол заманның этникалық сана-сезімі мен идеологиясына қатысты айтылатын этнографиялық дерек ретінде қарастырады.

Керей тайпасының ашамай руының этимологиясына қатысты М.С. Мұқанов және көптеген зерттеулерде ортақ пікір келтірілген. Бұл зерттеулерде ашамай — тай салып, жас баланы мінгізетін және түйеге салып, ұзақ жолда шешілмей тең артатын ердің аты. Бір-біріне айқастырыла салынған қос-көсеу таңбасы (X) осы ашамай ердің сүйегіне ұқсайтын болғандықтан, оларды ашамай атаған. Сонымен, ашамайлы деген атау шежіреде көрсетілгендей, кісі аты емес, бұл тайпа ашамай таңбасы бар тайпа деген мағына беретін халықтық атау — этноним.

М.С. Мұқанов өз түйіндерін зерделей келе, ғалым С. Аманжоловтың бұл пікірінің дұрыс еместігін келтіреді. Ғалым мұндай тұжырымында ғылыми дерек көздеріне емес, Солтүстік және Шығыс Қазақстаннан ел арасынан жинаған материалдарына жүгінеді. Мұнда керейдің негізгі таңбасы + белгісі болғанын, сирек болса да X белгісі кездесетіндігін атап өткен. Айта кететін жайт, ғалымның ғылыми зерттеулерінде осы тұжырымды кездестіреміз [15; 37 б.].

Керей тайпасының ұранына қатысты ғылыми зерттеулерде әр түрлі деректер келтірілген. Мәселен, М. Тынышбайұлы керей ұранын — «Ашамай» [16; 29 б.]. С. Аманжолов — «Қарақожа», «Ойшыбай», «Ақжол» [8; 16 б.] деп келтірген.

М.С. Мұқанов керейдің жалпы тайпалық ұраны «Ойшыбай» деп, С. Аманжоловтың берген дерегіне жүгінеді. Ғалым мұндай тұжырымын, қазақ халқы ұранды сол тайпаның немесе рудың ұлы тұлғаларының есімдерімен атағандығымен байланыстырады [15; 37 б.].

Ғалымның бұлай пайымдауының дұрыстығын қазақтың көне тарих беттерінен көреміз. М.С. Мұқанов жалпы керей тайпасының шежіресін тарихы, орналасуы мен бұл тайпадан шыққан ұлы тұлғаларға қатысты «Тарихтың өткендерінен» атты ғылыми монографиясында дәйекті деректермен зерделеп көрсеткен. Бүгінгі таңда бұл зерттеумен тең келер еңбектер кемде-кем. Сондықтан, біз керей тайпасын таратуда осы монографияны басшылыққа алдық.

Негізінен, барлық зерттеулердегі таратылған шежіре деректерінде керейден: Абак Керей және Ашамайлы Керей деп екі үлкен тармақтан тұратынын келтірілген.

Ашамайлы Керейді таратуда Марат Сәбитұлының зерттеулері мен кейбір зерттеулерге ортақ пікірді көреміз. Мұнда Керейден Ашамайлы, одан Шимойын. Осы Шимойынан Танаш би, одан Сибан, Балта, Көшебе, Тарышы руларын таратады [17; 195 б.].

Бірақ М.С. Мұқанов керейді зерттеуде өз еңбектерінде әр түрлі шежірелік нұсқа келтіргенін көреміз. Мәселен, ғалымның келесі бір кітабында Танаш биден Балта, Балға, Көшебе, Тарышыны таратқан. Жоғарыда таратылған нұсқада Сибанды Танаш бидің ұрпағы етіп келтірсе, ал бұл кестесінде Марат Сәбитұлы Сибан Балғаның ұрпағы деп көрсетеді [15; 125 б.].

Бірақ М.С. Мұқановтың келесі зерттеуінде Көшебені таратқанда өзгеше етіп көрсеткен. Мұнда, Көшебенің бәйбішесі Ханшайымнан Жауынгер, екінші әйелінен Алмамбет, Әбілмәмбет, Оғыз Бұзау, Жәдігер Жалайыр, Жадыра, осы Көшебенің үшінші әйелінен Жылсай деп таратқанын көреміз. Біз көп жағдайда осы шежірелік нұсқаға жүгінеміз, өйткені толық қамтып өрбіткені және нақты деректер көздеріне жүгінгендігі маңыздылығын арттыра түседі.

Көшебе атауына қатысты М.С. Мұқанов аңыз негізіне сүйене отырып, көш бара жатқанда дүниеге келгендіктен атаған деп келтірген [3; 125 б.]. Назар аударатын жайт, мұндай тұжырымды өзге зерттеулерден көре алмаймыз.

Осы көшебе руының ұрпағы — қазақ халқының әйгілі әнші, композиторы, ақыны Қожағұлұлы Біржан (1834–1897).

Танаш бидің келесі ұрпағы Тарышының шежірелік кестесі мен Марат Сәбитұлының аталмыш зерттеулерінен кейбір ұқсастықты байқаймыз. М.С. Мұқанов Тарышыдан Ысмайыл, одан Ақсары, Құлсары, Тезегейді келтіреді [14; 197 б.].

Осы Ысмайылдың Ақсарысынан Ақымбет, Тоқымбет, Нұрымбет, Нұралы, Иманәлі, Байет, Әжі деп өрбіткен [14; 198 б.]. Келесі зерттеуінде, назар аударарлық жайт, Ақсарыдан Байет пен Әжіні таратады. Қалған Ақымбет, Тоқымбет, Естемес, Есеналы, Еменалы деп, олар Тарышының екінші ұлы Исмағұлдың ұрпағы деп көрсетеді [3; 138 б.].

Ысмайылдың Құлсарысын бір зерттеуінде тек Есеналы, Есбол десе, ал келесі зерттеуінде оның үшінші ұлы Малай деп тартқан [3; 139 б.].

Айта кететін жайт, керей тайпасының осы құлсары руынан көптеген ұлы тұлғалар шыққан. Мәселен, жоңғар басқыншылығына қарсы шайқаста аты шыққан Абылай хан мен Қаракерей Қабанбай батыр бастаған қазақ қолының алғы шебінде жүрген айбынды батырдың бірі — Бардәулетұлы Жәнібек аталмыш рудың ұрпағы.

Сонымен қатар, Тезегейдің шежіресін таратқан кезде де толықтыру болғанын көреміз. Ғалым Тезегейден тек Матақай тарайтынын көрсетеді, ал, келесі кітабында Матақай, Самай, Бәйтеке Тезегейдің ұрпақтары деп нақтылайды. М.С. Мұқанов керей тайпасының шежірелік нұсқасын таратуда ХХ ғасырдың бас кезеңіне әкеп тірейді. Зерделеу барысында ғалым өзге ғылыми еңбектерде көрінісін таппаған мәліметтерді келтіреді. Мәселен, тегі осы рудан шыққан Ташмұхаммед (Таштит) Барлыбаев (1833–1903) туралы жан-жақты мәлімет берілген [3; 17 б.].

Міне, ғалымның тек екі зерттеуінің өзін саралай отырып көптеген айырмашылықты көруімізге болады. Ғалым бұларды одан әрі өрбіткен кезінде де ортақ шежірелік нұсқа келтірмейді.

Бірақ, керей тайпасының абақ руына қатысты Марат Сәбитұлы зерттеулері мен шежірелік нұсқаларда еш айырмашылық жоқ. Мұндай пікірді, өзге ғалымдардың келтірген шежірелік кестелерінен де көре аламыз. Сондықтан қайталауды артық деп есептейміз.

Қорытынды

М.С. Мұқанов қазақ халқының этникалық тарихы, қазақ жүздері мен тайпаларының құрамы, шежіресіне байланысты сан алуан мәселелерге терең қызығушылық танытқан. Тоталитарлық жүйе кезінде аталмыш тақырыптар мәселелерін зерттеуге мүлдем тыйым салынған болатын. Кеңес қоғамы көшпелілердің өзіндік биік мәдениеті мен қайталанбас салт-дәстүр ерекшеліктерін қасақана мойындамады. Оның астарында империялық мүдде мен саясат жатқан болатын. Алайда, оларға өзінің әріптестері мен көшпелілер өркениетінің ру-тайпаларының құрылымымен таныс С.П. Толстов, Т.А. Жданко және т.б. ғалымдар қолдау көрсетіп, өздерінің еңбектерінде М.С. Мұқановтың дұрыс идея ұсынғанын мойындап қана қоймай, сонымен қатар көптеген конференциялар мен сессияларда ғылыми тұрғыдан дұрыстығын бүкіл ғылыми жұртшылықты мойындата білді.

Осы тұста М.С. Мұқановтың Қазақстан тарихын зерттеуші ірі ғалым ретінде көрінуі монографияларының басылуынан айқын байқалды. Оның монографияларында Орта жүз құрамына кірген тайпалардың тегі, әр кезеңдегі тағдыры мен этникалық тарихы, соларға байланысты толып

жатқан аңыз-әңгімелер, әр тайпаның немесе үлкен рулардың таңбасы мен ұраны жайында қолда бар материалдар толық келтірілген, оларға ғылыми талдаулар жасалған, құнды пікірлер айтылған.

Ғалым XV-XVI ғ.ғ. бергі Орта жүз құрамына кіретін арғын, найман, қоңырат, қыпшақ, керей және уақ тайпаларының шығу тегіне жеке-жеке тоқталады. Соның бір дәлелі ретінде мақаламызда зерделеп отырмыз.

Сонымен қатар, М.С. Мұқанов өзінің аталмыш зерттеулерінде атамекеніміздің тарихына, туған жеріміздің шежіресіне Қазан төңкерісіне дейінгі және кеңестік империя тұсындағы мұрағат құжаттарына, ғылыми деректер мен мәліметтерге сүйене отырып зор көңіл бөлді. Ол Ресей империясының қазақ жерін XVIII ғ. мен XX ғ. басында жүйелі түрде отарлауы мен оның қалай жүзеге асқандығы туралы нақты құжаттар мен деректерді пайдаланды.

Өткенімізге ой жіберіп, барымызды нардай, жоғымызды ардай түгендеп жатқан бүгінгі күнде ұлтымызға ортақ үш жүздің ұлан-ғайыр шежіресінің басы біріктіріліп, бір ізге түсірілгені де рухани өмірімізге қосылған құнды тәлім екендігі даусыз.

Жүсіп Баласағұнның «кісі мәңгі болмас, мәңгі аты, арыға мәңгі қалар шапағаты» деген нақыл сөздерімен қорытындылай келе, ғалымның артында қалған монографиялары қазақ халқының тарихы, әсіресе Орта жүз ру-тайпаларының этникалық тарихы, қоныстануы, шежіресі, таңбаларына қатысты және қазақ халқының ұлттық қолөнерін, материалдық мәдениетіне қосылған өзіндік үлесі бар бағалы туындылары, шәкірттері артында қалған баға жетпес мұрасы деп есептейміз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Дополнения и поправки / Г.Е. Грумм-Гржимайло. — Т. 3. — Вып. 2. — Л., 1926. — 460 с.
- 2 Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований / Н.А. Аристов // Живая старина. — Вып. III — IV. — СПб., 1894. — С. 391 — 486.
- 3 Муканов М.С. Из исторического прошлого. (Родословная племен керей и уак) / М.С. Муканов. — Алматы: Қазақстан, 1998. — 160 с.
- 4 Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н.А. Аристов // Живая старина. — Вып. 3. — СПб., 1896. — С. 465 — 472; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. — М.: АН СССР, 1951. — 642 с.
- 5 Марғұлан Ә.Х. Қазақ тарихынан // Орта ғасырда тасқа қазақша бедерленген белгілер / Ә.Х. Марғұлан — Алматы: Жалын, 1997. — 544 б.
- 6 Қабышұлы И. Монғолия қазақтарының тарихы / И. Қабышұлы — Бай-өлке, 1980. — 248 б.
- 7 Востров В.В. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.) / В.В. Востров, М.С. Муканов. — Алма-Ата: Наука, 1968. — 254 с.
- 8 Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка / С. Аманжолов. — Алматы: Санат, 1997. — 608 с.
- 9 Артықбаев Ж.О. Қазақ этнографиясы: этнос және қоғам. XVIII ғ. / Ж.О. Артықбаев. — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 1995. — 266 б.
- 10 Қадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаирав, найманов и керейтов / А.Ш. Қадырбаев — Алматы: Рауан; Демеу, 1993. — 167 с.
- 11 Уәлиханов Ш.Ш. Таңдамалы / Ш.Ш. Уәлиханов. 2 — бас. — Алматы: Жазушы, 1985. — 560 б.
- 12 Рашид-ад-Дин. Жамиат Таварих. Критический текст А.А. Алиазаде / Рашид-ад-Дин. — Т.11. — Ч.1. — М., 1980. — 220 с.
- 13 Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі / Ш.Құдайбердіұлы. — Алматы: Қазақстан-Сана, 1991. — 80 б.
- 14 Арғынбаев Х. Қазақ шежіресі хақында / Х. Арғынбаев, М.С. Мұқанов, В.В. Востров. — Алматы: Атамұра, 2000. — 464 б.
- 15 Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза / М.С. Муканов. — Алма-Ата: Наука, 1974. — 200 с.
- 16 Тынышбаев М. Материалы к истории киргиз-казацкого народа (Читаны в Туркестанском отделе РГО в 1924 и 1925 гг.) / М. Тынышбаев. — Ташкент: Вост. отд. кирг. гос. изд., 1925. — 62 с.
- 17 Қозыбаев М. Ақиқаттан аттамайық / М. Қозыбаев, М. Мұқанов, Ю. Романов, Ә. Ақышев, И. Ерофеева, К. Пишулина, Н. Әлімбаев. // Социалистік Қазақстан. — 1991. — 6 маусым.

А.Б. Калыш, А.И. Исаева

Выдающийся ученый М.С. Муканов — основоположник этнической истории и генеалогии племени керей

В статье изучены труды М.С. Муканова, внесшего значительный вклад в отечественную историю и этнологию и создавшего свой научный взгляд на основе полевых этнографических материалов, собранных в стране и на основе отечественных и зарубежных научных данных, касающихся этнической истории казахского народа, в том числе истории родоплеменного устройства Среднего жуза, тамги, расселения, этимологии и распространения. Ученый проявлял глубокий интерес к различным вопросам, связанным с этнической историей казахского народа, составом казахских жузов и племен, генеалогией. При тоталитарной системе изучение этих тем было категорически запрещено. Советское общество умышленно не признавало у кочевников своей высокой культуры и неповторимых традиций. Под этим лежали имперские интересы и политика. Однако это не относится к таким ученым, как С.П. Толстов, Т.А. Жданко и другие, знакомым со строением племен кочевой цивилизации, которые поддержали и в своих трудах не только признали, что М.С. Муканов выдвинул правильную идею, но и на многочисленных конференциях и сессиях неоднократно отмечали научную правоту его идей.

Ключевые слова: род, племя, этнография, Средний жуз, шежире, керей, летопись, легенда.

A.B. Kalysh, A.I. Isaeva

Outstanding scientist M.S. Mukanov-scientific founder of the ethnic history and genealogy of the Kerey tribe

The article examines the works of the outstanding scientist Mukanov M. S., who made a significant contribution to the national history and Ethnology, created his own scientific node on the basis of field ethnographic materials collected in the country and on the basis of domestic and foreign scientific data concerning the ethnic history of the Kazakh people, including the history of the tribal structure of the middle Zhuz, Tamga, settlement, etymology and distribution. M.S. Mukanov showed a deep interest in various issues related to the ethnic history of the Kazakh people, the composition of the Kazakh zhuzs and tribes, and genealogy. Under the totalitarian system, the study of these topics was strictly prohibited. Soviet society deliberately did not recognize the nomads' high culture and unique traditions. Under it lay Imperial interests and politics. However, they include S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko, and others who are familiar with the structure of their colleagues and the tribes of nomadic civilization. Scientists supported and in their writings not only recognized that M.S. Mukanov put forward the right idea, but at numerous conferences and sessions, the scientific correctness of the entire scientific community was recognized.

Keywords: clan, tribe, Ethnography, Middle Zhuz, Shezhire, Kerey, chronicle, legend.

References

- 1 Grumm-Grzhimailo, G.E. (1926). *Zapadnaia Monholiia i Uriankhaiskii krai. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran. Dopolneniia i popravki* [Western Mongolia and the Uriankhai region. An anthropological and ethnographic sketch of these countries. Additions and amendments]. (Vol. 3; Issue 2). Leningrad [in Russian].
- 2 Aristov, N.A. (1894). *Opyt vyiasneniia etnicheskoho sostava kirhiz-kazakhov Bolshoi ordy i karakirhizov na osnovanii rodoslovnykh skazanii i svedenii o sushchestvennykh rodovykh deleniakh i rodovykh tamhakh, a takzhe istoricheskikh dannykh i nachinaiushchikhsia antropologicheskikh issledovaniu* [Experience of finding out the ethnic composition of the Kyrgyz-Kazakhs of the Great Horde and karakirgiz on the basis of genealogical legends and information about existing tribal divisions and tribal tamgas, as well as historical data and beginning anthropological research]. Saint Petersburg [in Russian].
- 3 Mukanov, M.S. (1998). *Iz istoricheskoho proshloho. (Rodoslovnaia plemen kerei i uak)*. [From the historical past: (Genealogy of the Kerey and Uak tribes)]. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 4 Aristov, N.A. (1896). *Zametki ob etnicheskom sostave tiurkskikh plemen i narodnosti i svedeniia ob ikh chislennosti* [Notes on the ethnic composition of the Turkic tribes and nationalities and information about their numbers]. *Living antiquity, Issue 3* Saint Petersburg [in Russian].
- 5 Margulan, A.Kh. (1997). *Qazaq tarikhnan* [Kazakh relief]. *Orta hasyrda tasqa qazaqsha bederlenhen belhiler* [Kazakh relief signs on stone in the Middle Ages]. Almaty: Zhalyn [in Kazakh].
- 6 Kabyshuly, I. (1980). *Monholiia qazaqtarynyn tarikhny* [History of Mongolian Kazakhs]. Bai-olke [in Kazakh].
- 7 Vostrov, V.V., & Mukanov. M.S. (1968). *Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX – nachalo XX vekov)*. [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late XIX-early XX Centuries)]. Alma-Ata: Nauka [in Russian].

- 8 Amanzholov, S. (1997). *Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka [Questions of dialectology and history of the Kazakh language]*. Almaty: Sanat [in Russian].
- 9 Artykbayev, Zh.O. (1995). *Qazaq etnografiyası: etnos zhane qoham XVIII h. [Kazakh ethnography: Ethnos and society. XVIII century]*. Karaganda: KarMU baspasy. Izdatelstvo KSU. [in Russian].
- 10 Kadyrbaev, A.Sh. (1993). *Ocherki istorii srednevekovykh uihurov, dzhalaırov, naimanov i kereıtoıov [Essays on the history of medieval Uighurs, Jalayırs, Naimans and Kereıts]*. Almaty: Rauan; Demeu [in Russian].
- 11 Ualikhanov, Sh.Sh. (1985). *Tandamaly. 2 bas. [The chosen ones. 2-Publisher]*. Almaty: Zhazushy [in Kazakh].
- 12 Rashid-ad-din. (1980). *Zhamiat Tavarikh. Kriticheskii tekst [Jamiat Tavarikh. Critical text]. (Vol. 11, Part 1)*. Moscow [in Russian].
- 13 Kudaıberdyuly, Sh. (1991). *Turik, Kyrghyz-Kazakh kham khandar shezhıresi [Turkic, Kyrgyz-Kazakh khans are shezhire]*. Almaty: Kazakhstan-Sana [in Kazakh].
- 14 Argyubaev, Kh., Mukanov, M.S., & Vostrov, V.V. (2000). *Qazaq shezhıresi khakynda [About the Kazakh genealogy]*. Almaty: Atamura [in Kazakh].
- 15 Mukanov, M.S. (1974). *Etnicheskii sostav i rasselenie kazakhov Sredneho zhuza [Ethnic composition and settlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]*. Alma-Ata: Nauka [in Russian].
- 16 Tynyshbaev, M. (1925). *Materialy k istorii kirghiz-kazakhskogo naroda (Chıtany v Turkestanskom otdelē RGO v 1924 i 1925 hh.) [Materials for the history of the Kyrgyz-Cossack people (Read in the Turkestan Department of the Russian Geographical Society in 1924 and 1925)]*. Tashkent: Vostochnoe Otdelenie Kirghizskogo gosudarstvennoho izdatelstvo [in Russian].
- 17 Kozybaev, M., Mukanov, M., Romanov, Y., Akishev, A., Erofeeva, I., & Pishchulina, K. et.al. (1991). *Aqıqattan attamaiyq [Tarting from the truth]. Soıialistik Kazakhstan, June 6* [in Russian].

N.A. Donetskaya *

*Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan
(E-mail: ndonetskaya@mail.ru)*

**Philosophical and historical aspect of the individual's role
in social modernization as exemplified by “the era of great reforms”**

This article examines the philosophical and historical aspect of the role of the individual in the process of social modernization through the example of “the era of great reforms” in Russia in the second half of the XIX century. The authors analyze the modernization of the society as a complex multidimensional process that includes a number of factors and problems, and advocate the need to keep distance from various ideological constructs applied to the definition of modernization. The philosophical foundations of the problem of the individual in the process of modernization are considered in the scope of an institutional approach. The necessity of social transformation acknowledged by the society elite as a public demand reveals itself in personal representation. The personality of the reformer becomes one of the main driving forces of social changes. This aspect is considered through the example of the modernization of Russia in the second half of the XIX century and the personality of the initiator of “the era of great reforms” - Emperor Alexander II. The article concludes that the reforms carried out during the reign of Alexander II generally met the challenges of the period and were aimed at solving urgent socio-economic problems. They laid foundation for further development of the country, expanded boundaries of the civil society and the law-governed state. However, the process of modernization was incomplete, for the introduction of constitutional government elements as the logical result of all previous changes, was not implemented. The role of the individual in the modernization process is shown through the example of the reformer. As a result of the death of the reformer, the modernization of the country did not blend seamlessly, as his followers held traditionalist views, and the country embarked on a revolutionary course.

Keywords: philosophy of history, modernization, personality, social consciousness, theory of modernization, "era of great reforms", social transformation.

Introduction

Modernization of a society is a complex multi-faceted process that includes a number of factors and problems. If we try to distance ourselves as much as possible from various ideological constructs, this phenomenon can be defined as a complex renewal of the socio-economic, political, and spiritual foundations of the society through the implementation of innovations and improvements.

Traditionally, there is a distinction between organic and inorganic modernization. The first is the result of the authentic development of the country and takes place in the course of a natural historical process. This type of modernization is based primarily on mental foundations; it is rooted in culture and the natural transformation of social consciousness, which is followed by certain economic changes. Inorganic modernization is an attempt to reach the level of the most economically developed countries. In this case, there is a “overtaking development” forced by the ruling elite in order to overcome the country's economic backwardness. In this case, the transformation is not caused by the deep needs of the society itself, by the course of its histori-

*Corresponding author's e-mail: ndonetskaya@mail.ru (N.A. Donetskaya)

cal development, the principles of modernization do not have time to reach a large part of the population, as a result, they do not receive strong social support.

Inorganic modernization is not inherently doomed to failure. Many societies have set a successful example: Japan, South Korea, Singapore, etc. But when this type of change is carried out, the role of the individual who initiates and implements changes in the society increases significantly. The success greatly depends on the talents, skills, and will of the reformer.

Experimental

In social philosophy, there are two main approaches to this phenomenon – classical and non-classical.

The classical approach assumes that the spread of advanced technologies, a liberal economy and the corresponding socio-political organization of all societies should follow the path of the Western world as the most competitive civilizational type. In this regard, modernization is sometimes considered synonymous with Westernization: "Historically, modernization is a process of change in the direction of the types of social, economic, and political systems that were developed in Western Europe and North America from the 17th to the 19th centuries and then expanded to other countries and continents." [1; 31]

In the second half of the last century, this approach was increasingly subjected to reasonable criticism on a number of aspects, as a result of which the philosophical understanding of the theory of modernization was radically reconsidered.

"What was the main drawback of the Western models of modernization of the XX century in relation to the realities of our time? They transferred their unique experience to all peoples and civilizations without taking into account their peculiarities. Even largely modernized societies are affected to the codes of culture whose origins are traced back to the past." [2, p. 1]

By the beginning of the twenty-first century, the countries of South-East Asia took the leading position in terms of modernization indicators. "Modernization increasingly faces various cultural obstacles that destroy the universality of the original European modernization." [3; 82] As a result, a methodologically more complex non-classical paradigm of modernization has been established, which denies universalism and recognizes the differences in modernization of different societies.

The search for the philosophical foundations of the problem of personality in the process of modernization involves an institutional approach. As S. Black states, "modernization can be defined as the process by which historically evolved institutions adapt to rapidly changing functions, which reflects the unprecedented expansion of human knowledge to exercise control over the environment that accompanied the scientific revolution. This process of adaptation had its roots and initial influence in the societies of Western Europe, but in the XIX-XX centuries these changes spread to other societies and resulted in a global transformation that affected all human relationships." [4] It is the need for social transformation realized by the elite of society and recognized as a social need that is revealed in personal representation. The personality of the reformer becomes one of the main driving forces of social changes. In this article, this aspect is considered through the example of the modernization of Russia in the second half of the XIX century and the personality of the initiator of "the era of great reforms" - the Emperor Alexander II.

Results and Discussion

By the middle of the XIX century, the Russian Empire experienced a complicated situation. The Crimean war, unsuccessful for the country, was going on, finances were disordered, and tensions in the society were increasing. Russia remained a feudal state longer than other European countries, which greatly hindered the development of the country, especially the development of its economy. Serfdom was completely irrelative by the beginning of the century and the main reason for Russia's economic and social lagging behind other "great powers" of that time.

The industrial revolution that took place in advanced countries at the end of the XVIII century, which also affected Russia, led to a devaluation of manual labor; technologies were developed, factories were opened that did not have enough skilled workers. Russia remained a predominantly agricultural country, so its economic lag increased. Households ceased to bring high profits, but the peasants were still not free, were attached to the landlords, which caused an increasing discontent and even riots. On the other hand, landowners' farms also suffered losses, serfdom in the new economic conditions ceased to be profitable. Accordingly, revenues to the state budget were reduced, which had a negative impact on the country's economy.

The Crimean war showed that Russia's military and economic system did not meet the requirements of the time. The defeat suffered within the country's borders and by the states forced to wage war separately

from the mother countries was recognized in the society as unacceptable and humiliating for the status of a great world power. "The enlightened society seemed to see clearly, having discovered all the inconsistency and rottenness of the state system that was severely protected in the reign of Nicholas I. The Crimean war opened up all the sores of Russia's serfdom." [5; 149]

The war finally undermined the economy, which already had a little safety margin. Recruitment and conscription to the militia excluded up to 1.5 million people from agricultural production (10%) male employees. The number of livestock decreased by 13%, and in the southern regions by 34%. Amounts of crops in the landowner's village fell by 35%. During the war, the export of bread, compared to the pre-war period, dropped by 13 times, the export of flax by 8, hemp by 6, fat by 4 times. The volume of machinery imports decreased by 10 times. Industry did not have enough labour supply, as up to 35% of the country's population was in serfdom. Regular requisitions of livestock, forage and food, the growth of monetary and conscription homage further impoverished the people [5; 150].

The country's finances were in a desperate state. During the war, from 1853 to 1856, the total deficit increased by 6 times (from 52 million to 307 million rubles). The gold backing of the currency decreased by more than 50%. Among the income items, the share of wine purchases increased – from 33% in 1845 to 43% in the war years. In two years, from July 1857 to July 1859, the cash of the banks fell from 150 to 13 million rubles [5; 150].

The economic decline led to an increase in popular discontent. In the period from 1859 to 1861, peasant uprisings broke out all over Russia and reached their apogee, which also affected the developing of the reforms, but their role was somewhat exaggerated in Soviet historiography [6]. According to the available data, in 1856 there were 66 peasant protests against unbearable forced labour and servage, cruelty of landlords, etc., in 1859 there were already 797 ones [7].

The country needed to be reformed – this was understood by the Emperor Alexander II, who came to the throne on February, 18 (March 2), 1855, by the government and people.

Thus, the main reasons for the reforms were the need to abolish serfdom, which greatly hindered the country's economy and caused the growth of peasant unrest, as well as the lost Crimean war. The moral aspect and the matter of state prestige also played a significant role in the abolition of serfdom. The personality of the Emperor Alexander II, who initiated the overdue reforms, is also one of the most important factors.

The eldest son of Emperor Nicholas I, he was born on April 17 (29), 1818. He received an excellent home education under the personal supervision of his father, who paid particular attention to raising the heir. His mentor (whose responsibility was to direct the entire process of upbringing and education and to draw up a "plan of learning"), the famous poet and enlightened person V.A. Zhukovsky was also a teacher of the Russian language. Famous scientists and political figures of that time taught various disciplines. Upon reaching the age of majority, the heir-Tsarevich was introduced by his father to the main state institutions of the Empire: in 1834 - to the Senate, in 1835-to the Holy Governing Synod, in 1841 he became a member of the State Council, in 1842 – of the Committee of Ministers.

He took the helm of state after the death of his father in 1855. "By the nature his outlook, character, and temperament, Alexander II was not a reformer. He became one by force of circumstances... In the main task of his reign-the abolition of serfdom and the reforms of the 1860s and 1870s-he was forced, faced with the fact of a severe defeat in the war and general discontent in the country, to take as a basis a liberal program, a liberal concept of large-scale reform of the country, its general reconstruction" [7].

Another succinct evaluation of the reformer was given by the outstanding Russian historian V. O. Klyuchevsky in his last scientific article, written in 1911: "Alexander II inherited a legacy burdened with belated reform issues, long-overdue promises and recent heavy losses... Alexander II had to drag through his reforms. He differed markedly from his immediate predecessors by his lack of inclination to play the king. <...> He did not want to seem better than he was, and often was better than he seemed." [quoted after 8]

According to those who knew the young Emperor intimately, at the beginning of his reign, he was no less conservative than his father, but in the name of saving the state, Alexander II had to look for new solutions and new people. Back in the spring of 1856, he openly declared that it is much better and safer for the state to carry out transformations "from above" than to wait for them to be carried out "from below" [9]. The ability to prioritize public benefit over his own beliefs characterized the Emperor Alexander II as an outstanding political figure.

The poverty of the people, the decline of the country's productive forces, the lack of railways that already covered Europe, judicial and administrative inefficiency, the backwardness of the army, and many social problems are not a complete list of what the Emperor Alexander II had to face.

The essence of Alexander II's reforms was in restructure of the society and the management system and developing a new type of state.

One of the most important reforms, and chronologically the first of them, is the peasant reform, the abolition of serfdom in 1861. The reform was been preparing during several years and, despite the resistance of a large part of the nobility, was carried out, largely thanks to the will of the Emperor himself.

The main document of the reform - "The general provision on peasants who came out of serfdom" – presented its main issues, summarized as follows [5. P.175-192]. Peasant gained personal freedom and the right to freely dispose of their property. They were granted the right of elective self-government, the lowest (economic) unit of self-government was a rural society, and the highest (administrative) unit was a parish. The landlords retained ownership of all the land they owned, but were obliged to grant the use of the peasants "homesteads settlement" and field allotment; the land of the field allotment was provided not personally to the peasants, but to the collective use of rural societies, which could distribute them among the peasant farms at their discretion. The minimum size of the peasant allotment for each locality was established by law. For the use of allotment land, the peasants had to serve husbandry service or pay a chief-rent which they could not refuse to do for 9 years. The size of the field allotment and duties were to be recorded in the charters, which were drawn up by the landlords for each estate and checked by chief conciliator. Rural communities were granted the right to buy out the estate and, by agreement with the landowner, the field allotment, after which all obligations of the peasants to the landowner were terminated. The government provided the landlords with financial guarantees to receive the redemption payments on preferential terms, accordingly, the peasants had to pay the redemption payments to the government.

At the same time, although abolition of serfdom gave the peasants the personal freedom, but they did not gain land for private use, and had to work off or pay to get it. The terms of land purchase were not the favorable for peasants, which contributed to the stratification of rural communities. In addition, private peasant economic enterprise was largely limited by the communal nature of land ownership.

In 1863, financial reform was carried out. The need for changes in this area was particularly clear after the devastating Crimean war. Under Alexander II, the exact procedure for drawing up annual parish and expenditure estimates for all departments was established. The general state record of revenues and expenditures was published annually for public information. The "treasury unity" was introduced, subordinating all public expenditures to the control of the Minister of Finance, whereas previously each Ministry had its own special treasury and managed it itself. The newly reorganized state control was supposed to monitor the accuracy of the estimates.

The tax system was also reformed. One of the most important innovations in this area was the abolition of wine tax in 1863. Alcohol taxes were a significant part of the budget in Russia. Since 1826, the government began to hand over the right to sell wine in a particular area to narrow groups of entrepreneurs, but since 1863, alcohol could be sold by any private person on condition of payment of excise duty to the Treasury.

The large-scale construction of railways and the rapid growth of banking activities also helped to improve the state of the finances.

At the very beginning of his reign, the Emperor Alexander II abolished the restrictive measures that had been taken against educational institutions in the last years of his father's reign. The University Charter of 1863 was published, granting self-government to the professorial corporation. The Board of professors at each University elected all University officials and managed the University's economy; the Trustee of the academic district was only responsible for overseeing the legality of the Board's actions. But students did not get the right to run corporate institutions. In 1871, the classical system of education was introduced in the humanities high schools, and technical high schools were replaced by real schools. The era of Alexander II was marked by the rapid development of women's education, including higher education. Under the leadership of Professor K. N. Bestuzhev-Ryumin, the famous "higher women's courses" ("Bestuzhev's") were opened in St. Petersburg (in 1878). Notable successes were also achieved in the field of lower, public, education. In addition to parochial schools, a new type of secular primary school has emerged. By the end of the reign, tens of thousands of these new schools were opened [10].

The Zemstvo reform, the main document of which was the "Regulations on provincial and district Zemstvo institutions," published on January 1, 1864, improved local self-government in Russia, replacing the former estate institutions with non-class ones. All landowners, merchants and industrialists who have a certain property qualification, as well as (collectively) peasant societies, had the right to elect (for three years) representatives to the district Zemstvo assemblies. These assemblies met in full only from time to

time, but they also had their own permanent body – the district Zemstvo Council, elected from the members of the assemblies. The Zemstvos had a fairly wide range of authorities. They included: public education, public health care, food, road maintenance, and veterinary care. All this required monetary funds, so the Zemstvo institutions were given the right to tax the population with fees and duties for local needs. In 1870, local government was extended to cities in addition to parishes and provinces

Participation in Zemstvo elections was not equal for everyone, it was based on property, but it was still rather extensive (the peasantry participated in the elections almost entirely, although not in "equal numerical proportion" with the wealthier people). Some researchers consider the disadvantages of the Zemstvo reform to be the limitations of the taxation law, which did not provide local authorities with considerable funds, as well as the absence of an all – Russian Zemstvo along with the provincial and parish ones [5; 221].

On November 20, 1864, the "Judicial statutes" were issued, which changed the old forms of Russian legal proceedings. Instead of the estate courts that had been in operation since the time of Catherine II, a non-estate court was established. It was open and transparent, with the participation of the parties – whereas the former courts decided cases behind closed doors, in the absence of the claimant and the defendant. In both civil and criminal cases, the judicial reform of 1864 introduced an adversarial process, with a prosecutor and a lawyer. Appointed from among ordinary citizens, the jury had to listen to the court materials and answer the question: is the defendant guilty? Based on the verdict of the jury, the court decided either to invoke an appropriate punitive article of law, or to release an acquitted defendant. (The jurisdiction of the jury, however, did not cover cases of state and certain official crimes, as well as cases of the press). Judges were granted irremovability and independence from the Executive branch.

Another reform of Alexander II is the reform of the press. In the Empire, transparency and freedom of the press (relative) were encouraged, newspapers were supposed to discuss events held by the government and even criticize individual Ministers, but without affecting the Emperor. The "iron curtain" was also removed, and people could leave the country more freely. As soon as he took the throne, Alexander II mitigated the censorship of printed publications, which in the last years of his father's reign was very strict. On April 6, 1865, the "Provisional rules on the press" were promulgated. According to this law, censorship was preserved only for pamphlets and small works. Books (more than 160 pages for original texts and more than 320 pages for translated texts), as well as magazines and newspapers could be published without prior censorship, although publishers and editors were responsible to the court if anything illegal was found in the books and articles. For harsh anti-social actions, magazines and newspapers got "warnings". After the third warning, the publishing organization was forbidden [11].

January 1, 1874 was published "The Regulation of universal military service", developed under the leadership of the Minister of War D. A. Milutin. Instead of the previous recruiting, the army was replenished with an annual call-up of young men of 21 years of age. They were in the military service for 15 years: 6 years of full military service and 9 in reserve. Benefits were introduced for various categories of the population, including those granted by marital status and level of education. Thus, for those with higher education, the six-year service period was reduced to six months; for those with secondary education, it was reduced to two years. For those who graduated from a city parish school, the service was for three years, and those who graduated from primary schools were in the army for four years. Instead of the harsh military drill based on penalties and punishments that flourished in the army in the time of Nikolay, a reasonable and humane education of the soldier was practiced, presented not as a heavy duty, but a sacred civil duty of Fatherland protection. The army was re-equipped and some branches of the armed forces were restructured, the training of military personnel was significantly improved, and the system of military administration was reorganized [5; 335-350].

World history knows few rulers who would make such a noticeable contribution to all spheres of state life of their peoples as Alexander II. His reign fell on the 50-70s of the XIX century – a time of great social upheavals and deep spiritual shifts in Russia and abroad.

With the active participation of the Emperor, grandiose transformations were carried out in almost all branches of the state system, so the era of Alexander II is rightly called the era of great reforms. "Each of these reforms could have glorified any reign. The greatness of these reforms is that each of them, without exception, has the same idea-to involve the society to help the ruler. No matter how different the peasant reform was from the city one or the judicial reform from the Zemstvo reform, they all share one great idea – the participation of public initiative in the management of the state." [12; 233-234]

The most significant of Alexander II's reforms was the peasant reform, since it abolished serfdom, thereby giving the peasants personal freedom and property rights. This made it possible for peasant to rent

land plots and get jobs in factories, which contributed to the development of the labor market. Personal freedom allowed the peasants to choose their own profession. These rights made the peasants full members of the society, they could now apply to the General courts (except for minor issues and disputes that were subjected to peasant judicial organizations). It is not for nothing that in the pre-revolutionary historiography, the Emperor Alexander II was described with an honorary epithet-Liberator.

The Zemstvo and city reforms accelerated the formation of the civil society; opening of new Zemstvo schools increased the overall level of education; the opening of new hospitals led to the improvement and development of the health system. These new social institutions contributed to the formation of a "raznochinets intelligentsia" that included doctors, teachers, and agronomists. Active development of infrastructure in the nearest settlements, road construction developed the industrial and commercial sphere.

As a result of the education reform, new schools and gymnasiums were opened, and non-classical secondary schools were established. Peasant children had access to primary education. Women have also gained access to education through the active opening of women's high schools. A liberal University Charter was adopted, which stipulated the universities autonomy.

As a result of the judicial reform, new principles of legal proceedings were laid down, such as transparency, independence, and competition. These principles had a strong impact on progress in the public life, and their effectiveness can be evidenced by the fact that the main ones are still used in judicial proceedings.

As a result of the military reform in Russia, the modern grass roots army was created. Its combat capability was strengthened, which played a role in the Russian-Turkish war of 1877-1878. Some measures to reorganize the army went beyond the Military Department. They contributed to the development of the national railway network, which significantly increased the country's mobilization readiness. The benefits related to the military service duration were also promoted the spread of public education.

Despite the overall positive impact of the reforms on the society, they were not without a number of significant drawbacks. As a result of the abolition of serfdom, the peasants did not receive land immediately, but were forced to buy it on unfavorable terms. In the Zemstvos and city administration, representatives of the upper strata of the society prevailed, which often allowed them to ignore the interests of the lower classes. Progressive judicial reform also had its drawback, the judicial bureaucracy dragged the judicial proceedings. Despite the fact that education was formally considered non-estates, tuition fees limited the chance for children from the lower classes to get a proper education above primary level. Despite the positive impact of the military transformation, in the army, a lot of remnants of serfdom remained: protectionism, caste officership hierarchy, disenfranchisement of soldiers.

However, "thanks to the reforms carried out, a qualitative leap was achieved in the development of Russia, which allowed it to approach the level of the leading powers of the world, to the rule of law. The social essence of these changes was in the gradual transformation of the feudal monarchy into a bourgeois one." [12; 234]

After 1861, the socio-economic development of Russia was impressive and it occupied the first place in the world in terms of industrial growth. For a few decades it reached the stage that other great European countries did for centuries. During the reign of Alexander II, the total productivity of factories and factories in Russia increased (according to official data) by almost 4 times. A number of new industries have emerged, such as oil production and refining, and mechanical engineering. Coal and oil production grew at the fastest pace in the world. Tsarist Russia, in contrast to our time, exported grain. The export of various grains in 1876-1880 was almost 3 times more than in 1860, and amounted to 287 million poods [12; 235].

In general, during the reign of Alexander II, the foreign trade turnover increased by 4 times. The domestic trade turnover increased by more than 3 times. The number of joint-stock companies or partnerships on shares has increased by 10 times. The means of transport and communication developed rapidly. While in 1861, there were less than 2 thousand km of railway lines in Russia, by the early 80's the network already amounted to more than 22 thousand km. In those years, a modern postal service was also developed. While in 1852, there was only one public telegraph connection between Moscow and St. Petersburg, by the beginning of the 70s, the telegraph network covered almost all provincial and even parish cities. The longest line in the world was created connecting the center of the country and Vladivostok. In the late 70s, in St. Petersburg and in the early 80's in Moscow electric lighting was used. Water supply and intra-city transport were improved. Noticeable changes in the economy caused a demographic boom: the population of Russia for 37 years (from 1860 to 1897) grew by 52 million people (from 74 to 126 million), mainly as a result of natural growth. The urban population in the country almost doubled, but its share in the total population did not rise above 13% by 1897. The rural population grew one and a half times over the same time [12; 235].

During the reign of Alexander II, there was an unprecedented in the history of Russia flourishing of culture and education: outstanding scientists, writers, artists, and composers lived and created at this time.

The figurative result of Alexander's reforms was summed up by the French diplomat and writer E. M. de Vogüé in his description of the monarch: "He was a great king and was worthy of a better fate... He was not a brilliant mind, but he was generous, noble and straightforward. He loved his people and had infinite pity for the humiliated and insulted... Think of his reforms. Peter the Great did not do more... remember all the difficulties that he had to overcome to destroy slavery and create a new basis for agriculture. Consider that thirty million people owe their liberation to him... And his administrative reforms! After all, he tried to destroy official arbitrariness and social injustice. In the structure of the court, he created equality before the law, established the independence of judges, abolished corporal punishment, and introduced a jury." [quoted after 13; 10].

Conclusions

The reforms carried out during the reign of Alexander II were aimed at solving urgent socio-economic problems, paved a way for further development of the country, and expanded the boundaries of the civil society and the rule of law. However, much remained incomplete, and the introduction of elements of constitutional government, intended to be the logical result of all previous transformations, was never implemented. It was due to the death of the monarch at the hands of terrorists and the position of his heir – Alexander III. As a result, the transition to organic modernization was not implemented.

The example of the personality of this reformer shows how important the personal aspect is in the modernization process. As a result of the death of the reformer, the modernization of the country remained incomplete, since its followers adhered to traditionalist views. As a result, the path of evolutionary transformation was lost, and the country in its development embarked on a course of revolution.

References

- 1 Eisenshtadt, S. (1966) *Modernization: protest and change*. New York, NY: Englewoodcliffs.
- 2 Назарбаев Н.А. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // *Казахстанская правда*. — 2017. — 13 апр. — № 71 (28450). — С. 1, 2.
- 3 Лапкин В.В. Размышления о соразмерности глобальности и модерна // *Мегатренды мирового развития*. — М., 2001.
- 4 Побережников И.В. Модернизация: определение понятия, параметры и критерии. [Электронный ресурс] / И.В. Побережников. — Екатеринбург: Урал. отд. РАН, 2011. — 224 с. Режим доступа: <http://mmj.ru/index.php?id=36&article=112>.
- 5 Толмачев Е.П. Александр II и его время: [В 2 кн.]. — Кн. 1. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 432 с.
- 6 Захарова Л.Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX века в России // *Вопросы истории*. — 1989. — № 10. — С. 6–18.
- 7 Значение реформ Александра II для России. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/JyIPXmR3o6c/4.html>.
- 8 Яновский А. «Не будучи либералом по убеждениям...» // *Историк*. — 2018. — № 4. — С. 6–15.
- 9 Яновский А.Д. Александр II. Незавершенный портрет. — М.: Исторический музей, 2018. — 83 с.
- 10 Реформы Александра II в области образования. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/russia/3625-reformy-aleksandra-ii-v-oblasti-obrazovaniya-kratko>.
- 11 Цензура и печать при Александре II. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/389-plat-tut-164>.
- 12 Толмачев Е.П. Александр II и его время: [В 2 кн.]. — Кн. 2. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. — 288 с.
- 13 Палеолог М. Роман императора. Александр II и княгиня Юрьевская. — М.: Центр прикладных исследований, 1990. — 128 с.

Н.А. Донецкая

«Ұлы реформалар дәуірінің» үлгісіндегі жеке тұлғаның қоғамдық модернизациядағы рөлінің философиялық және тарихи аспектісі

Мақалада XIX ғасырдың екінші жартысындағы Ресейдегі «ұлы реформалар дәуірі» үлгісіндегі әлеуметтік модернизация процесінде жеке тұлғаның рөлінің философиялық және тарихи аспектілері қарастырылған. Автор модернизациялауды кешенді көп қырлы үдеріс ретінде саралайды, оның ішінде

бірқатар факторлар мен мәселелерді қоса алғанда, модернизацияны анықтаудағы түрлі идеологиялық құрылымдардан алшақтау қажеттілігін туғызады. Модернизация процесінде тұлға мәселесінің философиялық негіздері институционалды тәсіл мәнінде зерттеледі. Қоғамдық элита мойындайтын қоғамдық қажеттілік ретінде жүзеге асырылатын әлеуметтік қайта құрудың қажеттілігін сезіне отырып, жеке репрезентацияда көрініс табады. Қайта құрушының тұлғасы қоғамдық өзгерістердің негізгі қозғаушы күштерінің біріне айналады. Аталған аспект XIX ғасырдың екінші жартысындағы Ресейдің модернизациясы үлгісінде және «ұлы реформалар дәуірінің» бастамашысы — Император Александр II тұлғасында қарастырылады. Мақалада Александр II-нің тұсында жүргізілген реформалар, негізінен, уақыттың сын-қатерлеріне жауап берді және өзекті әлеуметтік-экономикалық проблемаларды шешуге бағытталған деп тұжырымдалған. Олар елдің одан әрі дамуына негіз қалап, азаматтық қоғам мен құқықтық мемлекеттің шекарасын кеңейтті. Алайда, модернизациялау процесі аяқталмады, бұрынғы барлық қайта құрулардың қисынды нәтижесі болатын конституциялық үкімет элементтерін енгізу жүзеге асырылмады. Реформатордың үлгісінде модернизация процесіндегі жеке тұлғаның рөлі көрсетілген. Реформатор дүниеден озған соң елдің модернизациясы органикалық сипатқа ие болмады, өйткені оның ізбасарлары дәстүрлі көзқарастарды ұстанды және ел өзінің даму жолында революциялық бағытта жүрді.

Кілт сөздер: тарих философиясы, модернизация, тұлға, қоғамдық сана, модернизация теориясы, «ұлы реформалар дәуірі», қоғамдық қайта құру.

Н.А. Донецкая

Философско-исторический аспект роли личности в общественной модернизации на примере «эпохи великих реформ»

В статье рассмотрен философско-исторический аспект роли личности в процессе общественной модернизации на примере «эпохи великих реформ» в России второй половины XIX века. Автором проанализирована модернизация общества как сложный многоаспектный процесс, включающий ряд факторов и проблем различного порядка. Кроме того, автор выступает за необходимость дистанцироваться от различных идеологических конструктов при определении модернизации. Философские основания проблемы личности в процессе модернизации изучены в контексте институционального подхода. Осознанная элитой общества необходимость социальной трансформации, понимаемая как общественная потребность, находит выражение в личностной репрезентации. Личность преобразователя становится одной из основных движущих сил общественных изменений. Отмеченный аспект рассмотрен на примере модернизации России во второй половине XIX века и личности инициатора «эпохи великих реформ» — императора Александра II. В статье сделан вывод, о том, что проведенные в период правления Александра II реформы, в целом, соответствовали вызовам времени и были направлены на решение назревших социально-экономических проблем. Они заложили основы для дальнейшего развития страны, расширили границы гражданского общества и правового государства. Однако процесс модернизации оказался незавершенным, а внедрение элементов конституционного правления, призванное стать логическим итогом всех предшествовавших преобразований, осуществлено так и не было. На примере реформатора показана роль личности в модернизационном процессе. В результате гибели преобразователя, модернизация страны так и не стала органической, поскольку его последователи придерживались традиционалистских взглядов, и страна в своем развитии пошла по революционному направлению.

Ключевые слова: философия истории, модернизация, личность, общественное сознание, теория модернизации, «эпоха великих реформ», общественная трансформация.

References

- 1 Eizenshtadt, S. (1966). *Modernization: protest and change*. New York, NY: Englewoodcliffs.
- 2 Nazarbaev, N.A. (2017). Vzhliad v budushchee: modernizatsiia obshchestvennoho soznaniia [A view to the future: modernization of public consciousness]. *Kazakhstanskaya pravda — Kazakhstan truth*, 71 (28450), 1, 2 [in Russian].
- 3 Lapkin, V.V. (2001). Razmyshleniia o sorazmernosti hlobalnosti i moderna [Reflections on the proportionality of globality and modernity]. *Megatrendy mirovoho razvitiia — Megatrends of global development*. Moscow: AST [in Russian].
- 4 Poberezhnikov, I.V. (2011). Modernizatsiia: opredelenie poniatii, parametry i kriterii [Reflections on the proportionality of globality and modernity]. Yekaterinburg: Ural branch of RAS. *mmj.ru*. Retrieved from <http://mmj.ru/index.php?id=36&article=112>. [in Russian].
- 5 Tolmachev, E.P. (1998). *Aleksandr II i ego vremia: [V 2 kn.] Kn. 1. [Alexander II and his time: In 2 books. Book. 1]*. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub [in Russian].
- 6 Zakharova, L.G. (1989). Samoderzhavie, biurokratiia i reformy 60-kh hodov XIX veka v Rossii [Autocracy, bureaucracy and reforms of the 60s of the XIX century in Russia]. *Voprosy istorii — Question of history*, 8, 6–18 [in Russian].

- 7 Znachenie reform Aleksandra II dlia Rossii [Significance of Alexander II's reforms for Russia]. (n.d.). *works.doklad.ru*. Retrieved from <https://works.doklad.ru/view/JyIPXmR3o6c/4.html> [in Russian].
- 8 Yanovskij, A. (2018). «Ne buduchi liberalom po ubezhdeniiam...» [«Not being a liberal by conviction...»]. *Istoriĭ — Historian*, 4, 6–15 [in Russian].
- 9 Yanovskij, A.D. (2018). *Aleksandr II. Nezavershennyi portret [Alexander II. Unfinished portrait]*. Moscow: Istoricheskie muzei [in Russian].
- 10 Reformy Aleksandra II v oblasti obrazovaniia [The reforms of Alexander II in the field of education]. (n.d.). *rushist.com*. Retrieved from <http://rushist.com/index.php/russia/3625-reformy-aleksandra-ii-v-oblasti-obrazovaniya-kratko> [in Russian].
- 11 Tsenzura i pechat pri Aleksandre II [Censorship and the press under Alexander II]. (n.d.). *rushist.com*. Retrieved from <http://rushist.com/index.php/tutorials/plat-tutorial/389-plat-tut-164> [in Russian].
- 12 Tolmachev, E.P. (1998). *Aleksandr II i ego vremia: [V 2 kn.] Kn. 2 [Alexander II and his time: In 2 books. Book. 2]*. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub [in Russian].
- 13 Paleolog, M. (1990). *Roman imperatora. Aleksandr II i kniahinia Yurevskaia [Roman of the Emperor. Alexander II and Princess Yurievskaya]*. Moscow: Tsentri prikladnykh issledovanii [in Russian].

Б.И. Карипбаев*

*Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: karipbaev@mail.ru)*

Философско-методологические аспекты религиоведения в контексте формирования мировоззренческой культуры казахстанской молодежи

В статье предпринята попытка исследовать природу ценностных ориентаций молодых людей в контексте их включения в сложный мир межконфессиональных и межэтнических коммуникаций. Авторский интерес предопределен актуальностью данного проблемного пространства. Современный мир, характеризующийся динамизмом, высокой степенью изменчивости, предлагает множество вариантов жизненных стратегий. В координатах такого выбора молодой человек пытается присвоить близкие ему по духу, по интересу варианты жизненного самоопределения. Помочь ему в этом выборе, направить его в позитивные мировоззренческие искания, презентовать богатую картину мира в ее духовных проявлениях — одна из основных задач системы образования. Именно система образования на всех ее этапах, как институт, позволяющий верно ориентироваться в мире духовных истин и соблазнов, несет основную ответственность за сознание молодых казахстанцев. В системе воспитания навыков толерантности к многообразию мира, особое место принадлежит религиоведческому дискурсу. В статье дан анализ основных концептов, оценивающих религиоведение как самостоятельное научное направление и перспективную исследовательскую стратегию. Автором предложено обновление концептуального подхода к религиоведению, как актуализированной в последнее время системе научных знаний о религии, веротерпимости, толерантности. В этом смысле религиоведение может стать мощным фактором образовательного дискурса и просвещенческой работы.

Ключевые слова: религиоведение, веротерпимость, мировоззрение, культура, образование, ценностные ориентации.

Введение

Исследовательский ракурс статьи выбран не случайно. Очевидно, что все те, кто сегодня сидит в классах, в студенческих аудиториях, завтра будут определять будущее нашего Казахстана. В связи с этим приобретает особую значимость научная оценка мировоззренческих установок этих молодых людей. Надо признать, что в казахстанском научном пространстве вопросам аксиологических установок учащейся молодежи в контексте их религиозных оценок уделялось недостаточное внимание. А если и анализировались эти проблемы, то, как правило, в узких дисциплинарных рамках. Наш подход к этой проблеме определяется попыткой междисциплинарного взгляда на эту проблемную интригу. В статье исследуются вопросы активизации роли религиоведения, как самостоятельного научного направления в деле просвещения, в рамках формирования навыков толерантности. В нашем исследовании использован эпистемологический потенциал религиоведения, философии, культурологии, социологии, психологии. Такой междисциплинарный «букет», на наш взгляд, позволяет наиболее объемно подойти к исследуемой проблеме.

В социогуманитарных исследованиях зарубежных и отечественных ученых достаточно активно изучались и исследуются вопросы межэтнического, межконфессионального сосуществования, проблемы толерантности, судьба религиоведческих дискурсов.

Теоретико-методологической основой исследований в этой области служат труды мыслителей прошлого. Святой Августин — в период поздней Античности; Барух Спиноза — в Новое время; Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро — в эпоху Просвещения; из числа русских философов — Владимир Соловьёв, Павел Флоренский и Николай Бердяев. Мировоззренчески более широко и системно категорию толерантности с интервалами в столетие разрабатывали либеральные теоретики Джон Локк [1], Иммануил Кант [2] и Джон Стюарт Милль [3]. В пространстве казахской философии к вопросам терпимости, толерантности в своем творчестве обращались Шакарим Кудайбердиев [4], Абай Кунанбаев [5]. Работы этих ученых обращают наше внимание на тот неоспоримый факт, что природа человека не может быть расчленена на какие-то составляющие компоненты, она монолитна,

*Корреспондент-автор. E-mail: karipbaev@mail.ru (Б.И. Карипбаев)

и, исследуя ее, мы должны воспринимать ее как монолитную универсальность. Все характеристики человека неразрывны и определяют друг друга. Любой другой подход искажает природу человека, его внутреннее единство.

В культурологических, философских, социологических исследованиях зарубежные коллеги, следуя различным историческим конфигурациям, анализируют социальную природу человека через осмысление его этнических, религиозных предпочтений и симпатий, выстраивают собственную модель межэтнического и межконфессионального согласия. Так, представитель деонтологического либерализма Джон Ролз [6] исследует природу толерантности с позиций идеально-типической методологии. Шанталь Муфф [7] и Жижек Славой [8], Эрнесто Лаклау [9] используют в анализе теории веротерпимости эпистемологический потенциал конфликтного исследовательского подхода. Аксиологическую методологию в исследовании данной проблемной интриги используют Г.Маркузе [10] и П.Николсон [11]. Через онтолого-исторические гносеологические технологии исследуют проблему этнической консолидации и веротерпимости М. Уолцер [12], Р. Дворкин [13]. В ракурсах мультикультуралистских подходов эту тему рассматривают М. Сэндел [14], Ч. Тейлор [15], У. Кимлика [16], Дж. Грей [17].

Немалый интерес поднимается в проекте проблема вызывает и у наших отечественных коллег. Ученые Казахстана рассматривают, как правило, эту проблемную интригу в социокультурных и когнитивных контекстах современного Казахстана. Особо хотелось бы выделить исследовательскую работу профессора Н.Ж. Байтеновой, которая и на уровне учебно-методическом, и в формате строгого научного поиска исследует вопросы межэтнических и межконфессиональных взаимодействий в Казахстане. К последним работам, относящимся к этому проблемному пространству, можно причислить монографию «Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность (авторы З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова (2014)) [18], материалы Международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания» (2015) [19]. В данных работах представлен богатый историко-теоретический материал, отражающий поступательную логику формирования пространства мировоззренческой гармонии.

Объектом нашего исследования являются мировоззренческие установки казахстанской молодежи, охваченной системой школьного, средне-специального и высшего образования.

Предметом нашего эпистемологического поиска мы определили приоритеты наших молодых людей в религиозной картине современного Казахстана.

Основная цель нашего исследования определяется поиском возможных вариантов реформирования казахстанской образовательной системы в части конструирования у молодых людей навыков толерантного отношения к многообразию мира, актуальной мировоззренческой позиции. В исследовании особое внимание уделяется вопросам повышения статуса религиоведения в концептах современного образовательного дискурса.

Методы исследования

В ходе анализа мы воспользовались количественными и качественными методами социологии, гештальт-методами психологии, методами сравнительного анализа, компаративистики, логическими методами философии. Такой методологический симбиоз позволил расширить наши исследовательские границы и получить более точные и объемные результаты.

В качестве исходного материала исследования были взяты результаты социологического исследования, проведенного группой исследователей Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова во главе с автором статьи.

Результаты и обсуждение

Исторически сложилось так, что религиоведение, в качестве научной дисциплины, в университеты на постсоветском пространстве пришло на смену так называемому «научному атеизму». Сама идея перехода от ангажированного предвзятого обслуживания существующей идеологии к беспристрастному объективному действительно научному исследованию религии как значимого культурно-исторического феномена, выполняющего фундаментальную экзистенциальную и психологическую роль в жизни человечества, чисто теоретически является, безусловно, позитивной. Однако ее реальное воплощение

в силу ряда обстоятельств оставляет желать лучшего. Среди них, на первом месте, находится фактор дефицита квалифицированных кадров, обладающих соответствующей компетенцией.

Разумеется, ни в коем случае нельзя инкриминировать проблему недостаточной компетенции самим специалистам, поскольку до сих пор не налажена эффективная технология переподготовки, которая смогла бы в короткое время элиминировать из сознания специалистов годами внедряемые туда марксистские установки. Несмотря на остроту проблем чисто технического порядка, нас в рамках данной статьи будут интересовать проблемы преимущественно философско-методологического толка.

Начнем с того, что сам термин «религиоведение» чрезвычайно широк по своему содержанию. Следствием этого становится возможность подведения под него таких различных по своему направлению курсов исследования, как социология религии, психология религии, история религии, феноменология религии и т.д. И поскольку не существует единого методологического каркаса иерархического размещения перечисленных дисциплин, зачастую, имеет место конфликт притязаний на большую значимость, что осложняет процедуру когеренции данных этих дисциплин в унитарную концептуальную картину.

Признавая за религиоведением статус комплексной дисциплины, представляющей собой как бы средоточие междисциплинарных (исторических, культурологических, антропологических, философских и прочих) ракурсов, следует поставить принципиальный вопрос об органичности, конгруэнтности этого комплекса. Или, если подходить к проблеме с другой стороны, следует поставить вопрос о возможном эклектическом (что недопустимо) характере религиоведения.

На наш взгляд, одной из главных опасностей, дезорганизующей религиоведение как подлинно научное направление, является пережиток агрессивно-атеистической идеологии, оставшейся в наследство от кондового позитивизма XIX века, который подспудно протаскивается в религиоведение в виде превращенных форм и занимает положение исследовательского подхода, равного наряду со всеми прочими.

Отличительной особенностью такого подхода можно назвать склонность третирующим образом определять религию как некую исторически неполноценную форму мировоззрения, которая, якобы, со временем должна уступить место более совершенным формам научного взгляда на мир. Ошибка, на наш взгляд, кроется в том, что здесь имплицитно предполагаются отношения борьбы, соперничества, конкуренции между религией и наукой, в то время как авторитетные исторические свидетельства ориентируют нас на более корректную оценку этих отношений как взаимодополнительных (Кант: «Знания без веры — безнравственны») или по крайней мере параллельных. Как говорил кардинал Бароний, «Библия рассказывает нам, как взойти на небеса, а не как они устроены» [20].

Не менее негативной по своим интенциям и последствиям крайностью является неуместная в вузе пропаганда религиозного мировоззрения под видом его изучения; при этом сравнительное религиоведение, бывает, превращается в демонстрацию превосходства одной религии над другой, что прямо противоречит установке толерантности, под знаком которой существует современный цивилизованный мир.

Затяжная история конфронтации между наукой и религией по множеству общественно-значимых вопросов должна прерваться в XXI веке перед лицом глобального культурного кризиса (соперники вынуждены объединиться перед лицом общего врага).

Можно долго спорить о природе этого кризиса, полагать его циклическим повторением, исторической закономерностью или беспрецедентным событием, однако сам факт его реальности не должен ставиться под сомнение. Уже в конце XX века, остро ощущая нерв назревающих проблем, французский историк идей Мишель Фуко пронизательно заметил: «Человек, каким мы его знали, в скором времени исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [21].

В свете названных выше обстоятельств важно понять, что религиоведение сегодня представляет собой весьма перспективное направление гуманитарной мысли, обладающее не только достоинством научно-исследовательской направленности, но и эвристикой культурно-образующего потенциала. Ведь в современной культуре радикально меняется само существо религии, характер религиозного сознания, формы религиозной жизни, место и роль религии в жизни индивидов, человеческих общностей и обществ.

Как отмечает Л.Н. Митрохин, «создается впечатление, что в современном «обезбоженном» мире формируется новый тип религиозности, обнаруживающий себя в появлении многочисленных нетрадиционных религий, в растущем интересе к идеям космизма и различным формам эзотерического

знания, к возрождению архаических религиозных образований в качестве символов национальной духовности и государственности, противостоящих глобальной экспансии западной массовой культуры» [22].

Не вдаваясь в подробности анализа причин подобных трансформаций религиозного сознания, отметим, в общем, только то, что, по всей видимости, традиционные религии не смогли дать удовлетворительный ответ на вызов проблемы «смерти Бога», о которой говорил Ницше и продолжают говорить постмодернисты. Иными словами, люди возлагают вину за ощущение богооставленности на представителей традиционных религий и поэтому обращаются к нетрадиционным формам богоискательства (космизм, эзотерика, гнозис [23]). Важно понимать, что это не новый тип религиозности, а попытки адаптировать к изменившимся духовным условиям современной жизни древние, когда-то маргинализованные религиозные формы, которые сегодня обретают второе дыхание. Можно сказать, что религиозные искания человечества никогда не прекращались, что словно бы врожденная религиозная потребность ищет своего удовлетворения в новых системах верований, если старые перестают быть релевантными.

Перед современным религиоведением встает сложная задача дать качественно иной анализ тех глубинных сдвигов, происходящих в культуре и в сознании, которые ведут людей к объединению не на пути к единому Богу, а по сегрегационному принципу крови, национальности или совокупности символических действий.

Катастрофические события XX века поставили под вопрос такую фундаментальную установку культуры, как оптимистическая вера в исторический прогрессизм. Именно по этому поводу Карл Поппер сказал, что «уповать на исторические законы нелепо и вредно» [24]. Классические системы философской и политической мысли не смогли разрешить мучительное вопрошание нравственной контрверзы: сколько человеческих жизней можно считать приемлемой ценой за стремление реализовать идеал всеобщей свободы?

Тем не менее дезавуирование идеи исторического прогрессизма не означало отрицание наличия в истории великого смысла, пусть и не обязательно позитивного. «Даже признав, что в конце II тысячелетия нашей эры мировая история действительно стала приобретать черты финальности, когда под вопросом очутилась сама возможность будущего, можно относиться к истории как величайшей надежде на осмысленность человеческого бытия, оценивать историю под сигнатурой метаистории, что значит — вычленение инвариантов цивилизации, ее стержневых ценностей, утверждающих человека в его жажде бесконечного» [25].

Одной из отличительных черт гуманитарного кризиса современной культуры является постмодернистское желание дискредитировать историю, представив ее в виде конstellации контингентных сингулярностей, то есть случайных, не связанных между собой высшим смыслом событий. В этих условиях неизбежен конфликт, касающийся глубинных религиозных установок, согласно которым история является принципиально телеологичной.

Варианты последствий этого противоречия для религии амбивалентны: некоторые теоретики впадают в пафос бескомпромиссной конфронтации, расценивая сам дух современности как некое зло; иные стремятся адаптировать догматизм вероучений к уже ставшей общепринятой концепции культурного плюрализма. По какому бы сценарию не развивались последствия, в любом случае это представляет одну из важнейших проблем для религиоведения.

Еще одним измерением гуманитарного кризиса современной культуры можно назвать девальвирование самой идеи «ценностей». Речь идет не о том, что какие-то ценности устарели и на их смену приходят другие, более новые. Речь идет о том, что в современной культуре установилась конвенция считать любые ценности лишь прагматически ориентированными условными знаками, обеспечивающими удобство коммуникации, но не более того. Здесь можно воспользоваться ставшим модным с легкой руки Бодрийера термином — «симулякр» [26].

Современная культура согласилась с тем, что жить в мире симулякров гораздо практичнее, чем в мире ценностей. Естественно, что процесс тотальной симуляции культурной реальности не обошел стороной и религию. Поэтому смело можно утверждать, что религия, как симулякр, является чуть ли не самой проблематичной темой современного религиоведения.

Важно осознать, что подрыв стратегии логоцентризма и следующая за ним безудержно пролиферирующая гиперсемиотизация — не просто блажь небольшого числа французских теоретиков. Сегодня — это контур культурной действительности, негласные правила игры, разделяемые подавляющим большинством. В рамках ситуации, когда экзегетика уступает место текстологии, происходит

десакрализация религии как феномена. Если религия всего лишь симулякр, то все ее апелляции к трансцендентному несостоятельны. Соответственно современное религиозное сознание определяется как нечто аморфное, переменчивое, подверженное манипуляциям.

Еще только предстоит осознать перспективы кардинальных изменений, которое неизбежно претерпит современное религиоведение перед лицом глобального кризиса, вовлекающего в свой эпицентр политику, экономику и культуру.

В связи с усложнением религиозного сознания, религиоведение должно включить в арсенал своих средств методы косвенного опосредованного анализа, например, через изучение взаимосвязи современных процессов в искусстве (литературе, кино и т.д.) и находящимся под их влиянием религиозным сознанием.

Отдельной продолжительной дискуссии заслуживает вопрос о формах возможного взаимодействия науки и религии в XXI веке.

Обобщая перечисленные выше параметры гуманитарного кризиса современной культуры, можно сказать, что сегодня религиозные феномены выступают в своих «превращенных формах» (К. Маркс) именно потому, что культура, в которой они занимали столь важное место, претерпевает сложные трансформации.

Дабы соответствовать уровню сложности объекта своего изучения, современному религиоведению следует учитывать необходимость принципиальной реорганизации методологической базы, которая включала бы критическую ревизию традиционной дуальной топики, введение комплексных способов аналитики, макрогерменевтику культурного контекста, пересмотр самого существа религии в изменившихся обстоятельствах новой эпохи.

Продолжая оценку роли и статуса религиоведения как самостоятельной научной отрасли дисциплины важно заметить, что именно религиоведение может стать сегодня тем спасительным мировоззренческим резервуаром, который станет основой формирования толерантности, навыков веротерпимости в мозаичной структуре современного общества. Религиоведение позволяет получить объективную, лишённую субъективности и иррациональности оценку феномена религии как важной компоненты современной духовной картины мира.

В связи с этим нам хотелось бы проанализировать результаты социологического исследования, проведенного под руководством автора статьи в рамках реализации грантового проекта «Формирование концепции веротерпимости и этнической консолидации в образовательных форматах современного Казахстана».

Респондентами нашего анкетирования стали школьники старших классов, студенты колледжей и вузов, освоивших социогуманитарный цикл дисциплин. Всего в опросе приняли участие 1200 молодых людей, из них 41,8 % обучаются на русском отделении, 58,2 % — на казахском. Исследование проведено в семи регионах Казахстана (Алматы, Нур-Султан, Караганда, Кокшетау, Костанай, Шымкент, Талдыкорган). В анкете молодым людям были предложены вопросы, ответы на которые позволили нам сформулировать выводы относительно основных мировоззренческих установок молодых людей, об их отношении к религии, к этническим различиям и т.д. Полученная таким образом картина представлений молодых людей позволяет проанализировать основные проблемные зоны современной системы образования в Казахстане.

Первый вопрос анкеты был сформулирован следующим образом — «Ваше отношение к религии». Из предложенных в анкете ответов самыми «популярными» стали следующие: «Я верующий, состою в общине и соблюдаю обычаи» — 19,8 %; «Я верующий, но в религиозной жизни не участвую» — 57,4 %. Эти данные свидетельствуют о том, что почти 80 % участников опроса считают себя верующими. Одним из факторов, способствующих такой самооценке, является, безусловно, возникшая в последнее время мода на религию, религиозную атрибутику, религиозные обряды. Особенно это становится заметным в дни религиозных праздников, когда молодые люди активно посещают храмы, осуществляют жертвоприношения и т.д. Но как только эти праздники проходят, они возвращаются к своему светскому образу жизни. Надо заметить, что у молодых людей слабо дифференцированы понятия «вера», «религиозность», «светскость» и т.д. Безусловно, религия, в ее традиционном формате, во многом есть фактор, одухотворяющий, устанавливающий универсальные аксиологические смыслы и значения. Но не может удручать тот факт, что участники опроса — это школьники и студенты светских учебных заведений. Значит, тот социогуманитарный дискурс, который предлагается в образовательных форматах современного Казахстана, не достаточен или вовсе не эффективен.

Наш известный современник Клод Леви-Стросс как-то сказал: «XXI век будет гуманитарным или его не будет вообще». XXI век не стал гуманитарным. Гуманитарные, духовные коды ушли на задворки общественной жизни и стали лишь приложением к доминирующим техногенным факторам современной цивилизации. Может быть, поэтому наши молодые люди ищут духовные символы и знаки не в классах и аудиториях, а в своих религиозных исканиях. В связи с этим очень важной, с нашей точки зрения, является корректировка наших образовательных форматов с позиции усиления социогуманитарной компоненты. Такое понимание мы находим и у наших респондентов. На вопрос: «Считаете ли Вы необходимым изучение в системе образования (школа–колледж–вуз) религиозно-дисциплинарных дисциплин?» 41,1 % респондентов ответили утвердительно. Хотя не может не беспокоить и тот факт, что 36,5 % участников опроса ответили: «Нет, это будет перегружать учебный процесс». Отсутствие интереса к этой компоненте у молодых людей во многом определяется чрезмерной рационализацией наших образовательных программ. «Навыки», «умения» стали определяющим фактором подготовки студентов всех уровней. Конечно, успешная профессиональная социализация один из важнейших ракурсов жизненной стратегии молодых людей. Но вопросы гуманитарного, духовного, если хотите, душевного свойства остаются на втором плане. И мы выпускаем в свет может быть хороших специалистов, а личностная компонента перестает быть частью нашей образовательной парадигмы.

В этом же проблемном ракурсе был задан следующий вопрос: «Можно ли сказать, что основную информацию о культуре, религии, в целом, обществе Вы узнаете из интернет-источников?». 63,5 % участников опроса ответили утвердительно. Соответственно мы приходим к неутешительному выводу о том, что система образования не является ведущим, определяющим источником формирования представлений молодых людей о мире, об обществе, религии и культуре. Звучит как приговор. Очевидно, что интернет-информация более мобильна, как правило, она преподносится в интересном, порой, одиозном формате, она доступна. Интернет лишен цензуры, нет ответственности за предоставляемую информацию, а ее скандальный ореол становится приманкой для неокрепших душ молодых людей. Этим она и привлекает молодых людей, увлеченных гаджет-культурой.

Что может противопоставить современное образование этому интернет-натиску? Во-первых, думается, надо поставить интернет на службу образованию. Педагоги, учителя должны владеть информацией, разьяснять ее, использовать в учебном процессе наряду с академическими форматами работы. Во-вторых, учебная литература, сопровождающая образовательный процесс, должна быть более креативной, интересной, лишенной претензии на истину в последней инстанции. В-третьих, преподавание социогуманитарных, культурологических, религиозно-дисциплинарных дисциплин должно осуществляться в диалоговом формате, с правом презентации собственной точки зрения. В таком случае проанализированная, осмысленная с помощью педагогов информация будет полезной и востребованной, а главное — верно откорректированной. Сегодняшняя система образования требует реформирования и в этой части. Нужны учебники нового поколения, преподаватель должен работать в режиме постоянного повышения собственной квалификации, уметь использовать самые последние программные продукты.

Ситуация с коронавирусом показала, что у нас не все благополучно в этой сфере. Особого внимания заслуживает вопрос о научно-методическом обеспечении дисциплин, так или иначе связанных с проблемным полем религии. Наметилась тревожная тенденция в учебной, научной литературе, посвященной вопросам религии, религиозно-дисциплинарных дисциплин, теологии. Слишком часто наши коллеги, авторитетные ученые, используют технологию «черное-белое» в оценке тех или иных религиозных явлений, часто упрощают тематику, излагают свою научную позицию одиозно, с претензией на универсальность. Молодые люди остро чувствуют подмену понятий, претенциозность позиции и назидательный тон. В рамках проведенных фокус-групп молодые люди часто говорили, что учебники не очень интересные, а рекомендуемые книги, как правило, объемные и нудные. Конечно, идти на поводу не стоит, однако понять, какой формат больше устраивает их, что может быть более привлекательным, увлекательным, очень важно. Автор сам порой, работая над учебной литературой, ловил себя на мысли, что, в угоду академичности, классичности, забывал о главном — об адресатах, для кого пишется этот труд.

Мы уже говорили о том, что молодежь, вырабатывая свою жизненную стратегию, невольно сталкивается с проблемой самоопределения, самоидентификации. В этом поиске определяющими являются факторы этнического и религиозного самосознания. Именно поэтому в анкету был включен вопрос о том, влияет ли национальность на выбор той или иной религии. 34,4 % респондентов считают, что влияет. Это устойчивая точка зрения, согласно которой этническая принадлежность обяза-

тельным образом определяет твои религиозные предпочтения — «казах, значит, мусульманин, русский — православный, немец-католик и т.д.». Вместе с тем 36,5 % участников опроса считают, что выбор религии не зависит от этнической принадлежности.

В условиях универсализации социального бытия, глобализации, стирания культурных границ национальная идентичность не всегда требует определенного конфессионального следования. Известны многочисленные случаи прозелитизма. И в повседневности мы сталкиваемся с такими случаями. Например, в пятничный намаз можно увидеть в мечетях молодых русских парней и девушек, а в православной церкви участвуют в богослужении представители казахской диаспоры. Причин в этом явлении много, одной из них являются межнациональные браки, условия проживания (например, русская семья, волею судьбы проживающая в казахском ауле, где абсолютное большинство казахских семей и т.д.). В связи с этим можно заметить, что зависимость религиозных предпочтений от этнической принадлежности уменьшается. Как оценивать это явление в целом? Религия становится все более гибким инструментом, активно интегрирующимся в современные реалии. Идет борьба за души, за расширение своей паствы. Очевидно, что жизнеспособность любой религиозной конфессии зависит во многом от того, как многочисленны ряды ее сторонников, которые, в свою очередь, своей позицией, своим конфессиональным патриотизмом вольно или невольно рекрутируют в свои ряды все новых и новых сторонников. Поэтому для них не имеет значения национальность, главное — следование религиозному духу, вере, священному писанию и т.д. Здесь присутствует и политический вопрос. Существовая в той или иной стране, любая конфессия должна внедряться в культурную, национальную жизнь этого государства, проявляя лояльность к исповедуемым политическим, государственным, идеологическим и культурным принципам. Поэтому дело чести — привлечь на свою сторону представителей титульной нации вообще и всех остальных национальностей, в частности. Дихотомии «политика-религия», «культура-религия», «государство-религия» еще должны стать объектом глубокого научного анализа. Всем известна ситуация, когда внедренный в школу предмет «Светскость и основы религии» не стал интересным учебным дискурсом. Одна из причин отсутствия казахстанского научного бэк-граунда.

Одной из примет современной религиозной жизни стало появление множества нетрадиционных религиозных объединений, групп. Как правило, причиной появления этих религиозных объединений стали попытки нового прочтения священных писаний, текстов, библии, корана и т.д. Порой выводы, транслируемые этими объединениями, носят провокационный, иногда даже экстремистский характер. Одним из направлений этих новоявленных объединений является привлечение в свое лоно молодых людей, способных продолжить их дело. Молодежь наиболее привлекательная для них среда. Они пользуются различного рода психологическими приемами и методами, предлагают привлекательные способы самореализации, обеспечивают дружественное пространство, рисуют светлое будущее. В нашей анкете был предложен вопрос: «Сталкивались ли Вы со случаями рекрутирования (привлечения) Вас в религиозные организации и движения?». Каждый пятый участник опроса ответил на этот вопрос утвердительно. Работа наших оппонентов значительно тоньше, деликатнее, нюансированнее, она неформальна, адресна и индивидуальна. Мы же собираем огромные залы, где сидят люди разных возрастов, профессий, интересов, говорим, порой, очевидные вещи. У молодых людей очень неустойчивый взгляд на мир, они живут в режиме поиска своей жизненной стратегии, своей идентичности. И на такое возбужденное ищущее сознание как на благодатную почву ложатся милые беседы, отеческие наставления, встречи в уютных храмах, теплые чаепития и песнопения. И все наши лозунги, плакатный язык встреч теряют в таком соперничестве всю свою привлекательность и эффективность.

Одной из угроз нашего времени сегодня стал религиозный экстремизм. Это явление носит не региональный, а планетарный характер. Основная цель этого феномена — переустройство мира, отрицание возможности светского пути развития. В этих условиях очень важно понимать опасность такого явления, важно формировать духовный иммунитет у молодых людей. В социологическом исследовании мы задали нашим респондентам вопрос: «В какой мере Вас тревожит такое явление, как религиозный экстремизм?». «Вызывает некоторое беспокойство», — так ответили 33,4 % молодых людей, «Вызывает сильную тревогу» — такой ответ обозначили 38,8 % участников опроса. Очевидно, что большинство школьников и студентов понимают серьезность и опасность такого явления, как религиозный экстремизм. Вместе с тем обескураживает следующее обстоятельство — почти каждый пятый участник опроса, отвечая на это вопрос, обозначил следующий вариант — «Не беспокоит». В этом наивном простодушии кроется непонимание серьезности ситуации, наличие местечковой по-

зиции. И это тоже большая мировоззренческая проблема, решение которой зависит во многом от той образовательной среды, в которую погружен молодой человек. Необходимо формировать у молодых людей правильное понимание современной картины мира, умение критически анализировать реальность.

Следующий вопрос анкеты помог нам выяснить отношение молодых людей к возрождению религиозных традиций. 32,4 % опрошенных положительно относятся к этому явлению, 38,1 % терпимо оценивают этот процесс, а вот каждый десятый обозначил свою отрицательную позицию к возрождению религиозных традиций. Такое неприятие религиозных традиций, наверное, связано с уравниванием религиозных традиций с участвовавшими случаями проявления религиозного экстремизма и терроризма. Во всяком случае, хочется в это верить. Многовековая история традиционных религий продемонстрировала нам животворящую силу ее установок, устойчивость ее основных ценностей, миролюбивый, гуманный настрой. Отрицательное отношение к религиозным традициям во многом определяется фактором негативных оценок религии в средствах массовой информации, когда религия чаще всего спрягается со словами «священная война», «экстремизм» и т.д.

В целом, оценивая позиции молодых людей-участников опроса, можно сказать о том, что отношение к религии у респондентов достаточно противоречивое, лишенное обоснованности и не обеспеченное сложным образовательным дискурсом.

Заключение и выводы

Первый и главный вывод связан с оценкой роли нашей системы образования в подготовке наших учеников, студентов к жизни в обществе в сложном динамично развивающемся, трансформирующемся мире. Призванные сеять высокое, духовное, вечное, мы превращаемся в ремесленников, которые не видят ничего дальше своего предмета, дисциплины, спецкурса, выпускаем молодых людей с неструктурированным сознанием. Ведь общеизвестно, что задача образования не заключается в трансляции знания, а в формировании у молодых людей самим добывать это знание, мотивировать его к самообразованию. Молодые люди, лишенные жесткого внутреннего мировоззренческого стержня, теряются в этом мире или быстро усваивают ценности, лежащие на поверхности: деньги, карьера. Сами по себе эти ценности не несут в себе негативного значения, но лишенные мировоззренческого осмысления они становятся главным мерилем человеческой жизни. Мы должны понять, что мы готовим не специалиста, а личность, которая не просто будет работать в лаборатории, на заводе или в аудиториях, а еще жить в этом сложном мире, вступать в самые сложные и разнообразные коммуникации. А в этих взаимодействиях не достаточно будет просто знаний по специальности. Уметь разглядеть пустое и не пойти у него на поводу, умение выделить главное в шелухе повседневности, наполнить свою жизнь высоким смыслом — вот те базовые задачи, которые встанут перед системой образования.

События последнего времени свидетельствуют о том, что мы и сами, порой, «спотыкаемся», попав в неожиданную ситуацию, которую подкидывает нам «жизнь». Достаточно вспомнить кордайские события. Обычный бытовой конфликт вдруг неожиданно приобрел этническую окраску. А если бы его вовремя не погасили, уверен, включились бы и религиозные, конфессиональные различия и оценки. Такие события на руку так называемым экстремистам от религии, которые спекулируют сложностями, трудностями, ошибками, надеясь, что «заблудшие и недовольные души» пришли к ним — в пространство, где все ясно, кто друзья, а кто враги. Неискушенные молодые люди часто становятся жертвами вот таких миссионеров. И в этих условиях особенно остро встает вопрос о просветительстве. Вспоминаются предостережения аль-Фараби, Абая Кунанбаева. Перефразируя известное выражение Фрэнсиса «Знание — сила», можно заметить, что незнание — еще большая страшная сила, духовная слепота — предыстория фанатизма, агрессии, экстремизма.

В связи с этим представляется важным и своевременным введение в образовательные программы новых учебных курсов (элективных и обязательных), способствующих становлению зрелой мировоззренческой позиции относительно роли и значения религии в обществе, новых и новомодных религиозных течений, движений, формированию навыков толерантности к конфессиональному и этническому разнообразию.

Если же увеличить степень нашего обобщения, то целостная, систематизированная просветительская деятельность в этом проблемном пространстве должна стать мощным дополнительным фактором к законотворческой, правоприменительной деятельности нашего государства в религиозной сфере. За-

ключая, необходимо заметить, что религиозно-философский дискурс, глубокий, деликатный, объективный может стать одним из действенных средств в формировании целостной духовной картины мира.

Список литературы

- 1 Локк Дж. Опыт веротерпимости / Дж. Локк. Соч. [В 3 т.]. — Т.3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
- 2 Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант. Собрание сочинений: [В 8 т.]. — Т.4. — М.: Чоро, 1994. — 172 с.
- 3 Милль Дж. Ст. Утилитаризм // Утилитаризм. О свободе / Дж.Ст. Милль. — СПб.: Изд. книгопродавца И.П. Первозникова, 1900. — С. 188, 189.
- 4 Кудайбердиев Шакарим. Три истины / Ш. Кудайбердиев. — Алматы: Казахстан, 1991. — 80 с.
- 5 Кунанбаев А. Слова назидания / А. Кунанбаев. Пер. с каз. С. Санбаева. — Алматы: Жалын, 1979. — 32 с.
- 6 Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — Новосибирск: НГУ, 1995. — 342 с.
- 7 Муфф Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф // Логос. — 2004. — № 2 (42). — 253 с.
- 8 Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. Пер. с англ. В. Сафронова. — М.: Художественный журнал, 1999. — 187 с.
- 9 Laklau E. Hegemony and Socialist Strategy. — VERSO. — 1985. — 194 p.
- 10 Маркузе Г. Критическая теория общества. Избранные труды по философии и социальной критике / Г. Маркузе. — М.: АСТ-Астрель, 2011. — 384 с.
- 11 Nicholson, Peter P. Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration/ ed. by J.Hordon&S.Mendus. London — New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. — 216 p.
- 12 Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. — М.: ДИК, 2000. — 189 с.
- 13 Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. — М.: РОССПЕН, 2012. — 216 с.
- 14 Сэндел. Либерализм и пределы справедливости / Сэндел, Дж. Майкл // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 1998. — 213 с.
- 15 Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами / Ч. Тейлор // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 2015. — 295 с.
- 16 Кимлика У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 2007. — 76 с.
- 17 Грей Дж. Толерантность: постлиберальная перспектива / Дж. Грей // Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. под общей ред. Г.В. Каменской. — М.: Праксис, 2011. — С. 45.
- 18 Шаукенова З.К. Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность / З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова. — Алматы: «ИП Волков Н.А.», 2015. — 266 с.
- 19 Материалы Международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания». — Алматы: «ИП Волков Н.А.», 2016. — 305 с.
- 20 Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / У. Монтер. — М.: Искусство, 2003.
- 21 Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. — М., 2003. — С. 45.
- 22 Митрохин Л.Н. Религия / Л.Н. Митрохин // Новая философская энциклопедия. — М., 2001. — Т.3. — 442 с.
- 23 Неретина С.С. Современность — это гностицизм? / С.С. Неретина // Философский факультет. Ежегодник. — 2001. — № 2. — 368 с.
- 24 Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — Т.1. — М., 1992. — 248 с.
- 25 Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории / С.Б. Крымский // Вопросы философии. — 2001. — № 6. — С. 39.
- 26 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М., 2000. — 224 с.

Б.И. Карипбаев

Қазақстандық жастардың дүниетанымдық мәдениетін қалыптастыру контексіндегі дінтанудың философиялық-әдіснамалық аспектісі

Мақалада автор жастардың күрделі конфессияаралық және этникааралық коммуникация әлеміне өтуі контексінде жастардың құндылық бағыттарының табиғатын зерттеуге ұмтылыс жасады. Динамизм, өзгерістердің жоғары деңгейімен сипатталатын қазіргі өмір өмірлік стратегиялардың көптеген нұсқаларын қамтиды. Осындай жағдайларда, жас адам өзіне жақын өмірлік жолды таңдайды. Осындай таңдауларды жасауға, оны позитивті дүниетанымдық көзқарасқа бағыттауға, рухани көрсеткіштерді ескере отырып, өмірдің бай бейнесін көрсету — білім жүйесінің негізгі міндеттерінің бірі болып саналады. Дәл осы білім жүйесі және оның кезеңдері институт ретінде жас

казакстандықтардың санасында негізгі жауапкершілік рөл атқарады. Толеранттылықтың шеберлігін тәрбиелеу жүйесінде дінтану курсы маңызды болып саналады. Мақалада дінтануды өзіндік бір дербес ғылым ретінде және болашағы бар зерттеу стратегиясы ретінде бағалауға мүмкіндік беретін негізгі концепттерге талдау жасалды. Автор дінтануға деген концептуалдық көзқарасты жаңарту керектігін ұсынған. Осы тұрғыдан алғанда, дінтану білім курсының және ағарту ісінің қуатты факторы бола алады.

Кілт сөздер: дінтану, сенім, дүниетаным, мәдениет, білім, құндылық бағыттар.

B. Karipbayev

Philosophical and methodological aspects of religious studies in the context of the formation of the ideological culture of Kazakhstan youth

In this article, the author has tried to investigate the nature of the value orientations of young people in the context of their inclusion in the complex world of interfaith and interethnic communications. The author's interest is predetermined by the relevance of this problem space. The modern world, characterized by dynamism, a high degree of variability, offers many options for life strategies. In the coordinates of such a choice, a young man tries to appropriate options for life self-determination that are close to him in spirit, in interest. Helping him in this choice, directing him into positive worldview searches, presenting a rich picture of the world in its spiritual manifestations is one of the main tasks of the education system. It is the education system at all its stages, as an institution that allows one to navigate correctly in the world of spiritual truths and temptations, that bears the main responsibility for the consciousness of young Kazakhstan citizens. In the system of upbringing the skills of tolerance to the diversity of the world, a special place belongs to religious discourse. The article analyzes the main concepts that assess religious studies as an independent scientific direction and a promising research strategy. The author proposes to update the conceptual approach to religious studies as a recently updated system of scientific knowledge about religion, religious tolerance, and tolerance. In this sense, religious studies can become a powerful factor in educational discourse and enlightenment work.

Keywords: Religious studies, tolerance, worldview, culture, education, value orientations.

References

- 1 Lокк, Дзх. (1988). Oпыt веротерпимости [Experience of religious tolerance]. Sochineniia (Vols. 1-3; Vol. 3). Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Kant, I. (1994). Osnovopolozheniia metafiziki нравов [Fundamentals of metaphysics of morals]. Sobranie sochinenii (Vols. 1-8; Vol. 4). Moscow: Choro [in Russian].
- 3 Mill, Dzh. St. (1900). Utilitarizm // Utilitarizm. O svobode [Utilitarianism // Utilitarianism. About freedom]. — Saint Petersburg: Izdanie knihoprodavtsa I.P. Perevoznikova [in Russian].
- 4 Kudajberdiev, Shakarim. (1991). Tri istiny [Three Truths]. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 5 Kunanbaev, A. (1979). Slova nazidaniia [The theory of justice]. Perevod s kazakhskoho S. Sanbaeva. Almaty: Zhalyn [in Russian].
- 6 Rolz, Dzh. (1995). Teoriia spravedlivosti [The theory of justice]. Novosibirsk: NGU [in Russian].
- 7 Muff, Sh. (2004). K ahonisticheskoi modeli demokratii [Towards the agonistic model of democracy]. *Logos*, 2 (42) [in Russian].
- 8 Zhizhek, S. (1999). Vozvyshennyi obekt ideologii [The sublime object of ideology]. Moscow: Hudozhestvennyi zhurnal [in Russian].
- 9 Laclau, E. (1985). Hegemony and Socialist Strategy. VERSO. — 194 p.
- 10 Markuze, G. (2011). Kriticheskaia teoriia obshchestva. Izbrannye trudy po filosofii i sotsialnoi kritike [Critical theory of society. Selected works on philosophy and social criticism]. Moscow: AST-Astrel [in Russian].
- 11 Nicholson, Peter P. (1985). Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration/ ed. by J.Hordon&S.Mendus. London — New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. 216 p.
- 12 Uolcer, M. (2000). O terpimosti [On Tolerance]. Moscow: DIK [in Russian].
- 13 Dvorkin, R. (2012). O pravakh vserez [About Rights seriously]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
- 14 Sendel, Majkl Dzh. (1998). Liberalizm i predely spravedlivosti [Liberalism and limits of justice]. Moscow: DIK; Progress-Traditsiia [in Russian].
- 15 Tejlor, Ch. (2015). Peresechenie tselei: spor mezhdu liberalami i kommunitaristami [Intersection of goals: a dispute between liberals and communitarists]. Moscow: DIK; Progress-Traditsiia [in Russian].
- 16 Kimlika, U. (2007). Liberalnoe ravenstvo [Liberal equality]. Moscow: DIK; Prohress-Traditsiia [in Russian].

17 Grej, Dzh. (2011). Tolerantnost: postliberalnaia perspektiva // Pominki po prosveshcheniiu: Politika i kultura na zakate sovremennosti [Tolerance: a post-liberal perspective // Memorials on enlightenment: Politics and culture at the decline of modernity]. Moscow: Praxis [in Russian].

18 Shaukenova, Z.K., Burova, E.E., & Nazarbetova A.K. (2015). Tsennostno-smyslovye i dukhovno-nravstvennye osnovaniia konsolidatsii etnicheskikh i religioznykh hrupp Respubliki Kazakhstan v hrazhdanskuiu obshchnost [Value-semantic and spiritual and moral grounds for consolidation of ethnic and religious groups of the Republic of Kazakhstan into a civil community]. Almaty: «IP Volkov N.A.» [in Russian].

19 Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kazakhstanskaia model mezhetnicheskoi tolerantnosti i obshchestvennogo sohlasiiia N.A. Nazarbaeva: dvadtsat let uspekha i sozidaniia» (2016). [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Kazakhstan Model of Interethnic Tolerance and Public Consent of N.A. Nazarbayev: Twenty Years of Success and Creation». Almaty: «IP Volkov N.A.» [in Russian].

20 Monter, U. (2006). Ritual, mif i mahiia v Evrope ranneho Novoho vremeni [Ritual, myth and magic in Europe of the early modern era]. Moscow: Iskusstvo [in Russian].

21 Fuko, M. (2003). Slova i veshchi [Words and things]. Moscow [in Russian].

22 Mitrohin, L.N. (2001). Relihiia [Religion]. Novaia filosofskaia entsiklopediia. Moscow [in Russian].

23 Neretina, S.S. (2001). Sovremennost — eto hnostitsizm? [Is modernity Gnosticism?]. *Filosofskij faku'tet. Ezhehodnik — Faculty of Philosophy. Yearbook*, 2, 368 [in Russian].

24 Popper, K. (1992). Otkrytoe obshchestvo i eho vrahi [Open Society and Its Enemies]. Moscow.

25 Krymskij, S.B. (2001). Metaistoricheskie rakursy filosofii istorii [Meta-historical perspectives of the philosophy of history]. *Voprosy filosofii — Questions of philosophy*, 6, 39 [in Russian].

26 Bodriijar, Zh. (2000). Simvolicheskii obmen i smert [Symbolic exchange and death]. Moscow [in Russian].

Й.С. Дойков*

*Университет библиотекознания и информационных технологий, София, Болгария
(E-mail: j.doykov@unibit.bg)*

О некоторых основных структурных компонентах кантовского понимания о природе научного знания

Все наши знания начинаются с чувств, идет отсюда к разуму и заканчивается разумом, выше которого в нас нет ничего выше, обрабатывать вопрос наблюдения и поставить его под высшее единство мышления.

Иммануил Кант

Ответы на онтологические вопросы о знании даются сначала философствованием, а затем философией. А потом определяются знания. Его интерпретации обсуждаются с разных философских позиций. А сама философия опирается на знания. Одним из направлений, обсуждаемых в статье, является идеалистическое — через обобщения Канта. В синтезированной форме обсуждена кантовская концепция синтетического априори. Она выражает суть его взглядов на природу научного знания. Кроме того, изложены его некоторые понимания априорных форм рассуждений, категориального синтеза и трансцендентальной аналитики.

Ключевые слова: синтетическое априори, априорные формы рассуждений, категориальный синтез, трансцендентальная аналитика, рационализм, эмпиризм сенсуализма, разум, суждение.

Введение

Ряд кантовских исследователей особо отметили активность знаний в своей теории. Потому, что человек как разумное и мыслящее существо неизбежно предполагает и определяет себя от всего, что может быть ему представлено как реальность. В кантовском понимании творческая деятельность познающего субъекта выдвигает на первый план отрицание абстрактной оппозиции активности объекта этой деятельности. Это позволяет социальной практике проявлять себя как сознательная и целенаправленная деятельность. Здесь речь идет именно о превращении самого знания в его объект и наоборот. Это достигается в процессе превращения реальности в реальность и в творчество. Отсюда следствие того, что все, что было до появления человека, становится реальностью только благодаря его деятельности. Напомним, в этот момент снова часть наших рассуждений вначале — поиск знаний осуществляется через действие.

В связи с этим рассмотрение некоторых основных структурных компонентов кантовского понимания природы научного знания будет представлено посредством вопросов:

1. О когнитивной методологии Канта. Синтетическое априори.
2. Категориальный синтез.

В результате это послужит основой для дальнейшего понимания субъективно-идеалистических представлений о сущности знания. В то же время они влияют на различные парадигмы в социальных науках. Вклад автора следует искать в формировании основы и направления для последующего размышления о логической связи с концептами и доктринами в тех же социальных науках.

Методология исследования

В качестве методологических инструментов определены следующие: дедуктивный метод, описательный, структурный и сравнительный анализ. Данные методы исследования позволяют очертить и содержательно изложить понимание Кантом некоторых основных структурных компонент природы научного знания. Весь этот инструментарий применяется в связи с приверженностью автора к нейтрально-ценностному подходу.

*Корреспондент-автор. E-mail: j.doykov@unibit.bg (Й.С. Дойков)

О когнитивной методологии Канта. Синтетическое априори

Одним из основных структурных компонентов в кантовской доктрине о природе научного знания является понятие синтетического априори. Оно выражает суть взглядов Канта на природу научного знания. Концепция представляет собой попытку немецкого философа представить решение классической антиномии «рационализм — эмпиризм сенсуализма».

Что это за антиномия? Она выражает неспособность теоретически согласовать зависимость знания от окружающей действительности с необходимостью признать наличие определенных предварительных условий и условий для знания. Эти предпосылки и условия не могут быть выведены из взаимодействия индивидуального сознания с чувственностью. Концепция синтетического априори стремится преодолеть ограничения и слабости как рационализма, так и эмпиризма. Однако, по мнению Канта, достигнутые ими реалии учитываются и поддерживаются. Эта концепция имеет две стороны.

Во-первых, Кант анализирует природу научных знаний, естествознания и математики.

Далее представлена интерпретация метафизики, основанная на предыдущем анализе.

С точки зрения концепции синтетического априори, аналитическая точка зрения обращает внимание на первую сторону.

Кант принимает наличие априорного элемента или момента в научном знании, из которого он определяет его как априорное знание. Для него это проблематизация, а не тщетность. Существует также конкретный вопрос по этому поводу: «Есть ли знание, которое не зависит от опыта и даже от всех впечатлений от чувств? Такое знание называется априорным и отличается от эмпирических, которые имеют свои апостериорные источники, так сказать, в опыте» [1; 74]. Кантианское понимание гласит, что «под априорным знанием мы подразумеваем не такое знание, которое не зависит от того или иного опыта, но знание, абсолютно независимое от любого опыта. Им противостоят эмпирические знания или те, которые возможны только апостериори, так сказать, через опыт. Однако среди априорных знаний чистыми называются те, в которых ничего эмпирически смешанно» [1; 75]. Именно с этого априорного момента научное знание определяет универсальность и необходимость как свои атрибуты в математике и естествознании и «каждого априорного знания» [1; 76]. У Канта априори проявляется как форма, способ организации знания, его структура, характер связи между его элементами. Так сказано, форма — это совокупность, отражающая взаимосвязанность феномена знаний. Но знание предполагает набор составляющих его элементов, то есть содержание. Формирование знаний предполагает единство этих двух сторон — формы и содержания. Эта возможность достижима путем применения априорных форм к сущности знаний, приобретение которых подразумевает непосредственный опыт взаимодействия познающего субъекта с объектом или «чем-то внутри» (Дж. Локк). Но «что-то само по себе» также является кантианской «неизбежной проблемой чистого разума как такового... бога, свободы и бессмертия» [1; 78, 79]. А они недоступны непосредственному опыту — неопознаваемые, сверхестественного порядка, вне сущности природного происхождения. Их достижение возможно благодаря исследовательским способностям ума, чьими формами синтеза они являются. В то же время действие «чего-то в себе» на познающего субъекта осуществимо через априорные формы смысла и разума. Отсюда возможность распознать их как таковые — как они появляются. Следовательно, в концепции синтетического априори основными проблемами исследования Канта являются априорные формы рассуждения, категориального синтеза и трансцендентальной аналитики.

Но вернемся к проблеме формы и содержания знаний. Априорные формы, процедурно относящиеся к сущности знания, создают момент, который можно определить как содержащий связь, так и синтез. Элемент «связь» реализует единство в процессе познания. Элемент «синтез» иллюстрирует разнообразие как еще одну характеристику объекта научного познания. Этот объект, для Канта, является своего рода когнитивной конструкцией, построенной из определенных данных элементов именно через априори. Следовательно, в процедурном отношении к сущности знания априорные формы реализуют свою функциональность. Результатом их функционирования является установка творческого момента знания. Именно таким образом процедурная ссылка априорных форм в отношении проектного момента, для Канта, является проявлением их синтетических функций. Для немецкого философа с точки зрения генезиса знания синтез является первичным для анализа. Он считает, что «синтез — это, в конце концов, то, что само по себе собирает элементы в знании и объединяет их в определенном содержании» [1; 150] и «потому, что, если разум ранее ничего не

связывал, он не может и не разлагается, потому что только посредством что-то могло бы дать ему возможность представить себя связанным» [1; 169]. Из этого кантовского вывода следует, что разум выполняет свою собственную синтетическую функцию. Это стало возможным благодаря представлению сенсорных ощущений через понятия и категории. Последние делают возможными логические функции суждения. И благодаря этим функциям полностью реализуется все разнообразие мыслительной деятельности и ее подчинение эмпирическим законам. Таким образом, априорные понятия и категории выводятся как синтетические схемы.

Категориальный синтез

Как, по Канту, строится схема синтеза?

Априорные понятия и категории относятся к восприятию. В результате этого «сотрудничества» последние становятся опытом.

Из этого можно сделать вывод, что априорные формы в последующей проекции представлены многомерным способом:

- в качестве предпосылки для знаний;
- как средство получения знаний;
- как схемы построения знаний.

И еще:

- как воплощенное в знаниях;
- как структура знаний;
- в качестве основы знаний, которая определяет его необходимость и универсальность;
- как способ соединения элементов знаний;
- как конструирование объекта знания.

Таким образом, априорные формы проявляются как в качестве внешних условий знания, так и присущей знаниям, его внутренней структуры.

Понимание Кантом чистого мышления является важным структурным элементом в его методологическом анализе знаний. Не покидая «проблемных полей» априори с этими размышлениями, немецкий философ делает вывод о существовании категориального уровня мышления. Этот уровень является как предпосылкой, так и условием для каждого конкретного когнитивного акта, а также для знания как такового вообще. Категориальный уровень мышления рассматривается Кантом как внеклассный. Это за пределами социального опыта человека. Но не за пределами опыта вообще. Ибо «категории не имеют другого использования для познания вещей, за исключением тех случаев, когда они рассматриваются как объекты возможного опыта» [1; 193]. В то же время для него знания постоянно имеют предпосылки и средства. Акт познания, однако, опосредован не только определенным опытом. Этот акт содержит отправные точки (например, формы, принципы), которые могут быть представлены в опыте посредством рациональной интерпретации. Следовательно, методологически получены два конструктивных фактора познания:

- привязанность эмпирического факта и
- применение соответствующей ему схемы синтеза.

На первый взгляд, эти факторы, по-видимому, проецируют одну статику на другую в определенный момент времени. Но синтетическая схема содержит концептуальный инструмент, то есть инструмент. Однако они не являются форматированием существующих знаний. Фактически, это как раз те условия, которые действительно необходимы для генерации новых знаний. Для Канта это выглядит как новое содержание неизменяемых логических типов. В этом смысле конструктивность знания предполагает постоянную процедурную корреляцию многочисленных и разнообразных эмпирических фактов с одними и теми же априорными структурами. Здесь следует отметить, что элемент «новизна» в знаниях фактически является результатом действия априорных категориальных структур против этого контента. Однако это не зависит от возможных изменений в основных концептуальных формах. Немецкий философ объясняет тот факт, что категориальные структуры в основе знания существуют. В нем также представлено, как они функционируют с точки зрения своего статуса в качестве предпосылки для приобретения новых знаний. Кант, однако, не приводит никаких рассуждений об их происхождении, об их создании. Также нет доступных для возможных изменений этих структур в процессе самого знания. А это значит, что вопрос о том, как возможен переход от эмпирического к теоретическому знанию, не выяснен. Однако у Канта

активные, действенные средства мышления в процессе познания являются априорными формами. Знать о них невозможно через какое-то созерцание или какой-то другой тип умственной деятельности. А именно — через пассивное мышление. В этом смысле в процессе познания роль отдельных категориальных структур не проявляется в какой-либо механической проекции имеющихся эмпирических фактов. Здесь, в частности, нет аналогичных отношений между ними и теми предполагаемыми отношениями в самой империи, которые опираются на те типы связей, которые определяются и подтверждаются самими категориями. И это обрисовывает в общих чертах схему самой категории. Но для Канта знать, что «явления вообще не должны делиться на категории, только по их схемам» [1; 260].

Но тогда, как категории относятся к схеме синтеза? Или, точнее, как схема категорий вписывается в схему синтеза?

Согласно Канту, «категория не содержит ни одного сенсорного состояния функции единства... синтеза... в общем» [1; 260]. В то же время это единство эмпирического знания в синтезе явлений обусловлено и поддерживается условиями и предпосылками, которые являются результирующей функцией всех основных синтетических позиций [1; 260].

Таким образом, немецкий путь философов предполагает возможность создания схемы категорий в схеме синтеза как «право через эти базовые принципы связывать явления только по аналогии с логическим и общим единством понятий; поэтому в самой базовой позиции мы действительно будем использовать категорию, но при реализации (в приложении к явлениям) мы вместо этого оставим схему категории в качестве ключа для ее использования, или, скорее, мы поместим схему в качестве ограничивающего условия под формулой, именуемой основная ситуация» [1; 260].

Понимание Кантом априорного синтеза, несомненно, является общей концепцией возможности познания. В нем, на первом плане, выявляется важность начальных существенных предпосылок. Он рассматривает его как средство, с помощью которого строятся структурные элементы знания. В этом смысле кантовский априорный синтез дает нам структуру тех самых элементов, на основе которых протекает процесс познания.

Однако, пытаясь найти объяснение вхождения схемы категорий в реализацию схемы синтеза, мы коснулись априорных основных причин. Эта концепция была концептуализирована Кантом. Некоторое уточнение необходимо потому, что через него немецкий философ развивает свое понимание априори. Априорные основы имеют отношение к любому достижимому опыту и «не содержат ничего, кроме... только чистой схемы» [1; 311]. Они выводятся из категорий. Эти правила имеют априорную правоприменительную функцию по отношению к реальности. Кант заявляет, что «они носят это имя не только потому, что в них содержатся основания для других суждений, но и потому, что сами они не основаны на более высоких и более общих знаниях» [1; 233].

Вначале мы упомянули, что Кант анализирует природу научных знаний, естествознания и математики, а затем представляет интерпретацию метафизики. Именно благодаря наличию априорных основ он стремится ответить на вопрос, касающийся одного элемента своего анализа, — как возможно чистое естествознание? По его словам, «эти понятия составляют физиологическую систему, то есть система природы, которая предшествует любому эмпирическому знанию природы, делает это знание возможным и поэтому может быть названо истиной общепринятой и чистым естествознанием» [2; 99]. Из этого вывода следует, что априорные базовые принципы сами по себе являются носителями естественнонаучного характера. И как таковые они являются априорными суждениями. Отсюда следует, согласно Канту, что они являются «суждениями об опыте». Но, согласно пониманию автора, как только они будут, они объяснят законы науки. Дальнейший алгоритм кантовского мышления следует из логической связи с исходным совокупным содержанием:

Частные научные законы — «универсальность»

и

«Необходимость» — априори — априорные суждения.

Здесь, согласно Канту, априорные суждения не требуют какого-то конкретного, но особого опыта. Но он, как указывает немецкий философ, не предполагает существования априорных базовых принципов. Ища решения совместимости линий:

Опыт — априорные основы — частные законы — категории,

Кант считает, что «мы должны различать эмпирические законы природы, которые предполагают конкретные восприятия, от чистых или общих законов природы, которые без их основы есть особые представления, они содержат только условия их необходимого объединения в один опыт» [2b; 119].

И, по его мнению, «частные законы, поскольку они затрагивают эмпирически определенные явления, не могут быть полностью выведены из категорий, хотя все они подчинены им. Чтобы узнать последнее вообще, нужно добавить опыт; но для опыта в целом и для того, что можно назвать его объектом, нас учат только те априорные законы» [1; 215, 216].

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что для Канта:

- знание рассматривается как синтез многочисленных и разнообразных эмпирических фактов посредством априорных форм рассуждений;
- в процессе познания синтезу предшествует анализ;
- схема классификации типов знаний включает аналитические и синтетические суждения. «Аналитические суждения (утвердительные) — это те, в которых ассоциация предиката с субъектом мыслится через идентичность, но те, в которых эта ассоциация мыслится без идентичности, должны называться синтетическим суждением» [1; 81].

Первое — это результат анализа составляющих его элементов, они априори и не нуждаются в опыте.

Второе — являются результатом присоединения одного из составляющих его элементов (предиката) к другому (субъекту), а также единственным источником для расширения знаний и подразделяются на «суждения о восприятии», «суждения об опыте» и чисто априорные синтетические суждения;

- высшие когнитивные способности: рассуждение, суждение и разум.

Заключение

Место, где заканчиваются наши рассуждения, является крайним, с точки зрения дисциплинарного понятия к тексту и статье. Вполне понятно, что они не могли бы быть такими в сфере изложения предложенной тематики.

В связи с непосредственной конкретикой изложения продолжающиеся размышления могли бы быть предложены читателю в направлении кантовских усилий вывода предметного познания опыта; в связи с определением исходных положений практического мышления в целом; для дефинирования анатомий чистого разума и т.д. и, в конечном счете, представления общей схемы познания.

Список литературы

- 1 Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. — София: БАН, 1992. — 848 с.
- 2 Кант И. Прологомены. К любой будущей метафизике, которая может быть представлена как наука / И. Кант. — София: Наука и искусство, 1969. — 280 с.

Й.С. Дойков

Ғылыми білім табиғаты жөніндегі кант түсіндірмесінің кейбір құрылымдық компоненттері туралы

Білім туралы онтологиялық сұрақтарға қатысты жауаптар бастапқыда философиямен шұғылданудан, соңынан философиядан іздестіріледі. Содан кейін білім анықталады. Оның анықтамасы әр түрлі философиялық көзқарас тұрғысынан талқыланады. Философияның өзі білімге негізделеді. Мақалада зерттелген бағыттардың бірі идеалистік (Кантты сипаттау арқылы) бағыт болып саналады. Синтетикалық априоридің канттық концепциясы талқыланды. Бұл оның ғылыми білім табиғатына деген көзқарастарының мәнін көрсетеді. Мұнан басқа, мақалада талқылаудың, категориялды талқылаудың синтезі мен трансцендентті сараптаудың априорлы формалары қарастырылған.

Кілт сөздер: синтетикалық априори, талқылаудың априорлы формалары, тарнсцендентті сараптау, рационализм, сенсуализм эмпиризмі, ақыл, ой пікір.

Y.S. Doykov

On some of the basic structural components of Kant's understanding of the nature of scientific knowledge

The answers to ontological questions about knowledge are sought first by philosophizing, and then by philosophy. And then knowledge is determined. His interpretations are discussed from different philosophical positions. And philosophy itself is based on knowledge. One of the areas discussed in the article is idealistic - through Kant's generalizations. In the synthesized form, the Kantian concept of synthetic a priori is discussed. It expresses the essence of his views on the nature of scientific knowledge. In addition, his understanding of a priori forms of reasoning, categorical synthesis, and transcendental analytics is set forth.

Keywords: synthetic a priori, a priori forms of reasoning, categorical synthesis, transcendental analytics, rationalism, the empiricism of sensualism, mind, convention.

References

- 1 Kant, I. (1992). *Kritika chistoho razuma [Critique of Pure Reason]*. Sofia: BAN [in Bulgarian].
- 2 Kant, I. (1969). *Prolehomeny. K liuboi budushchei metafizike, kotoraiia mozhel byt predstavlena kak nauka [Prolegomeni. To any future metaphysics that can be represented as a science]*. Sofia: Nauka i izkusstvo [in Bulgarian].

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Abdikamal, A.M.** — Master student, Department of International relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Abdirova, G.** — master student, Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Abuov, N.A.** — Candidate of history sciences, Senior lecturer of the Department of History of Kazakhstan and social and humanitarian disciplines, North Kazakhstan University named after M. Kozybayev, Petropavlovsk, Kazakhstan.
- Alipbayev, A.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Amirov, E.Sh.** — Master of history, senior lecturer, of the Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan.
- Balaubayeva, B.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Byuzheyeva, B.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Donetskaya, N.A.** — Senior lecturer of the Department of philosophy and theory of culture, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Karaganda, Kazakhstan.
- Doykov, Y.S.** — Doctor of political sciences, associate professor of the Department of Public Communications, University of Library Studies and Information Technologies, Sofia, Bulgaria.
- Ikhsanova, Zh.Y.** — Master student, Department of archeology, ethnology and Kazakhstan history, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan.
- Isaeva, A.I.** — Candidate of history sciences, Associate professor, Kazakh National Women's Teacher Training University, Almaty, Kazakhstan.
- Kaliakhmet, A.** — Master student, the Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Kalysh, A.B.** — Doctor of history sciences, professor, Head of the Department of archeology, ethnology and museology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Karipbayev, B.I.** — Doctor of philosophy, professor of the Department of philosophy and theory of culture, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan.
- Kartova, Z.K.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of History of Kazakhstan and social and humanitarian disciplines, North Kazakhstan University named after M. Kozybayev, Petropavlovsk, Kazakhstan.
- Kuketova, A.A.** — PhD student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.
- Kukeyeva, F.T.** — Doctor of history sciences, professor of the Department of International relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Medeubayev, Y.I.** — Candidate of history sciences, professor, Head of the Research Center for History and Ethnography, Kazakh-Russian International University, Aktobe, Kazakhstan.

-
- Mondira, Dutta** — Prof (Retd) School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India
- Movkebaeva, G.** — Doctor of history sciences, professor of the Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Ordabayev, A.K.** — PhD student, Department of International relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Sagatova, A.S.** — Candidate of philosophical sciences, Associate professor of the Department of History of Kazakhstan, Karaganda technical University, Karaganda, Kazakhstan
- Shlyupikov, M.V.** — Candidate of history sciences, Associate professor of the Department of world history and international relations, Karaganda University of the name of academician E.A. Buketov, Kazakhstan.
- Toguzbayeva, A.** — PhD student, Department of international relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.
- Zhekenov, D.K.** — PhD, associate professor of the Department of International relations and world economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

2020 ЖЫЛҒЫ
«Қарағанды университетінің хабаршысы. Тарих. Философия сериясы»
журналында жарияланған мақалалардың көрсеткіші

Указатель статей, опубликованных в журнале
«Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия»
в 2020 году

Index of articles published in
«Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series»
in 2020

	№	с.
ТАРИХ		
ИСТОРИЯ		
HISTORY		
<i>Abdrakhim M.</i> Kazakh translators of the Semirechensk oblast.....	1	19
<i>Abdrakhmanova K.K.</i> The scientific and creative intelligence of Karlag: the historiographical aspect	1	7
<i>Alzhanova E.E.</i> Development of trade in Southern Kazakhstan in the second half of the XIX — early XX centuries.....	1	44
<i>Alzhanova E.E., Nur CHETIN.</i> Cultural heritage of Central Asian Turks in written sources of the XIX century	1	31
<i>Amirov E.Sh., Ikhsanova Zh.Y.</i> Historical and cultural monuments of the Karaganda region (experience of quantitative and typological characteristics comparison by national indicators).....	4	7
<i>Baikushikova G., Tursynbek K., Balaubayeva B.</i> Conceptual bases of environmental security	3	128
<i>Baizakova Zh.I.</i> Us withdrawal from Afganistan: new ‘old’ perspectives from Central Asia	3	40
<i>Baizhiyenova K.T.</i> Documents and literature of health protection funds as historical source	1	51
<i>Byuzheyeva B., Kaliakhmet A., Balaubayeva B., Alipbayev A.</i> Central Asia as Turkey’s region of influence.....	4	15
<i>Khabdulina M.K., Khasenova B.M.</i> Antropomorphic images in the touretics of the Middle Ages of the steppe Eurasia.....	3	145
<i>Khlebnikov I.D.</i> The study of value representations of a sociocultural community construction considering the interdisciplinary interaction of history and empirical sociology.....	3	153
<i>Kuketova A.A.</i> Development of cattle breeding of the Kazakh steppe in the XVIII-XIX centuries in the works of Russian travelers: historiographic analysis (on the example of Semirechye)	4	50
<i>Kukeyeva F.T., Hor Ka Wai Christopher, Zhekenov D.</i> Kazakhstan foreign policy in the context of renewable energy	3	162
<i>Kuzembayeva A.B., Balaubayeva B.M.</i> Women’s empowerment issue: a new platform for the EU-Kazakhstan cooperation	2	122
<i>Li Yang.</i> The evolution of state religion relations in Kazakhstan	3	84
<i>Malibayeva N.</i> Intangible cultural heritage in museum practice.....	3	95
<i>Mazhitova Zh.S., Kamzayev B.K., Atanakova K.M.</i> A.F. Dubitsky as a sapper of the 29th Rifle Division: highlights of biography and frontline life (based on the materials of the archive of Nur-Sultan)	2	129
<i>Mondira Dutta</i> Role of Technology in Combatting Human Trafficking.....	4	57
<i>Movkebaewa G., Toguzbayeva A., Abdirova G.</i> Development of cooperation of Kazakhstan and the European Union in the field of renewable energy	4	65
<i>Myrzakhetova A.Zh., Khlebnikov I.D., Rezvushkina T.A., Karaseva N.V.</i> Regulatory framework for the formation of information culture of modern Kazakhstan youth	3	114
<i>Nuraliyeva S., Balaubayeva B.</i> What are the central contributions of critical thinkers to the study of international politics?.....	1	68
<i>Puntus E.A., Pupyshcheva T.N.</i> Institute of religion in the modern era.....	1	103
<i>Sagatova A.S.</i> Heritage of knowledge of history	4	83
<i>Saktaganova Z.G., Abdugarimova Zh.K.</i> Nurseries work during the Great Patriotic War in Central Kazakhstan	3	77
Серия «История. Философия». № 4(100)/2020		127

<i>Shlyupikov M.V.</i> Archaeology of the Eurasian steppes in the historical concept of L.N. Gumilyov	4	23
<i>Uskembayeva A., Orazaeva Zh.Zh.</i> Features of the formation of integration processes of the independent states of Central Asia	3	213
<i>Valitova Z.Kh., Kadatskaya N., Yessimova A.B.</i> Theoretical foundation of the study of the region image	1	82
<i>Yedgina G.T., Zhumashev R.M., Abou Taam Kh., Zuyeva L.I.</i> N.A. Nazarbayev, second secretary of the regional committee of the Communist Party of Kazakhstan	2	90
<i>Yessimova A.B., Valitova Z.Kh.</i> Image Characteristics of the Regions of Kazakhstan (based on the results of a sociological research)	1	74
<i>Абдрахманова К.К.</i> История повседневной жизни крестьянства Казахстана и послевоенное десятилетие историографический аспект	3	7
<i>Абдрахманова К.К.</i> Женщины-медики Павлодарской области в годы Великой Отечественной войны: героизм и фронтовая повседневность	2	6
<i>Абылхожин Ж.Б.</i> К дискурсу об исторических оценках российско-имперского и советского опытов модернизации в Казахстане	2	18
<i>Адамбек Б.К.</i> Бату ханның 1237–1242 жылдары Русь пен Шығыс славяндар жерлерін жаулап алуы және Ұлы Ұлыстың (Алтын Орданың) саясаты	3	21
<i>Алтысбес М.А., Ахметов А.К.</i> Төре әулеті өкілдерінің жеке шаруашылығы мен экономикасының тарихынан	3	31
<i>Алтаев А.Ш., Кожакеева Л.Т.</i> Урбанизация и динамика изменения численности городского населения в Казахстане в 2000–2017 гг.	1	38
<i>Ахметшина Г.У., Алтысбес М.А.</i> Қазақстан Республикасы Ұлттық архив қорларының сандық сипаттамаға көшуі	2	32
<i>Байзақова К.И., Смагулова Г.М., Стамбулов С.Б.</i> Жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелерін болжаудағы жаңа әдістемелік тәсілдер: халықаралық тәжірибе	2	47
<i>Балаубаева Б.М., Парпиев С.М., Нуралиева С.А.</i> Ирак күрділерінің сепсессионистік қозғалысының ерекшеліктері мен шектеулігі: мемлекеттік және аймақтық деңгей негізінде	2	55
<i>Бейсенбекова Н.А., Муратова М.Б.</i> Ұлттық тарихнамадағы Алаш зиялылары еңбектерінің маңызы .	2	69
<i>Бодеев К.Т., Сактаганова З.Г.</i> Қарағанды облысындағы діни ұйымдар тарихы (XX ғ. 60 ж. ортасы)	1	57
<i>Габдуллина А.Ж.</i> Участие турков Ахыска в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)	3	45
<i>Галиев А.А., Мырзахметова А.Ж., Галиева С.Б.</i> Идеология чингизизма в свете теории Э. Хобсбаума «Invention of Traditions». К 750-летию Золотой орды	2	81
<i>Горячев А.А., Чернов М.А.</i> Металлические изделия из погребальных комплексов эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора	3	54
<i>Досова Б.А., Стамбулов С.Б., Өмірбек Н.Қ.</i> Аймақтық қауіпсіздік кешені теориясының рөлі мен маңыздылығы	3	71
<i>Есетов Н.Е., Гундогду А.</i> Социальный аспект в земельных отношениях казахов Тургайской области в начале XX века	1	88
<i>Әліпбаев А., Бюжеева Б., Анерова А.</i> Орталық Азиядағы халықаралық лаңкестік пен діни экстремизмге қарсы күрес мәселелері	2	37
<i>Жолдасов А.Т., Жәкішева С.Ә.</i> Ғаламдық желідегі электронды кітапханалардың ресурстары	2	96
<i>Жумашев Р.М., Мырзахметова А.Ж., Өте Д.</i> Освещение проблем развития системы школьного образования в трудах советских исследователей Казахстана	1	96
<i>Зиязетдинов Р.М.</i> «Золотая добыча» нефтяников Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны	2	103
<i>Кабульдинов З.Е., Бейсембаева А.Р.</i> Некоторые аспекты из жизни и деятельности хана Уали	3	134
<i>Казбекова Н.А., Казбеков Н.А.</i> Вклад архивно-просветительских организаций дореволюционного Казахстана в становление казахстанской исторической науки (вторая половина XIX — начало XX вв.)	1	110
<i>Кальши А.Б., Исаева А.И.</i> Көрнекті ғалым М.С.Мұқанов керей тайпасының этникалық тарихын және шежіресін ғылыми негіздеуші	4	91
<i>Карсыбаева Ж.А., Жуманова А.З., Сақабай Т.Қ.</i> Ұлы Отан соғысы жылдарындағы Оңтүстік Қазақстан облысының әйелдері: майдандағы күнделікті өмір тарихы	1	116
<i>Картова З.К., Абуов Н.А.</i> Применение дискурсивного анализа к актовым источникам Золотой орды и последующих средневековых государств XIV–XVI веков	4	30

<i>Кукеева Ф.Т., Дюсебаев Д.К., Ордабаев А.К., Утегенова М.А.</i> Теоретические аспекты китайской инициативы «Пояс и путь»	2	111
<i>Кукеева Ф.Т., Жекенов Д.К., Ордабаев А.К., Әбдікамал А.М.</i> Проблемы реализации инициативы «Пояс и путь» в странах Центральной Азии	4	40
<i>Медеубаев Е.И.</i> Распад СССР как следствие разрушения однопартийной политической системы (опыт Актюбинского обкома Компартии Казахстана в 1989–1991 гг.).....	4	74
<i>Мендикулова Г.М., Надежук Е.А., Акатаева А.А., Оспанов Т., Тумабаев Т.</i> Участие казахов в Движении Сопротивления в Бельгии (новые архивные документы).....	3	172
<i>Мухатаева Г.А.</i> Солтүстік қазақстандық әйелдердің Ұлы Отан соғысындағы ерліктері.....	3	103
<i>Рысбеков Т.З., Нариман А.Б.</i> Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарындағы Батыс Қазақстанның мұнай өнеркәсібіне шетел капиталының енуі: тарихы мен мәселелері.....	1	122
<i>Сактаганова З.Г.</i> Женщины Казахстана и Великая Отечественная война проблемы мобилизации на фронт в 1941–1945 гг.....	3	187
<i>Сактаганова З.Г.</i> Женская повседневность на фронтах Великой Отечественной войны (на основе материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны).....	2	136
<i>Смагулова Г.М., Оразалиев Н.А.</i> Орталық Азия және Қытай: жаһандану жағдайындағы экономикалық ынтымақтастық	3	200
<i>Смагулова Г.М., Кенжеғали Ж.М., Төлеуова Б.Т.</i> Орталық Қазақстандағы экологиялық қауіпсіздіктің кейбір мәселелері (су ресурстарының мысалында).....	2	149
<i>Стамбулов С.Б., Досова Б.А., Амангельдиева А.Г.</i> Ауғанстан мәселесін реттеудегі Шанхай ынтымақтастық ұйымы дамуының жаңа кезеңі.....	3	207
<i>Шабаль Пьер, Беков К.Б.</i> Институциональная конкуренция в век прямой цифровой демократии	3	182

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

<i>Donetskaya N.A.</i> Philosophical and historical aspect of the individual's role in social modernization as exemplified by «the era of great reforms»	4	99
<i>Mazeikiene N., Starovik P.</i> Socio–philosophical foundations of the mythology of transhumanism.....	3	225
<i>Rezvushkina T.A.</i> Mother-women in modern Kazakhstan and her participation in national revival of the state.....	1	136
<i>Sagatova A.S., Nurligenova Z.N.</i> The Idea of Unity in the Kazakh Spirit	2	162
<i>Дойков Й.С.</i> О некоторых основных структурных компонентах кантовского понимания о природе научного знания	4	119
<i>Дойков Й.С.</i> Размышления о знаниях	3	219
<i>Дойков Й.С.</i> Общая концептуальная основа понимания знаний Гегелем	2	157
<i>Карипбаев Б.И.</i> Философско-методологические аспекты религиоведения в контексте формирования мировоззренческой культуры казахстанской молодежи.....	4	108
<i>Мажиев Ғ., Мухаметшин Р.М.</i> Бүгінгі таңдағы ислам елдеріндегі мемлекет пен дін қатынасының ерекшеліктері, принциптері мен даму тенденциялары: Сауд Арабиясы, Мысыр, Малайзия.....	1	128
<i>Сарсенбеков Н.Ж., Жетписбай Ш.А.</i> Қазақ дүниетанымындағы ой мен сөздің диалектикалық байланысы және практикалық көрінісі.....	1	146
<i>Уксукбаева М.Т.</i> Антикалық және ортағасырлық философия тарихындағы кеңістік пен уақыт категориялары.....	3	233

ПСИХОЛОГИЯНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ACTUAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

<i>Akhmetov R.A., Baymukanova M.T., Kozyrskaya I.</i> Theoretical bases of domestic and foreign practice history of SOS Children's village formation.....	1	156
---	---	-----